

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**CITIZEN
ELECTIONS
AUTHORITY**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

**№ 3(17)
2020**

ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ
JULY–SEPTEMBER

МОСКВА
MOSCOW

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПАМФИЛОВА Элла Александровна,
Председатель Центральной избирательной
комиссии Российской Федерации
(председатель)

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
член-корреспондент Национальной академии
Беларуси, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
(Беларусь)

ГАБОВ Андрей Владимирович, заместитель
директора Института законодательства
и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации, член-
корреспондент Российской академии наук,
доктор юридических наук, заслуженный юрист
Российской Федерации

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, директор
Института Европы РАН, член-корреспондент
Российской академии наук, доктор
политических наук, профессор РАН

ЕНИКЕЕВ Шамиль Мидхатович, доктор
политологии Оксфордского университета,
управляющий директор Оксфордского
международного центра (Великобритания)

ПРОРОК Владимир, проректор Института
международных и общественных отношений,
доктор философии (Чехия)

Главный редактор Гасанов И. Б.

Ответственный секретарь Ежов Д. А.

Журнал выходит 4 раза в год

Свидетельство: ПИ № ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 85482

Учредитель: Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Издатель: Российский центр обучения избирательным
технологиям при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Адрес редакции:
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47
Тел.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2020

EDITORIAL BOARD

PAMFILOVA Ella Aleksandrovna,
Chairman of the Central Election Commission
of the Russian Federation
(Chairman)

VASILEVICH Grigorii Alekseevich,
Head of Department of the Constitutional Law,
Belarusian State University, Associate Member
of the National Academy of Belarus,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of Belarus Republic
(Republic of Belarus)

GABOV Andrei Vladimirovich, Deputy Director
of the Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian
Federation, Associate Member of RAS,
Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian
Federation

GROMYKO Aleksei Anatol'evich, Director
of the Institute of Europe of RAS, Associate
Member of RAS, Doctor of Political Sciences,
Professor of RAS

ENIKEEV Shamil' Midkhatovich, PhD (Pol.Sci.)
of the Oxford University, Managing Director
of the Oxford International Centre
(United Kingdom)

PROROK Vladimir, Vice-Rector of the College
of International and Public Relations
(Czech Republic)

Editor-In-Chief I. B. Gasanov

Executive Secretary D. A. Ezhov

Published 4 times per year

Certificate: ПИ No. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Subscription index
in the catalogue "Russian Press" 85482

Founder: Central Election Commission
of the Russian Federation

Publisher: Russian Centre for Training in Election
Technologies under Central Election Commission
of the Russian Federation

Editorial Office:
Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow
Tel.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Central Election Commission
of the Russian Federation, 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (председатель)

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор (заместитель председателя)

БАКУШЕВ Валерий Владимирович, заведующий кафедрой парламентаризма и межпарламентского сотрудничества отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

БОРИСОВ Игорь Борисович, Председатель Совета Российского общественного института избирательного права, член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, кандидат юридических наук

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна, заведующий кафедрой социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета (МПГУ), профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, доцент

ВОЛКОВА Анна Владимировна, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, Председатель научной комиссии в области политических наук Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, доцент

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, главный редактор журнала «Гражданин. Выборы. Власть», кандидат политических наук

EDITORIAL BOARD

EBZEEV Boris Safarovich, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of science of the Russian Federation (Chairman)

VEDENEEV Yuri Alekseevich, Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Deputy Chairman)

BAKUSHEV Valery Vladimirovich, Head of Department of Parliamentarism and Inter-Parliamentary Collaboration, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Doctor of Political Sciences, Professor

BORISOV Igor Borisovich, Chairman of Council of the Russian Public Institute of Electoral Law, member of the Presidential Council for Development of Civil Society and Human Rights, Candidate of Law

BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, Head of the Department of Social and Political Studies and Technologies, Moscow Pedagogical State University (MPSU), Professor of the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLKOVA Anna Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Political Governance, Chairman of Scientific Commission in the Field of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLODENKOV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of State Policy of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VYDRIN Igor Vyacheslavovich, Head of the Department of Constitutional and International Law, Ural Institute of Administration — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Doctor of Law, Professor

GASANOV Ismail Bairamovich, Editor-In-Chief of the Journal "Citizen. Elections. Authority", Candidate of Political Sciences

ЕЖОВ Дмитрий Александрович, ответственный секретарь журнала «Гражданин. Выборы. Власть», доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат политических наук, доцент

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

КОМАРОВА Валентина Викторовна, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

ПЕТРИЩЕВ Вячеслав Николаевич, ректор Международного независимого эколого-политологического университета, кандидат политических наук

ПОСТНИКОВ Александр Евгеньевич, заведующий отделом конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

СЛАТИНОВ Владимир Борисович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, доктор политических наук, доцент

СМИРНОВ Вильям Викторович, заведующий сектором теории права и государства Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, доцент

УСМАНОВ Рафик Хамматович, заведующий кафедрой политологии и международных отношений, директор департамента социально-политических и экономических исследований Евразии и Востока Астраханского государственного университета, доктор политических наук, профессор

ЧЕРНЫШОВ Алексей Геннадьевич, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

EZHOV Dmitry Aleksandrovich, Executive Secretary of the Journal "Citizen. Elections. Authority", Associate Professor of the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Political Sciences, Associate Professor

KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor

KOMAROVA Valentina Viktorovna, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Dean of the State Sector Faculty, Novosibirsk State University of Economics and Management, Candidate of Law, Associate Professor

OSAVELYUK Aleksei Mikhailovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

PETRISHCHEV Vyacheslav Nikolayevich, Rector of the International Independent Ecological and Political University (Academy MNEPU), Candidate of Political Sciences

POSTNIKOV Aleksandr Evgen'evich, Head of the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

SLATINOV Vladimir Borisovich, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Doctor of Law, Associate Professor

SMIRNOV William Viktorovich, Head of the Sector of Theory of Law and State, Institute of State and Law of RAS, Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Associate Professor

USMANOV Rafik Khammatovich, Head of the Department of Political Science and International Relations, Director of the Department of Socio-Political and Economic Studies of Eurasia and East, Astrakhan State University, Doctor of Political Sciences, Professor

THERHYSHOV Aleksei Gennadievich, Professor of the Department "State and Municipal Law", Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК России) журнал «Гражданин. Выборы. Власть» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

12.00.01 — Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки),

12.00.02 — Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки),

23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Статьи, публикуемые в журнале «Гражданин. Выборы. Власть», индексируются в Научной электронной библиотеке ELIBRARY.RU.

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира — Российская Федерация

Тема номера: «Технологии управления электоральной активностью»

- Технологии управления электоральной активностью**
- 9 **Р.В. Пырма**
Социальные сети и электоральное участие: возможности активации голосования
- 33 **Д.А. Ежов**
О политическом интервью как жанре политического дискурса в контексте влияния его контента на электоральную активность
- 46 **П.Я. Фельдман**
К оценке эффективности современных сетевых технологий управления протестной электоральной активностью
- 62 **С.Н. Федорченко**
Новые технологии работы с электоратом: цифровизация демократии и проблемы политической легитимации
- 75 **С.О. Бышок**
Платформы электоральных рекомендаций: мировой опыт и применение в России
- 92 **А.В. Игнатов**
О некоторых правовых аспектах стратегии «умного голосования» как новой агитационной технологии
- 108 **К.Р. Даскалова**
Технологии политической мобилизации в системе мер по стимулированию электоральной активности: опыт Москвы
- Муниципальное право**
- 123 **С.С. Кустов**
Муниципальные округа в свете оптимизации территориальной организации местного самоуправления в России
- Политические институты**
- 132 **М.Е. Родионова**
Гендерное измерение политического представительства в государствах Европейского союза и России
- Политические процессы**
- 147 **Н.Е. Шакурова**
Расширение Европейского союза на восток в контексте эволюции политической системы единой Европы
- Политические технологии**
- 159 **Е.Ю. Березкина**
Особенности и проблемы формирования имиджа органа государственной власти в социальных сетях
- Пространство молодого ученого**
- 171 **О.Ю. Гетманская**
Отстранение члена участковой избирательной комиссии от участия в ее работе как процессуальная мера конституционной ответственности
- 180 **Г.В. Туманян**
Факторы влияния на электоральный выбор в условиях референдума как партиципативного механизма публичного управления
- Рецензии**
- 193 **А.В. Манойло**
Международный терроризм в XXI веке: формы и методы борьбы
- 204 Сведения об авторах

Topic of the Issue «Technologies of the Electoral Activity Management»

	Technologies of the Electoral Activity Management
9	R.V. Pyrma Social Networks and Electoral Participation: Voting Activation Opportunities
33	D.A. Ezhov About the Political Interview as a Genre of Political Discourse in the Context of the Influence of its Content on Electoral Activity
46	P.Y. Fel'dman On Assessing the Effectiveness of the Modern Network Technologies of the Protest Electoral Activity Management
62	S.N. Fedorchenko New Electorate Technologies: Digitalization of Democracy and Problems of Political Legitimation
75	S.O. Byshok Electoral Recommendation Platforms: World Experience and Application in Russia
92	A.V. Ignatov About Some Legal Aspects of "Smart Voting" Strategy as a New Election Campaign Technology
108	K.R. Daskalova Technologies of Political Mobilization in the System of Mobilization in the System of Stimulation Measures of Electoral Activity: Experience of Moscow
	Municipal Law
123	S.S. Kustov Municipal Districts in the Light of Optimization of the Territorial Organization of Local Self-Government in Russia
	Political Institutes
132	M.E. Rodionova Gender Measurement of Political Representation in the European Union and in Russia
	Political Processes
147	N.E. Shakurova The Expansion of the European Union to the East in the Context of the Evolution of the Political System of United Europe
	Political Technologies
159	E.Y. Berezkina Special Aspects and Problems of Image Formation of the Public Authority in Social Networks
	Young Scientist's Space
171	O.Y. Getmanskaya Dismissal of a Member of a Precinct Election Commission from Participating in its Work as a Procedural Measure of Constitutional Responsibility
180	G.V. Tumanyan Factors of Influence on Electoral Choice in a Referendum as a Participatory Mechanism of Public Administration
	Reviews
193	A.V. Manoilo The International Terrorism in XXI Century: Forms and Methods of Fight
204	Our authors

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ УЧАСТИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ АКТИВАЦИИ ГОЛОСОВАНИЯ

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные теоретические подходы к анализу эффектов обусловленности электоральной активности взаимодействием граждан, включенных в различные социальные сети. Участие в выборах трактуется как результат информационного влияния и социального взаимодействия избирателей, их обмена сведениями, мнениями и эмоциями, в процессе которых формируются общественные и личные установки. Факторы влияния на участие электората в голосовании подразделяются на формальные, неформальные и местные сетевые структуры. На основании проведенных исследований делается заключение о значимом воздействии социальных сетей как в традиционных, так и в цифровых пространствах коммуникации на голосование. Сетевые структуры способны как активировать, так и сдерживать участие граждан на выборах.*

***Ключевые слова:** электоральное участие, голосование граждан, социальные сети, формальные сети, неформальные сети, местные контексты, общественные установки.*

SOCIAL NETWORKS AND ELECTORAL PARTICIPATION: VOTING ACTIVATION OPPORTUNITIES

***Abstract.** The article discusses the main theoretical approaches to the analysis of the effects of conditional on electoral activity by the interaction of citizens included in various social networks. Participation in the elections is interpreted as the result of informational influence and social interaction of citizens, their exchange of information, opinions and emotions, in the process of which social and personal attitudes are formed. Factors of influence on the participation of voters in voting are divided into formal, informal and local network structures. Based on the studies, a conclusion is drawn on the significant impact of social networks, both in traditional and digital communication spaces, on citizen participation in voting. Network structures are capable of both activating and restraining citizens' participation in voting in elections.*

***Keywords:** electoral participation, voting of voters, social networks, formal networks, informal networks, local communities, public attitudes.*

Сетевые структуры

Электоральное участие является формой социального поведения. Голосование избирателей может рассматриваться как особая форма социального поведения, включая различные факторы социального влияния и/или социального давления [1]. М. Кастельс указывает на то, что общественные отношения сегодня оказываются организованными по принципу сетей, где каждый субъект находится во взаимосвязи с другими. Прежде основу сообщества составляла привязанность человека к месту жительства и работы, сегодня эта привязанность ослаблена с переходом к более слабым экстерриториальным социальным связям. Люди утрачивают связи с локальными сообществами в силу того, что реализуют личные потребности, опираясь на эти новые возможности — сетевой индивидуализм (персонализируемое сообщество), становясь частью глобальных сетевых структур [2, с. 62–63]. М. Кастельс утверждает, что коммуникации находятся в центре структуры и динамики современного общества, «поскольку именно через коммуникацию человеческое сознание взаимодействует с его социальным и естественным окружением. Этот процесс коммуникации происходит в соответствии со структурой, культурой, организацией и технологией коммуникации в данном обществе» [3, с. 20–21]. Сетевое общество формирует в глобальном масштабе социальную структуру, которая характеризуется не информацией, а изменением направления использования знаний, в результате чего *главную роль в жизни людей обретают сетевые структуры*, вытесняющие прежние формы вещной и социальной зависимости.

Социальный контекст в процессе мобилизации избирателей обуславливает различие между тремя потенциальными детерминантами явки избирателей:

- 1) мобилизационные сети, организующие мероприятия или акции с целью рекрутировать потенциальных избирателей для участия в голосовании;
- 2) неформальные сети, организованные без цели мобилизации избирателей;
- 3) местные культурные или территориальные сообщества и контексты, не имеющие явной политической цели. Исследования этих сетей и контекстов показали, что они оказывают определенное влияние на поведение при голосовании.

Общим для этих контекстов взаимодействия является то, что субъекты, встроенные в них, склоняются к мнениям других членов сети при определении своих собственных позиций и предпочтений. Эксперименты в социальной психологии показали, что индивиды в сети демонстрируют модели поведения, которые перенимает окружение. По другой линии исследований обнаруживается, что субъекты, как правило, развивают свои ценностные суждения и формируют политические предпочтения в диалоге с другими, создавая различные сетевые сообщества.

Сетевое влияние

Для отдельного избирателя шансы повлиять на результаты выборов чрезвычайно малы, а прямой стимул для голосования весьма ограничен. Однако иные стимулы могут сыграть свою роль в убеждении отдельных граждан участвовать в голосовании. Прежде всего идеологические и эмоциональные мотивы могут служить мощными стимулами для электорального участия. Организованная группа избирателей скорее решит солидарно проголосовать даже в ситуации, когда участие каждого не будет иметь ощутимого эффекта. Если человек воспринимает акт голосования как элемент морального и гражданского долга, то он с большей вероятностью будет участвовать в выборах, даже если для этого нет материального стимула [4]. Согласно Э. Даунсу, голосование — это не просто индивидуальное действие: избиратели являются частью социальной группы, и именно в этой группе их мобилизуют для голосования [5]. Таким образом, электронное участие может быть понято только как результат социального взаимодействия.

В процессе принятия решения о голосовании имеют значение различные факторы. Избиратели получают всевозможную информацию и советы от своих членов сети, поощряя их участвовать в избирательном процессе. В исследовании А. Кэмпбелла голосование считалось неотъемлемым социальным актом, в котором поведение отдельных людей можно понять только в том случае, если принять во внимание действия и убеждения других соответствующих партнеров по взаимодействию [6]. Результаты выборов имеют значение на агрегированном уровне: хотя на самом деле индивидуальный голос в большинстве случаев не имеет значения; если участники отождествляют себя с более крупной группой, то они действительно в большей степени заинтересованы в том, каким будет результат выборов.

Исследование группового и сетевого влияния выявили различия между двумя возможными способами эффективного воздействия. Групповые эффекты могут быть отчасти объяснены процессами конформизма, поскольку индивидуумы имеют тенденцию адаптировать собственное поведение к преобладающей поведенческой норме, что проявляется независимо от того, действительно ли участники убеждены в нужности групповых норм [7]. В этом случае групповое соответствие подразумевает, что граждане выходят на выборы даже при отсутствии какой-либо внутренней мотивации для голосования: они знают, что это групповая норма, и существует вероятность того, что члены группы отреагируют отрицательно, если они не будут соблюдать эти нормы.

Однако другие исследователи отмечают, что конгруэнтность социальной сети, т.е. согласованность действий сообщества может быть сформирована в процессе познания, диалога и развития. Индивиды, выражая свою позицию в сети, будут в основном подвергаться воздействию информации, ко-

торая поддерживает или, по крайней мере, совместима с преобладающими групповыми нормами и ценностями. На основании потока информации, интерпретации сообщений и комментариев событий вырабатывается общая позиция сообщества. Поскольку индивиды в целом пытаются избежать когнитивного диссонанса, можно ожидать, что отношения будут развиваться в соответствии со сформированными представлениями [8]. Обозначенные сетевые эффекты, повреждаемые эмпирическими данными, обеспечивают основу для сохранения актуальности социальных групп при голосовании.

* * *

Вместе с тем некоторые исследования ставят под сомнение важность такого рода группового сходства поведения, исходя из того, что человек не принадлежит к одной сети взаимодействия. В реальной жизни люди не просто встроены в определенную сеть. Граждане взаимодействуют в совершенно разных контекстах и одновременно принадлежат к различным сегментированным сетям, где приняты разные нормы. Множественная встроенность в разные сети приводит к тому, что граждане почти никогда не подвергаются воздействию только одного сетевого эффекта — обычно несколько эффектов происходят одновременно и при этом могут противодействовать друг другу.

Среди исследователей ведутся споры как о роли соглашения в сетях, так и числе подобных соглашений, так как это предполагает взаимодействие со всеми членами сети. Исследования часто опираются на совокупные измерения или на сообщаемые предпочтения, но акторы имеют сильную тенденцию переоценивать степень, в которой их значимые другие согласны с ними [9]. Предполагаемое сходство часто используется в качестве доказательства влияния сети, хотя оно может быть частично объяснено тенденцией к допущению, что другие согласятся с собственными индивидуальными взглядами и предпочтениями. Когнитивный подход предполагает, что сети в основном добьются эффекта, если в них будет достигнуто соглашение о преобладающих нормах, чтобы в последствии люди могли и будут адаптироваться к этим нормам. Другие исследования, однако, показывают не только то, что в сетях наблюдается довольно высокий уровень разногласий, но и то, что это несоответствие как таковое может иметь мобилирующий эффект.

Формальные сети

Политические партии и кандидаты на выборах являются одними из наиболее важных участников усилий по мобилизации избирателей. Как правило, целью политической партии или кандидата в избирательной кампании является склонить избирателей к голосованию. При этом усилия должны быть целенаправленными, так как результат мобилизации граждан

для участия в выборах может быть отрицательным, когда избиратель отдает предпочтение конкурирующей партии или кандидату.

Для политических партий и кандидатов существует сильный стимул ограничивать усилия по мобилизации социальных групп своего электората (с точки зрения класса, идеологии или ценностей). Политические партии и их аффилированные группы не имеют стимула инвестировать ресурсы в общие мобилизационные кампании, которые охватывают все население и могут принести пользу главным образом их конкурентам. Поэтому на протяжении всей истории выборов политические партии преимущественно инвестировали ресурсы в усилия по мобилизации тех, кого они считают своими потенциальными избирателями.

В избирательных кампаниях партийные «политические машины» используют ряд различных стимулов и методов, чтобы побудить своих избирателей в день выборов участвовать в голосовании. Учитывая тайну голосования, усилия претендентов часто сводятся к общей мобилизации явки избирателей, поскольку легального способа выяснить, действительно ли избиратели проголосовали за определенную партию или кандидата, не существует [10]. Такие обстоятельства мобилизации вынуждают политические партии и кандидатов выделять ресурсы для поддержания связи с большими социальными группами населения, часть которого обычно игнорирует голосование.

В последние десятилетия мировая практика мобилизации избирателей политическими партиями, которая более полно соответствует нормам честности выборов, претерпела существенные изменения. Традиционная модель партийной мобилизации в значительной степени опиралась на усилия рядовых членов, которые, как правило, были включены с социальными группами и сообществами. Когда политические партии еще можно было рассматривать как массовые членские организации, активисты местных отделений осуществляли мобилизацию потенциальных избирателей. Этот вид мобилизационных усилий может быть направлен как на адресные социальные группы электората, так и на стратегически важные избирательные округа. Кроме того, исследования показывают, что мобилизационные мероприятия, предусматривающие такого рода личные контакты, часто очень эффективны, поскольку потенциальные избиратели реагируют на этот призыв с более высокой готовностью участвовать в голосовании. Исследования, основанные на официальных отчетах о выборах, также показали, что личные контакты приводят к существенно более высокому уровню явки на местных выборах [11]. Мобилизационная стратегия прямого взаимодействия активистов с избирателями оказывает более сильное влияние на потенциальных избирателей, чем другие опосредованные формы контакта. Исследования подтверждают, что индивидуальный контакт с избирателем может иметь

прямое влияние на его мотивацию голосовать. Однако общую важность прямого общения в процессе мобилизации для повышения избирательной активности не следует переоценивать. Даже на конкурентных и ресурсных выборах партии и кандидаты не имеют средств, чтобы дойти до каждого потенциального избирателя персонально. Стоимость индивидуального контакта просто не позволяет охватить массы электората, поэтому СМИ по-прежнему имеют огромное значение для привлечения потенциальных избирателей к выборам.

В последние десятилетия традиционная модель мобилизации избирателей оказалась под давлением, так как показатели членства в партиях резко снизились почти во всех стабильных демократиях. Поскольку политические партии были преобразованы в более профессиональные организации, то и избирательные кампании стали более профессионализированными. Роль членов партии уменьшилась в пользу привлечения профессиональных экспертов по политическому маркетингу, делающих ставку на каналы массовой коммуникации. Влияние опосредованных средств влияния, таких как листовки, электронная почта или письма, намного ниже, чем воздействие личного контакта, но при непрямых формах влияния финансовые затраты на одного потенциального избирателя достигают гораздо низких уровней. Привлекательность печатных материалов или рекламных роликов в том, что они позволяют охватить большое количество потенциальных избирателей за очень короткое время, предоставляя возможность доставки единообразных и контролируемых сообщений.

Политические партии и кандидаты все чаще используют цифровые коммуникации (Интернет, социальные медиа, мессенджеры и др.) для распространения своих мобилизационных сообщений. Различные формы социальных сетей и электронных сообщений практически полностью охватывают молодежную аудиторию, которая в своей повседневной жизни интенсивно использует гаджеты. Молодое поколение, в отличие от более возрастных групп населения, часто оказывается вне поля влияния традиционных СМИ, к услугам которых активно прибегают кандидаты и партии. Цифровые коммуникации в целом, действительно, могут оказывать сильный мобилизационный эффект, а их использование положительно связано с уровнем политического участия [12]. Одна из причин этого эффекта состоит в том, что они сочетают в себе два разных элемента: поток информации может быть определен отправителем так же, как и в более традиционных формах общения, но в тоже время сообщения передаются и пересылаются, способствуя возникновению сетевых эффектов.

На сегодняшний день существует всего несколько исследований, рассматривающих эффективность электронных коммуникаций во время избирательных кампаний. Обнаружено, что онлайн-контакты партий и кандидатов

положительно коррелируются с явкой среди молодежи, а неформальные онлайн-контакты друзей и знакомых увеличили явку среди пожилых избирателей [13]. Дополнительным преимуществом электронного общения является то, что оно может способствовать возникновению «эффекта снежного кома», поскольку сообщения о политической кампании легко распространяются в личной сети. Образуется эффект умножения, когда достижение одного человека может дать возможность связаться с несколькими другими потенциальными избирателями. Фактически такой вид обмена и переадресации в некоторой степени предлагает функциональный эквивалент членам партии, которые больше не доступны политическим партиям. Пересылка электронного сообщения от кандидата может служить мощным одобрением, поскольку сообщения, полученные от личных друзей, имеют гораздо более высокий уровень доверия, чем информация, распространяемая политическими организациями.

Эффективность коммерчески используемых форм мобилизации избирателей также может быть повышена с помощью микротаргетинга (целевой рекламный механизм в малых долях) целевых аудиторий, когда сообщения рассылаются только определенным группам избирателей, которая является стратегически важной для партии и/или кандидата [14]. Однако такого рода прямые мобилизационные усилия не всегда проводятся самой политической партией. Определяющей характеристикой сторонников всех партий является то, что они часто могут полагаться на сеть связанных организаций — от профсоюзов до гендерных групп, культурных или молодежных ассоциаций. В частности, политические партии, которые исторически были связаны с рабочим движением, были включены в такую сеть партнерских организаций. Они играли важную роль в привлечении избирателей для своей сетевой партии. Профсоюзы традиционно мобилизовали своих членов для голосования за социалистические или трудовые партии. На совокупном уровне можно наблюдать положительную связь между плотностью профсоюзов, явкой избирателей и долей голосов левых партий. Исторические и неофициальные данные убедительно свидетельствуют о том, что эта положительная корреляция может быть частично объяснена конкретными усилиями профсоюзов.

Однако две структурные тенденции ослабили важность этого мобилизационного механизма. Во-первых, в большинстве развитых индустриальных обществ плотность профсоюзов имеет тенденцию к снижению, поэтому у профсоюзов просто меньше средств для охвата большой аудитории. Хотя доступных исследований других партийных ассоциаций не так много, но имеющиеся данные также свидетельствуют о тенденции к снижению числа их членов. Таким образом, дочерние организации имеют гораздо меньший резерв для привлечения потенциальных участников кампании и избирателей. Во-вторых, на организационном уровне отношения между профсоюзными

организациями и политическими партиями стали более отдаленными. Хотя в некоторых случаях члены профсоюзов автоматически становились также членами в основном социалистической партии, в большинстве стран от этой практики отказались, что значительно затрудняет мобилизацию профсоюзов для одной конкретной партии. Некоторые исследователи утверждают, что упадок профсоюзов является одной из причин наблюдаемой тенденции к снижению показателей явки избирателей, поскольку профсоюзы и другие связанные с ними организации продолжают терять членов, утрачивая способность мобилизовать избирателей [15]. Снижающаяся роль профсоюзов подразумевает, что не только явка в целом будет снижаться, но данная тенденция будет сильнее сосредоточена среди малообразованной части населения. Исходя из этой тенденции можно ожидать, что партии, связанные с рабочим движением, будут терять свои политические позиции.

Эффективность мобилизационных усилий может быть повышена и путем организации *социального давления*. Избирательная кампания, в которой подчеркивался тот факт, что результаты участия в голосовании могут быть доступны общественности, оказались более действенны, чем кампания, которая не использовала этот аргумент [16]. Очевидно, избиратели понимают, что в случае общественного контроля их репутация в сообществе может пострадать. Однако более тонкие формы социального давления могут быть в равной степени эффективными, поскольку предполагается, что потенциальные избиратели не только беспокоятся о своем реноме, но и хотят, чтобы у них было положительное представление о себе как о добром и ответственном гражданине [17]. Более мягкое воздействие, состоящее в том, чтобы просто поблагодарить избирателей за то, что они проголосовали на предыдущих выборах, может оказать такое же влияние, указывая на то, что и в этом случае поведенческое соответствие явно не является единственным мотивирующим фактором [18].

В последние десятилетия в политических сетях происходят сильные изменения. Сосредоточение усилий на охвате конкретных групп населения с помощью целевых кампаний волонтеров было заменено обобщением профессиональных и электронных кампаний. Хотя в некоторых случаях эти современные и профессиональные инструменты могут быть столь же эффективными, так как они поднимают проблему неравенства и расслоения, но менее вероятно, что они достигнут групп населения с традиционно низким уровнем явки избирателей.

Неформальные сети

Мобилизация избирателей происходит не только под влиянием государственных учреждений, политических партий и связанных с ними организаций, но и неформальных сетевых структур. Специалисты отмечают, что влияние

семьи сохраняет важность для электорального выбора. В так называемой «социальной логике политики» исследователи продемонстрировали, что внутри семьи формируются политические установки и модели поведения с сильным взаимным влиянием. Несколько слабее подобный эффект обнаруживается среди друзей, коллег и окружающих, между которыми происходит обмен мнениями [18]. Преобладающий механизм здесь основан на устоявшихся тенденциях в склонности людей со схожими характеристиками общаться друг с другом. Партнеры по взаимодействию в своей сети чаще всего имеют одинаковый социально-экономический статус, уровень образования, религиозные традиции и культурные привычки. Они в значительной степени исходят из схожих интересов и идеологических предпочтений, становясь в процессе взаимодействия образцами для подражания.

Сравнение конгруэнтности оценки в семье с фактическими измеренными мнениями действительно демонстрирует, что здесь могут иметь место большие различия [19]. Исследователи показывают, что возможно и противоположное явление: в семьях, где у родителей разные политические предпочтения, дети чаще участвуют в политической жизни. Возможным объяснением этого явления может послужить то, что в подобных семьях политика может стать более заметной темой, что приведет к большему количеству политических дискуссий и, таким образом, к мобилизации дальнейших политических действий. Дети могут чаще подвергаться влиянию политической информации, поскольку разногласия в семье обычно сопровождаются эмоциональными дебатами [20].

Исследованиями также установлено, что характер последствий политической социализации в семье резко изменился в течение XX века. Прежние исследования в значительной степени исходили из иерархической патриархальной модели, в которой отец в семье был лидером общественного мнения, оказывая сильное влияние как на супругу, так и на детей. Довольно часто другие члены семьи воспринимались пассивными получателями политических сообщений, поскольку предполагалось, что мужчины в домохозяйстве обладали более высоким уровнем политических знаний, интереса и эффективности. Итоги исследований говорят о том, что мужчины все еще более активно участвуют в политических дискуссиях в контексте семьи, но большинство исследований в настоящее время предполагают взаимный эффект, при котором исчезает не только гендерное неравенство; они указывают еще и на то, что подрастающее поколение может влиять на поколение своих родителей в отношении электорального поведения и политических предпочтений. Молодые возрастные группы быстрее воспринимают эти сигналы и усваивают их в собственной модели ценностей. В диалогах внутри семьи они гораздо чаще сообщают о своих предпочтениях старшим, чем наоборот. Современные исследования пред-

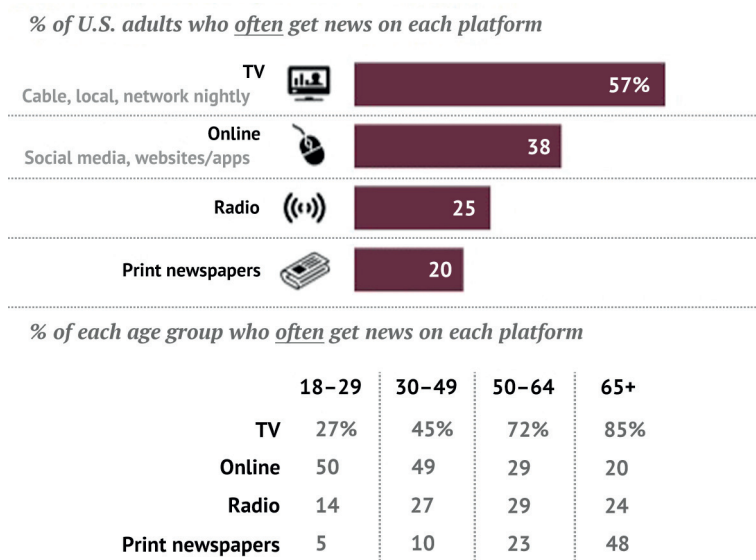
полагают существование взаимных эффектов политической социализации в семейном кругу, по которой общение и диалог в семье оказывают влияние на установки членов семьи. В отдельных исследованиях высказывается предположение, что генетические характеристики человека могут также влиять на его политические взгляды и поведение. Если это так, то общая генетическая связь членов семьи может объяснять некоторую степень сходства в активности и предпочтениях.

Некоторые исследователи отмечают, что СМИ также могут функционировать как политическая сеть. В частности, избиратели самостоятельно выбирают конкретные медиа-сети, в которых они будут получать информацию о выборах. Отчасти средства массовой информации имеют такой эффект из-за своей функции определения повестки дня: выбранные ими темы, скорее всего, также будут восприняты читателями и зрителями [21]. В медиа-сети граждане сталкиваются с более разнообразными взглядами, чем в личной сети. Причем современная медиа-среда подставляет события с эффектом поляризации. Например, значительные разногласия во время политических дебатов вызывают сильный политический интерес у зрителей к выборам. Однако напряженная избирательная кампания также может иметь и обратный эффект, то есть — привести к росту недоверия к политическим институтам и, как следствие, к снижению готовности участвовать в выборах [22].

Согласно данным ведущего американского центра исследований PRC (Pew Research Center — американский внепартийный «мозговой центр», нацеленный на исследования общественных процессов и массовых коммуникаций), граждане чаще получают новости в Интернете, но их обсуждение там происходит редко. Социальное взаимодействие по поводу новостей по-прежнему происходит по большей части в офлайне. В подавляющем большинстве люди по-прежнему обмениваются новостями лично при встрече или по телефону. Например, несмотря на сетевые возможности цифровых коммуникаций, абсолютное большинство (85%) американцев делятся новостями при непосредственном общении.

В период выборов 2016 года телевидение еще оставалось для американских избирателей доминирующим источником информации. За телевидением следовали расширяющие свое влияние цифровые онлайн-коммуникации (социальные сети, новостные сайты). Исследования фиксировали значительно более редкое информационное потребление телевизионных новостей среди молодых избирателей, что предполагает кардинальные перемены в каналах информационного воздействия на массовую аудиторию в предстоящих выборах президента США 2020 года. Только двое из десяти американских избирателей указали, что часто получают новости из печатных газет, а в 2013 году таких было более четверти граждан (27%).

Аудитория новостей основных информационных каналов

Note: Just 1% said they never got news on any platform (not shown).
 Source: Survey conducted Jan. 12-Feb. 8, 2016.
 "The Modern News Consumer"

PEW RESEARCH CENTER

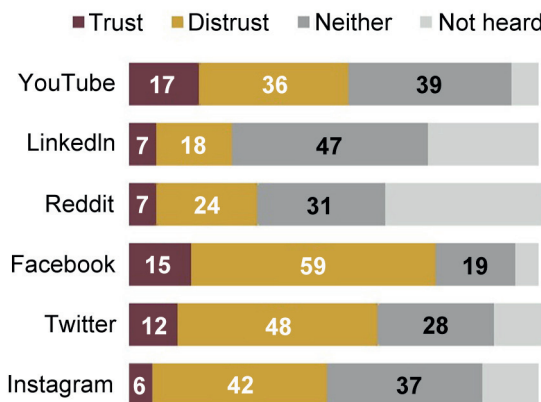
Вместе с тем, в целом американские граждане доверяют новостной информации в цифровых источниках несколько меньше (67%), чем другим национальным новостным платформам (81%). Те, кто предпочитает получение новостей онлайн, имеют более негативное отношение к СМИ, отмечая их ангажированность (81% говорят, что медиа поддерживают одну сторону, по сравнению с 71% тех, кто предпочитает другие платформы для получения новостей). В то же время онлайн-пользователи демонстрируют более активный интерес к новостям. Они утверждают, что поиск новостей в Интернете дает им более широкий спектр информации.

Недавние результаты исследования PRC показывают, что, хотя сайты социальных сетей могут охватить значительное число американцев, они также сталкиваются с проблемой доверия к политической информации. Так, уровень недоверия избирателей к новостям о политике вообще и выборах в частности на самых популярных платформах социальных медиа остается весьма высоким: Facebook — 59 процентов, Twitter — 48, Instagram — 42, YouTube — 36 процентов. Если говорить в целом и в отношении всех шести социальных сетей, то больше американцев склонны выражать им недоверие, чем доверие.

Диаграмма 2.

**Доверие американских избирателей к новостям
о политике и выборах в социальных сетях**

*% of U.S. adults who ___ each source as a place to get
political and election news*

Source: Survey of U.S. adults conducted Oct. 29-Nov. 11, 2019.

PEW RESEARCH CENTER

Среди российских граждан наблюдаются схожие предпочтения в выборе каналов потребления новостной информации. По данным ФОМ, телевидение остается ключевым каналом информации для российских граждан, сохраняя относительно высокий уровень доверия. Основными новостными каналами в Интернете выступают поисковики (42%), а затем уже со значительным отставанием идут социальные сети (20%) и информационные сайты (13%). Российские граждане смотрят новости на телевидении, прежде всего для того, чтобы ориентироваться в текущих событиях в стране и мире. При этом доверие к новостной информации телевидения находится на более высоком уровне (36%), хотя заметно снизилось по сравнению с положением, имевшим место пятью годами ранее. За этот период доверие к информации в Интернете несколько выросла: новостных сайтов с 15 до 20 процентов, интерактивных площадок, включая блоги, форумы и социальные сети — с 4 до 11 процентов. Доверие к печатной прессе (газеты, журналы), к сообщениям радио остается на стабильно низком уровне около 8 процентов. При этом разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми в представлении граждан не являются источником достоверной информации, им больше, чем остальным источникам доверяет только 7 процентов респондентов,

причем этот показатель на протяжении обозначенного времени остается стабильно низким¹.

Диаграмма 3.

Коммуникационные каналы потребления новостей российскими избирателями

(Из каких источников вы чаще всего узнаете новости, информацию? %)

	29 августа 2010	2011	2012	2013	25 мая 2014	2015	31 января 2016	2017	21 января 2018	29 апреля 2018	18 ноября 2018	20 января 2019
Телевидение	87	92	92	86	87	88	87	78	75	71	71	71
Новостные сайты в Интернете	13	20	26	26	29	34	39	41	36	41	43	44
Форумы, блоги, сайты социальных сетей	4	7	9	12	14	14	14	18	17	20	19	19
Разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми	22	17	23	20	22	19	25	19	16	15	15	17
Печатная пресса (газеты, журналы)	21	27	29	22	18	22	17	18	12	14	14	12
Радио	19	21	21	19	18	18	17	16	14	14	13	12
Другое	0	0	0	0	0	0	1		0	1	0	1
Затрудняюсь ответить	2	1	1	1	0	1	1	1	1	1	1	1

Опросы избирателей, проводимые перед выборами президента США 2016 года, позволили разделить источники информации по степени их полезности для получения новостей и сообщений о выборах. По данным исследования, из предложенных 11 видов источников в верхней части рейтинга оказались кабельные новостные телеканалы, которые наиболее полезными считает 24 процента избирателей, осведомленных о выборах, что на 10 процентов выше, чем у любого другого вида источника информации. После кабельного телевидения, наиболее полезными названы еще пять видов источников информации (в пределах 10–14%): местные ТВ и сайты социальных сетей (каждый по 14%), новостные сайты и приложения (13%), новостное радио (11%) и национальные ночные сетевые телевизионные каналы новостей (10%). В нижней части списка оказались пять видов источников информации, названные менее 3 процентами американцев, которые знали о выборах. В их числе оказались печатные версии местных (3%) и национальных (2%) изданий, ночные комедийные шоу (3%), а также сайты, приложения или электронные письма кандидатов (1%) и групп общественности (2%).

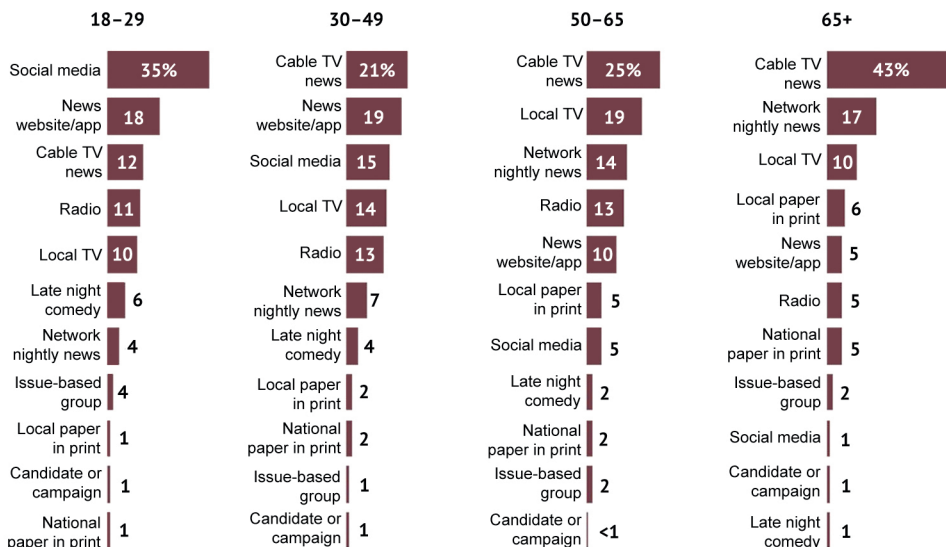
¹ «ФОМнибус» — опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 20 января 2019 г. Источники новостей и доверие СМИ // URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14170>.

Возраст избирателей существенным образом сказывается на различиях в источниках получения информации о выборах. Популярность кабельного телевидения выражена среди граждан пенсионного возраста, в то время как социальным медиа явное предпочтение отдает молодежь. Примерно четверо из десяти избирателей (43%) группы старше 65 лет признавали новости кабельного телевидения о выборах наиболее полезными, что на четверть (26%) выше, чем у любого другого источника, и намного выше, чем у любой другой возрастной когорты. Для сравнения, только для каждого десятого (12%) в возрасте 18 до 29 лет новости кабельных каналов являются наиболее полезными. Вместо этого около трети (35%) из 18–29-летних называли социальные сети наиболее полезным источником информации о президентских выборах. Это примерно вдвое больше, чем у ближайшего вида источника — новостных сайтов и приложений (18%). Доля социальных медиа резко снижается для более возрастных групп: 15 процентов для людей в возрасте от 30 до 49 лет, 5 процентов для 50–64-летних и только 1 процент для тех, кто старше 65 лет.

Диаграмма 4.

Распределение источников информации о президентских выборах США по возрастным группам

Among those who learned about the 2016 presidential election in the past week, % who say the most helpful type of source is ...

Source: Survey conducted Jan. 12–27, 2016

Для сравнения: потребление новостной информации среди российских граждан в возрастных группах даже с временным сдвигом остается более традиционным². Однако тенденция переключения каналов информации при смене поколений также явно прослеживается.

Диаграмма 5.

Распределение источников новостной информации среди граждан России по возрастным группам

(ФОМ. Из каких источников вы чаще всего узнаете новости, информацию? %)

	Население в целом	18–30 лет	31–45 лет	46–60 лет	Старше 60 лет
Телевидение	71	48	64	80	92
Новостные сайты в Интернете	44	57	55	43	18
Форумы, блоги, сайты социальных сетей	19	38	20	17	3
Разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми	17	17	19	18	12
Печатная пресса (газеты, журналы)	12	6	7	12	25
Радио	12	9	13	10	15
Другое	1	1	1	<1	<1
Затрудняюсь ответить	1	2	2	1	1

Во время общенациональных выборов в Конгресс США в 2010 году исследователи Калифорнийского университета в Сан-Диего провели масштабный эксперимент. В день выборов почти каждый из американских 61 млн пользователей Facebook получил сообщение «Get out the vote» (Иди на выборы!) в верхней части новостной ленты сайта, чтобы подтолкнуть людей к участию в голосовании. Сообщение включало напоминание о том, что «сегодня — День выборов», ссылку на местные избирательные участки, кнопку «Я проголосовал» со счетчиком, отображающим общее число проголосовавших пользователей Facebook, шесть фотографий, принявших участие в голосовании друзей получателя. При этом две случайно выбранные контрольные группы, по 600 тыс. пользователей Facebook каждая, не получили фотографии. Одна группа получила только сообщение «Get out the vote», другая не получила никакого сообщения для голосования вообще. Ниже показаны два сообщения, которые посылались пользователям Facebook: «формальное послание» (*вверху*) и «социальное послание» (*внизу*). «Социальное послание» отличается от «формального» наличием нижней панели, на которой находится список друзей пользователя, которые нажали на кнопку «Я проголосовал», и отображения этих друзей.

² «ФОМнибус» — опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 20 января 2019 г. Источники новостей и доверие СМИ // URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14170>.

Формальное сообщение

Социальное сообщение

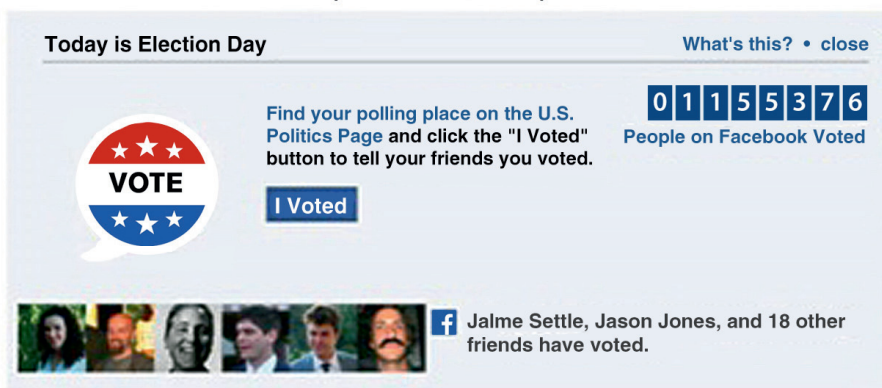

Рис.1. Формальное и социальное сообщения в социальных медиа, мотивирующие к участию в голосовании

Изучив списки избирателей, исследователи смогли сравнить фактическую явку среди различных групп населения. Они определили, что сообщение с изображениями проголосовавших друзей непосредственно принесло 60 тыс. дополнительных голосов по всей стране и косвенно способствовало привлечению еще 280 тыс. избирателей, которые были подстегнуты друзьями, подвергнутыми так называемому «эффекту социального заражения»³. Сообщения влияли не только на пользователей, которые их получали, но и на друзей пользователей, а также на друзей друзей. Влияние социальной передачи на реальное голосование было больше, чем прямое влияние самих сообщений, при этом почти все передачи происходили между «близкими друзьями», которые с большей вероятностью имели личные отношения. Эти результаты свидетельствуют о том, что прочные связи играют важную роль в распространении как онлайн-ового, так и реального поведения человека в социальных сетях.

³ Markoff J. Social Networks Can Affect Voter Turnout, Study Says // URL: <https://www.nytimes.com/2012/09/13/us/politics/social-networks-affect-voter-turnout-study-finds.html>.

Главный вывод исследования на основании масштабной репрезентативной выборки заключается в том, что сетевые стимулы персонализированных сообщений повышают политическую активность, а влияние формальных стимулов или агитации не столь существенно. В то же время социальные стимулы эффективно влияют на поведение близких друзей, а информация от отдаленных виртуальных друзей не влияет на реальную активность на выборах. На реальную политическую активность действуют только тесные социальные контакты; те, что значимы для людей не только в виртуальной, но и в реальной жизни. При этом политическое самовыражение и проявление интереса к деятельности избирательных участков увеличиваются у всех пользователей практически независимо от степени их близости к друзьям, чьи имена и атрибуты используются в «социальном послании» [23]. Полученные результаты свидетельствуют, что сообщения в социальных сетях непосредственно повлияли как на активность избирателей, так и политические предпочтения и направление поиска информации о выборах. При этом включенные в политизированные сети граждане сильнее подвержены мобилизационным усилиям, что приводит к более высокому уровню электорального участия [24].

Местные сообщества и контексты

В каждой стране складывается свое отношение к участию в голосовании. Во многом сформированный уровень гражданственности, подверженный общественной конъюнктуре и политическим триггерам, обуславливает активность избирателей. Вместе с тем электоральная география показывает, что и внутри стран существует значительная дифференциация в явке граждан на выборы. Различия в электоральной активности на уровнях регионального и местного управления объясняется множеством факторов, в том числе сформированной идентичностью сообщества, объединенной общими политическими ценностями и установками [25]. Местные сообщества и контексты, в которых проживают граждане, также влияют на поведение избирателей.

Важным фактором выступает организация сетевой структуры региональных сообществ. Теория «слабых связей» доказывает большую полезность и выгодность в межличностном общении поверхностных знакомств, чем «сильных связей» между родственниками, друзьями и сослуживцами [26]. Слабые связи, так как их значительно больше и они менее обременительны, позволяют соединиться с большими социальными группами, охватывать масштабные территории и различные сферы деятельности. Однако в отношении эффективного влияния слабых связей на электоральное участие граждан возникают сомнения. Большая плотность социальных связей и иерархическая общественная структура, сохраняющие более традиционные уклады и жизненные ценности, способствуют электоральной мобилизации. В крупных урбанизированных центрах сила социальных связей гораздо слабее, чем в провинции.

Таблица 1.

Различия в явке избирателей в регионах (ТОП-15 активных и пассивных) на президентских выборах в США 2016 г. и России 2018 г.

Рейтинг	США	(в %)	Рейтинг	Россия	(в %)
		59,2			67,47
1.	Миннесота	74,1	1.	Республика Тыва	93,7
2.	Нью-Гемпшир	71,4	2.	Магаданская область	91,9
3.	Мэн	70,7	3.	ЯНАО	91,9
4.	Колорадо	70,0	4.	Чеченская Республика	91,5
5.	Висконсин	69,5	5.	Республика Дагестан	87,5
6.	Айова	68,4	6.	Карачаево-Черкесская Республика	87,1
7.	Массачусетс	67,2	7.	Кабардино-Балкарская Республика	83,3
8.	Мериленд	66,4	8.	Чукотский автономный округ	82,3
9.	Орегон	66,2	9.	Республика Ингушетия	81,9
10.	Вирджиния	66,1	10.	Краснодарский край	81,4
11.	Мичиган	64,7	11.	Брянская область	79,9
12.	Вашингтон	64,7	12.	Тюменская область	78,9
13.	Флорида	64,5	13.	Республика Мордовия	77,8
14.	Северная Каролина	64,5	14.	Республика Татарстан	77,4
15.	Нью-Джерси	64,4	15.	Чувашская Республика	76,2
...
37.	Невада	57,4	71.	Республика Коми	60,5
38.	Нью-Йорк	56,8	72.	Омская область	60,5
39.	Юта	56,8	73.	Астраханская область	60,4
40.	Северная Каролина	56,7	74.	Красноярский край	60,3
41.	Калифорния	56,5	75.	Еврейская автономная область	60,2
42.	Индиана	56,4	76.	город Москва	59,9
43.	Миссисипи	55,2	77.	Томская область	59,2
44.	Аризона	54,9	78.	Архангельская область	59,2
45.	Нью-Мехико	54,5	79.	Ивановская область	58,5
46.	Арканзас	52,8	80.	Забайкальский край	57,9
47.	Оклахома	52,3	81.	Новосибирская область	57,9
48.	Техас	51,4	82.	Тверская область	57,6
49.	Теннесси	51,1	83.	Новгородская область	57,3
50.	Западная Вирджиния	50,2	84.	Республика Карелия	57,2
51.	Гавайи	42,3	85.	Иркутская область	55,8

В США высокой активностью отличаются штаты Новой Англии с прочными гражданскими традициями и провинциальные штаты, тогда как штаты с крупными городскими агломерациями, как правило, показывают более низкую явку избирателей. В России наблюдается заметный разрыв в электоральной активности на выборах различного уровня между мегаполисами (Москва и Санкт-Петербург) и остальными регионами. Исследователи отмечают, что более высокий уровень жизни в «столицах», несмотря на наличие массовых протестных и «фрондерских» групп (интеллигенция, предприниматели, студенты), приводит к большей удовлетворенности существующим положением дел, при которой граждане предпочитают минимизировать свои усилия, игнорируя участие в выборах [27, с. 87].

Очевидно, что факторы социальных сетей и местных сообществ накладываются друг на друга. Сообщество, в котором проживают люди, также в значительной степени определяет характеристики их сети друзей и семьи. Семья и друзья часто имеют один и тот же географический контекст и, поскольку этот контекст является более однородным, это также будет влиять на однородность сетей. В небольших избирательных округах политики и сами кандидаты могут быть их частью. Вывод в этом направлении исследований довольно прост: вероятность того, что кто-то проголосует за конкретного кандидата, выше, если этот кандидат живет рядом с потенциальным избирателем [28]. Например, европейские исследователи пришли к выводу, что, несмотря на значительную политическую мобильность как депутатов местных парламентов, так и для Европарламента, подавляющее большинство представляет избирательные округа в пределах своего региона рождения или соседнего региона [29].

Местный контекст может оказывать влияние на поведение избирателей тремя различными способами [30]. Во-первых, жители того же региона, скорее всего, будут иметь хотя бы некоторые общие характеристики. В сельской местности аграрное хозяйство может быть важным сектором экономики, в определенных регионах мобилизующее значение может принадлежать общему языку общения, но в завершающем итоге жители региона проявят большую склонность к голосованию за партии, которые должны защищать их интересы, а географическая концентрация групп избирательного округа облегчает их мобилизацию. В целом, сосредоточенные в конкретной местности группы политически легче привлечь, чем сообщества, которые равномерно распределены по территории страны.

Во-вторых, в политических системах со значительной степенью автономии для региональных или местных органов власти процессы самоотбора происходят с большей мерой вероятности. Партии могут пользоваться поддержкой местного населения, принеся положительные изменения в социальную и экономическую сферу региона.

В-третьих, жители региона находятся под влиянием социального и/или культурного климата, преобладающего в конкретном географическом

контексте. Следовательно, тот факт, что они подвергаются воздействию каких-либо стимулов и информации, может также повлиять на голосование.

В политической географии постоянно повторяется, что местный контекст может оказать сильное влияние на поведение избирателей. Однако следует отметить, что причинность в этом случае также может быть противоположной. У политиков есть стимул убедиться, что избирательное законодательство, особенно правила, определяющие границы избирательных округов, соответствуют их собственным интересам.

Выводы

Таким образом, электоральное поведение в значительной степени является социальным. Это создает проблему для доминирующих подходов к избирательному поведению, которые часто отходят от методологического индивидуализма. Эмпирический материал ясно показывает, что электоральные «вердикты» индивид принимает не в изоляции. Индивидуальное решение следует рассматривать на фоне мобилизации кампаний кандидатов, взаимодействия с друзьями и членами семьи, а также на примере соседей и местных кандидатов. Однако можно предположить, что все эти эффекты происходят одновременно, затрудняя исследование информационных потоков. Современные формы сетевого анализа на основе киберметрии должны открывать возможности для использования более сложных моделей в исследованиях.

Во-первых, традиционные формы личного контакта продолжают терять свои позиции в последующие годы и десятилетия. Это может быть связано не только с тенденциями в отношении функционирования политических партий, но и с более широкими социальными трендами, когда информационные потоки, опосредованные электронным способом, становятся все более важными. Политическая коммуникация с избирателями смещается в этом направлении. Понимание социальной психологии действительно указывает на специфические эффекты личного контакта, где различные формы невербального общения (внешность, симпатия, знакомство, характер и т.д.) могут усиливать мобилирующий эффект. Большая часть этого невербального общения отсутствует в социальных сетях.

Во-вторых, важным вопросом исследования остается дальнейшее соответствие социального давления и эффекта голосования. Традиционно голосование было публичным и очень заметным событием, во время которого большая часть населения территории собиралась на одном избирательном участке. Такой высокий уровень видимости может привести к социально желательному поведению или, по крайней мере, к мысли, что соседи или коллеги могут воочию заметить, что кто-то не голосовал.

В большинстве развитых демократий существует тенденция к удобному волеизъявлению, разрешающему голосование по почте или через различ-

ные формы интернет-голосования. Все эти факторы подразумевают, что «день выборов» больше не играет прежней присущей ему ключевой роли. Возникает фундаментальный вопрос о том, будет ли социальное давление иметь значение при внедрении системы электронного голосования. Если сам акт голосования становится еще более индивидуализированным и «невидимым» для окружающих, то наблюдаемые эффекты станут слабее. Семья остается важным контекстом политической социализации, так как ее члены, как правило, принимают общее решение об участии в голосовании. Удобные электронные формы голосования уменьшают значение данного социального аспекта для выборов.

В-третьих, роль разногласий при волеизъявлении в значительной степени сохраняются, хотя этот момент и оспаривается в литературе. Традиционная модель основана на эффектах схожести: по ряду причин субъекты наиболее интенсивно взаимодействуют с теми, у кого есть более или менее определенные мнения и взгляды, и это само по себе усиливает ранее существовавшие предпочтения. В области социальной психологии имеется достаточно доказательств в поддержку существования такого причинного механизма. Некоторые авторы, однако, показали, что политика, и особенно избирательная политика, также является вопросом дискуссий и конфликтов. Подобного рода оппозиционная ситуация сама по себе может иметь мобилизующий эффект. Большинство членов различных групп стараются избегать социальных сетей, поддерживающих принципиально разные нормативные точки зрения. Но в этом случае может возникнуть тенденция к большему сходству внутри группы. Вопрос о роли разногласий и однородности стал еще более актуальным еще и по той причине, что новые разработки делают все более вероятным поиск гражданами компаний единомышленников — те же фоновые эффекты, но и те же политические взгляды. Предполагаемое сдерживающее влияние обсуждения с людьми, придерживающихся различных мнений в этом контексте, ослаблено. Электронные СМИ также могут привести к такого рода сегрегации и сопутствующей поляризации. Они позволяют намного легче игнорировать противоположные точки зрения и искать взаимодействия только с небольшой группой людей, имеющих точно такие же предпочтения. В некоторых случаях это также может способствовать выработке радикальных установок и моделей политического поведения.

Фундаментальная идея «социальной логики политики» заключается в том, что индивиды включены в сети и группы, и этот эффект влияет на их политические предпочтения и поведение. Однако демографические изменения подразумевают, что структура традиционной семьи как единого домохозяйства все больше размывается; изменения на рынке труда могут привести к тому, что больше не будет определенного набора «коллег», с которыми кто-то действительно взаимодействует в течение более длительного периода времени; географический контекст также может стать менее

предопределенным для человека в течение жизненного цикла в условиях социальной мобильности.

В будущем стабильные прежде социальные институты продолжают ослабевать. Это не означает, что индивиды «атомизируются», как бы становясь более «раздробленными». Сети остаются важными, но обретают большую свободу, меньше зависят от конкретного географического или семейного местоположения и меняются быстрее. Поэтому человеческие отношения как таковые трансформируются динамичнее, чем когда-либо раньше. Это — общая тенденция к детрадиционализации и деинституционализации, и она оказывает воздействие на семейные отношения, религию и участие на рынке труда, и нет никаких оснований предполагать, что не окажет столь же сильного влияния на политическое и избирательное поведение.

Если в сообществе будет меньше мобилизующих сетей или они ослабнут, переломный момент может привести к еще более быстрому снижению уровня явки избирателей. Кажется, нет никаких сомнений в том, что новые, более беглые или опосредованные электроникой формы общения могут оказать мобилизующее влияние на явку избирателей. С исторической точки зрения задача состоит не только в том, чтобы привлекать к голосованию потенциальных избирателей, но делать это так же эффективно, как с применением традиционных форм, основанных на интенсивном личном общении с кандидатами, членами партии, семьи, коллегами и соседями.

Список литературы

1. Zuckerman A.S. The Social Logic of Politics. Personal Networks as Contexts for Political Behavior. Philadelphia: Temple University Press, 2005. 368 p.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
3. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 591 с.
4. Blais A. To Vote or Not to Vote: The Merits and Limits of Rational Choice Theory. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000. 208 p.
5. Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York: Harper and Row, 1957. 310 p.
6. Campbell A., Converse P., Miller W., Stokes D. The American Voter. New York: Wiley, 1960. 576 p.
7. Irwin K., Simpson B. Do Descriptive Norms Solve Social Dilemmas? Conformity and Contributions in Collective Action Groups // Social Forces. 2013. Vol. 91. Issue 3. P. 1057–1084.
8. Brechwald W., Prinstein M. Beyond Homophily: A Decade of Advances in Understanding Peer Influence Processes // Journal of Research on Adolescence. 2011. Vol. 21. Issue 1. P. 166–179.
9. Klostad C.A., Sokhey A.E., McClurg S.D. Disagreeing about Disagreement: How Conflict in Social Networks Affects Political Behavior // American Journal of Political Science. 2013. Vol. 57. Issue 1. P. 120–134.

10. Nichter S. Vote Buying or Turnout Buying? Machine Politics and the Secret Ballot // *American Political Science Review*. 2008. Vol. 102. Issue 1. P. 19–31.
11. Green D., Gerber A., Nickerson D. Getting Out the Vote in Local Elections: Results from Six Door-to-Door Canvassing Experiments // *Journal of Politics*. 2003. Vol. 65. Issue 4. P. 1083–1096.
12. Boulianne S. Social Media Use and Participation: A Meta-analysis of Current Research // *Information, Communication and Society*. 2015. Vol. 18. Issue 5. P. 524–538.
13. Aldrich J., Gibson R., Cantijoch M., Konitzer T. Getting out the Vote in the Social Media Era: Are Digital tools Changing the Extent, Nature and Impact of Party Contacting in Elections? // *Party Politics*. 2016. Vol. 22. Issue 2. P. 165–178.
14. Tenscher J., Mykkänen J., Moring J. Modes of Professional Campaigning: A Four-Country Comparison in the European Parliamentary Elections, 2009 // *International Journal of Press/Politics*. 2012. Vol. 17. Issue 2. P. 145–168.
15. Gray M., Caul M. Declining Voter Turnout in Advanced Industrial Democracies, 1950 to 1997: The Effects of Declining Group Mobilization // *Comparative Political Studies*. 2000. Vol. 33. Issue 9. P. 1091–1122.
16. Gerber A., Green D., Larimer C. Social Pressure and Voter Turnout: Evidence from a Large-Scale Field Experiment // *American Political Science Review*. 2008. Vol. 102. Issue 1. P. 33–48.
17. Mann C.B. Is There Backlash to Social Pressure? A Large-scale Field Experiment on Voter Mobilization // *Political Behavior*. 2010. Vol. 32. Issue 3. P. 387–407.
18. Panagopoulos C. Thank You for Voting: Gratitude Expression and Voter Mobilization // *Journal of Politics*. 2011. Vol. 73. Issue 3. P. 707–717.
19. Hooghe M., Boonen J. The Intergenerational Transmission of Voting Intentions in a Multiparty Setting: An Analysis of Voting Intentions and Political Discussion Among 15-Year-Old Adolescents and their Parents in Belgium // *Youth and Society*. 2015. Vol. 47. Issue 1. P. 125–147.
20. Fitzgerald J., Curtis K.A. Partisan Discord in the Family and Political Engagement: A Comparative Behavioral Analysis // *Journal of Politics*. 2012. Vol. 74. Iss. 1. P. 129–141.
21. Scheufele D. Agenda-Setting, Priming, and Framing Revisited: Another Look at Cognitive Effects of Political Communication // *Mass Communication and Society*. 2000. Vol. 3. Iss. 2–3. P. 297–316.
22. Mutz D.C. *In-Your-Face Politics: The Consequences of Uncivil Media*. Princeton: Princeton University Press, 2015. 288 p.
23. Bond R., Fariss C., Jones J., Kramer A., Marlow C., Settle J., Fowler J. A 61-million-person experiment in social influence and political mobilization // *Nature*. 2012. Vol. 489. P. 295–298.
24. Arceneaux K., Nickerson D. Who Is Mobilized to Vote? A Re-Analysis of 11 Field Experiments // *American Journal of Political Science*. 2009. Vol. 53. Iss. 1. P. 1–16.
25. Rokkan S., Urwin D.W. *The Politics of Territorial Identity: Studies in European Regionalism*. London; Beverly Hills: SAGE Publications, 1982. 436 p.
26. Granovetter M.S. The strength of weak ties // *American Journal of Psychology*. 1973. Vol. 78. Issue 6. P. 1360-1380.

27. Шатилов А.Б. Электорально-политическая активность в российских регионах в период 2013–2017 годов: стабильность и / или инновационное развитие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 6. С. 81–87.
28. Arzheimer K., Evans J. Geolocation and Voting. Candidate-Voter Distance Effects on Party Choice in the 2010 UK General Election in England // Political Geography. 2012. Vol. 31. Issue 5. P. 301–310.
29. Gandy R. An investigation of Political mobility in the United Kingdom // British Politics. 2014. № 9. P. 182–209.
30. Johnston R., Pattie C. Putting Voters in their Place. Geography and Elections in Great Britain. Oxford: Oxford University Press, 2006. 360 p.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ КАК ЖАНРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ ЕГО КОНТЕНТА НА ЭЛЕКТОРАЛЬНУЮ АКТИВНОСТЬ

***Аннотация.** В статье рассматривается политическое интервью как жанр политического дискурса. Авторское внимание заостряется на обобщении подходов к интерпретации политического дискурса и характеристике политического телеинтервью как предмета анализа. В целях выявления взаимообусловленности степени продуктивности политического дискурса и характера электоральной активности с помощью методологического инструментария политической лингвистики и политической коммуникативистики, основываясь на базовых положениях теории дискурса, анализируются телевизионные интервью Председателя ЦИК России Э.А. Памфиловой. Автор обобщает особенности политического телеинтервью; в качестве базовых элементов исследования политического телеинтервью определяются анализ стратегии дискурса и модели коммуникативного поведения.*

***Ключевые слова:** политическое интервью, политическое телеинтервью, политический дискурс, электоральная активность, стратегия дискурса, модель коммуникативного поведения, ЦИК России.*

ABOUT THE POLITICAL INTERVIEW AS A GENRE OF POLITICAL DISCOURSE IN THE CONTEXT OF THE INFLUENCE OF ITS CONTENT ON ELECTORAL ACTIVITY

***Abstract.** The article considers the political interview as a genre of political discourse. The author's attention is focused on the generalization of approaches to the interpretation of political discourse and the characterization of political television interviews as the subject of analysis. In order to identify the interdependence of the degree of productivity of political discourse and the nature of electoral activity using the methodological tools of political linguistics and political communication studies, based on the basic principles of the theory of discourse, television interviews of the Chairman of the CEC of Russia, Ella A. Pamfilova are analyzed. The author summarizes the features of political television interviews, as the basic elements of the study of political television interviews, an analysis of the discourse strategy and the model of communicative behavior is determined.*

Keywords: *political interview, political television interview, political discourse, electoral activity, strategy of discourse, model of communicative behavior, CEC of Russia.*

Постановка проблемы и описание исследовательского инструментария

Накануне дня проведения общероссийского голосования по поправкам в Конституцию Российской Федерации 1 июля 2020 года информационное пространство заполнилось соответствующими тематическими сюжетами. В особенности централизация проблематики подготовки к голосованию в масс-медиа была зафиксирована в эфире телевизионных каналов. С учетом того, что на современном этапе истории среди распространенных сегодня средств массовой коммуникации телевидение имеет наиболее широкую аудиторию, преобладающую силу коммуникативного воздействия и, во многом благодаря оперативности, визуализации и «эффекту присутствия» [1, с. 144], является самым действенным инструментом управления мировоззрением личности, проблема влияния ретранслируемого информационного контента на уровень и характер электоральной активности представляется более чем актуальной. Особый исследовательский интерес при этом представляет обращение к анализу политического интервью как одного из жанров политического дискурса.

Объектом настоящего исследования является политический дискурс. В качестве непосредственного *предмета* исследовательского внимания выступает политическое телеинтервью в контексте влияния его содержания на электоральную активность в преддверии общероссийского голосования по поправкам в Конституцию Российской Федерации.

Цель предлагаемой статьи состоит в выявлении взаимообусловленности контента ретранслируемых посредством теле вещания политических интервью и электоральной активности путем оценки степени продуктивности объекта исследования. Для ее достижения выполняется комплекс задач, включающих в себя обобщение доминирующих подходов к интерпретации политического дискурса; конкретизацию политического телеинтервью в качестве предмета анализа; анализ политических интервью, критерии отбора которых обусловлены сформулированной исследовательской целью.

В методологическом отношении автор опирается на политико-коммуникативный и бихевиористский подходы, а также арсенал методов политической лингвистики. Авторские доводы базируются на основных положениях теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муффа, в соответствии с которыми любой вид социальной практики, в том числе, и политической, дискурсивен [2].

Цель исследования обусловила выбор *эмпирической базы*, которая ограничена телевизионными интервью Председателя ЦИК России Э.А. Памфиловой, вышедшими в эфир накануне основного дня общероссийского голосования, а именно интервью журналисту В.В. Познеру в рамках авторской програм-

мы «Познер» 29 июня 2020 года. В качестве вспомогательного материала для анализа рассматриваются небольшие по хронометражу телевизионные интервью Э.А. Памфиловой, данные в рамках информационно-аналитических и информационно-развлекательных программ телеканалов РЕН ТВ и НТВ, соответственно, в период, предшествующий дате общероссийского голосования, размещенные на официальном Youtube-канале РЦОИТ при ЦИК России «Просто о выборах».

Рабочая гипотеза строится на следующем предположении: степень продуктивности публичного дискурса государственных деятелей, олицетворяющих избирательную систему Российской Федерации, детерминирует уровень и характер электоральной активности.

Доминирующие подходы к интерпретации политического дискурса

В общепринятом представлении дискурс обозначает речь и процессы языковой деятельности, в соответствии с которыми данное понятие целесообразно рассматривать в качестве единицы понятийно-категориального аппарата лингвистики. В то же время, признавая его более широкую семантику, упомянем о вариациях трактовок данного термина в истории философии, а именно во французской философии постмодернизма и постструктурализма. Согласно постмодернистской теории М. Фуко, порядок дискурса выражен в конкретно-историческом состоянии дискурсивной среды, конституирующемся в качестве результата социокультурной детерминации соответствующих (дискурсивных) практик; сам же дискурс у французского мыслителя представлен совокупностью речевых практик в историческом контексте, присущей определенной социально-политической группе или эпохе [3].

Постструктуралист Т. Ван Дейк понимал под дискурсом «сложное коммуникативное явление, включающее в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках) так и о процессах производства и восприятия сообщения» [4, с. 113].

Именно приведенные положения позволяют открывать гносеологический потенциал различных видов дискурса, в том числе и политического. Важнейшим логическим следствием при этом является объективация процесса смены парадигм, результирующегося в утверждении главенства парадигмы контроля и манипуляции информацией, что является системообразующей характеристикой современного общества медиапотребления.

В современной научной литературе проблематика политического дискурса находит свое отражение в наличии множества смысловых интерпретаций объекта исследования. В частности, Ю.В. Ключев в рамках анализа онтологии и теории политического дискурса как аналитической (социальной) категории и коммуникативного (диалогического) инструментария изучает дискурс как политическую речь и политическое действие, сферу коммуни-

кативных контактов, инструмент и результат деятельности средств массовой коммуникации, демонстрируя при этом взаимосвязь и взаимозависимость политического дискурса и социальной информации [5].

Значение фактора конкретной ситуации в политическом дискурсе подчеркивается А.Л. Рябовой, полагающей, что «продуктивность политического дискурса заключается в правильном выборе коммуникаторами лексических единиц, метафор и фразеологии, используемых для убеждения, достижения результата, создания эмоционального настроя, укрепления своего авторитета» [6].

В интересах дальнейшего раскрытия сформулированной исследовательской проблемы приведем также мнение О.В. Мингалевой, считающей, что используемые в политическом дискурсе метафорические единицы оказывают на участников коммуникации большое воздействие, являясь мощным и действенным средством коммуникативного управления, а метафора становится средством идеологического влияния [7].

Е.И. Шейгал отождествляет понятия «политический дискурс» и «политическая коммуникация», определяя при этом политический дискурс как своеобразную знаковую систему, в которой происходит модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий [8].

В научной литературе распространено мнение, что «общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушать адресатам — гражданам сообщества — необходимость “политически правильных” действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса — не описать (т.е. не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [9, с. 58]. К особенностям политического дискурса относят пропаганду и манипуляцию как содержательную и инструментальную стороны политического процесса [10, с. 61].

На основании изложенного выше представляется очевидным, что политический дискурс целесообразно рассматривать в качестве коммуникативного действия, совокупности речевых актов в политических дискуссиях, содержательно наполненных набором логически связанных в семантическом отношении лексем, метафор и фразеологизмов, направленных на достижение эффекта убеждающего воздействия. Особое значение в современном обществе медиапотребления, на наш взгляд, имеет политический теледискурс, подчиняющий трактовку политических событий эффектам зрелищности и визуализации и воздействующий на общественное мнение.

Политическое телеинтервью как предмет анализа

Политическое интервью — один из наиболее распространенных жанров политического дискурса и отличается характерным своеобразием. Сложно не согласиться с позицией А.В. Романенко, считающей, что «своеобразие политического интервью обусловлено сочетанием в его характеристике

признаков, которые свойственны как политическому дискурсу, так и дискурсу СМИ, а также особенностями, присущими ему как диалогическому жанру» [11, с. 70]. Очевидно, что интервью может распространяться путем использования печатных средств массовой информации, радио, телевидения и Интернета.

При этом не лишним будет заметить, что особую специфику имеют политические телеинтервью, являющиеся предметом нашего анализа. Полагаем, что в качестве центральных элементов их исследования следует определить выявление стратегии дискурса и модели коммуникативного поведения. Под дискурсивной стратегией в науке понимаются потенциально возможные осуществления коммуникативно значимых действий в дискурсе и языковые способы их выражения [12]. По сути дискурсивная стратегия представляет собой совокупность лингвистических ресурсов, используемых оратором для максимизации эффекта своего послания и достижения конечной цели. Участники политических телеинтервью, в частности, могут прибегать к стратегии уклонения [13], а интервьюеры — брать на вооружение стратегии возражения, условных придаточных предложений, цитирования чужих мнений, несогласованности, критики политического курса, опасных пресуппозиций [14].

Нам представляется близким подход, предполагающий выделение трех стратегий политического дискурса: стратегии на понижение, стратегии на повышение, стратегии театральности [15]. В рамках соответствующего концепта *стратегия на понижение* направлена на дискредитацию оппонента, которым является политический противник; *стратегия на повышение* характеризуется желанием говорящего представить себя в выгодном свете, увеличить свою значимость в глазах электората; *стратегия театральности* подразумевает акцент на эффекте зрелищности [16].

Полагаем оправданным дальнейший анализ контента политических телеинтервью исходя из указанного критерия с его адаптацией к специфике предмета исследования, но с оговоркой, что приведенные типы стратегий наиболее органично применяются в предвыборном дискурсе. Мы же, ввиду специфики предмета исследования, имеем дело со случаем, когда речевое воздействие на адресата осуществляется адресантом, являющимся государственным деятелем, не преследующим цели получения политической власти. В то же время его публичные высказывания направлены на внесение когнитивных изменений и глубинных трансформаций в картину мира и системы ценностей адресата. Данный довод является подтверждением тезиса, заключающегося в том, что продуктивность дискурса государственных деятелей, олицетворяющих избирательную систему, опосредованным образом влияет как на уровень, так и на характер электоральной активности.

Политические телеинтервью официальных лиц (лиц, занимающих государственные должности) как предмет для анализа имеют свои особенности. Специфика указанной разновидности интервью обуславливается ограни-

ченностью интервьюируемого высказывать в диалоге или политической дискуссии собственную точку зрения по обсуждаемому вопросу. В ходе публичных выступлений политики (государственные деятели в особенности) находятся под пристальным вниманием аудитории и подвергаются перманентному риску закрепления за ними различного рода маркеров и «ярлыков». В случае, если речь идет о телевещании или трансляции посредством Интернета, то не исключена возможность тиражирования и бесконтрольного распространения неудачно сказанных фраз, а отдельные воспроизведенные лексемы могут вырываться из контекста в целях оказания влияния на имиджевые характеристики оратора. В связи с данной достаточно существенной вероятностью и принимая во внимание специфику предмета исследования, предлагаем адаптированные нами вариации стратегий на понижение, на повышение и театральности интерпретировать с учетом заданных параметров.

В качестве немаловажного компонента в ходе анализа политических телеинтервью мы также рассматриваем модель коммуникативного поведения, под которым традиционно понимаются нормы, традиции и особенности вербального и невербального общения того или иного народа, группы или личности [17]. Согласно мнениям, имеющимся в литературе, телеинтервью рассматривается как речевой жанр, а его исследование позволяет описать коммуникативное поведение журналистов и участников телеинтервью [18]. В целом, солидаризируясь с приведенной точкой зрения, отметим, что в телеинтервью, помимо речевого компонента с исследовательской точки зрения также вызывает интерес визуальный компонент, позволяющий обратить внимание на мимику, жесты, психические реакции интервьюируемого на задаваемые вопросы, нередко имеющие в рамках острой политической дискуссии неудобный или вовсе провокационный подтекст со стороны интервьюера.

Анализ интервью Председателя ЦИК России Э.А. Памфиловой

В интересах исследования взаимозависимости публичного дискурса государственных деятелей и электоральной активности для анализа нами были отобраны отдельные телеинтервью Председателя ЦИК России Э.А. Памфиловой, их последовательная характеристика представлена ниже.

***Гость Элла Памфилова. Познер.
Выпуск от 29.06.2020 / Первый канал***

Интервью отличает значительный хронометраж (52 мин. 26 сек.), в рамках которого затрагивается значительное количество тем. Первый вопрос, задаваемый интервьюером В. Познером, связан с фактическим началом политической карьеры интервьюируемой Э.А. Памфиловой в качестве

депутата Верховного Совета СССР в 1989 году. При этом интервьюером в ходе формулирования вопроса производится логическая связка с темой свободных и демократических выборов, что подготавливает почву для дальнейшего диалога. Ответ интервьюируемого эмоционально окрашен и содержит метафорические элементы: *«Конечно, для меня все было внове. Естественно, я просто трепетала, поскольку сидела во втором ряду. Рядом Сахаров и Собчак ходит, и Афанасьев, и многие другие звезды, которые вдруг в одночасье зажглись. Конечно, для меня все это было очень интересно».*

Второй вопрос уточняющий — своим вопросом он ставит перед собой задачу внести ясность в отношении принципиальной разницы между референдумом и общероссийским голосованием. Ответ носит сугубо информационный характер: *«В ныне действующей Конституции нет понятия референдума. Есть понятие — всенародное голосование. Потом был принят специальный закон о референдуме. Те поправки, что Президент предложил, это был небольшой пакет вначале. Они не затрагивали ни первую статью, ни вторую, ни девятую. Поскольку не были затронуты эти базовые статьи, то не было основания созыва конституционного собрания. Конституционное собрание собирается по специальному закону, которого до сих пор нет. Конституционное собрание оставляет Конституцию в неизменном виде, или они сами пишут новую Конституцию. Далее они решают, они сами принимают новую Конституцию или выносят на всенародное голосование. У нас сейчас общероссийское голосование и это не одно и то же, поскольку предложенные Президентом поправки не требуют такой процедуры».*

Третий вопрос восходит к обыгрыванию и последующей экспликации метафоры «комплексный обед». Интервьюируемый, используя прием защитной реакции, поясняет, что соответствующее сравнение изначально предложено другим человеком: *«Авторство по сравнению Конституции с комплексным обедом принадлежит не мне. Это употребил журналист Ванденко. Он вел один из «круглых» столов, и в его вопросе было это риторическое сравнение. Каюсь до сих пор, долго и нудно отвечала. Какой вопрос, такой и ответ. Точно не я придумала это сравнение...».*

Ответ на следующий далее вопрос об «иностранных представителях» {термин употреблен в эфире В. Познером; имеются в виду иностранные (международные) наблюдатели — Авт.}, которые следят за ходом голосования, имеет информационный характер и демонстрирует открытость к взаимодействию со стороны интервьюируемого: *«На общероссийском голосовании нет обязательств по международному наблюдению, поскольку не подпадает под международные договоры. Но это не исключает приезда экспертов. Общественная палата пригласила более полусотни экспертов. Будем рады, все расскажем и покажем».*

Наполненным специфическими лексемами и интонациями, адаптируемыми к восприятию массовым сознанием, выглядит ответ на вопрос о предположении количества людей, ознакомившихся с содержанием всех

206 поправок: *«Люди, кто хотел, тот мог ознакомиться. Много доступных информационных ресурсов. В целом, не могу сказать, я не знаю. Те, что проголосовали «за», они увидели главное, то что их зацепило. Думаю, самое главное поняли и те, кто будет голосовать «за», и те, кто — «против».*

В ответе на вопрос об оценке пакета поправок, выносимых на голосование интервьюируемый вновь прибегает к защитной реакции и, приводя соответствующее обоснование, переводит заданный вопрос на другого адресата, не задействованного в анализируемом коммуникативном событии: *«Мне бы не хотелось, чтобы меня обвинили в агитации, давать оценку, в целом, этому пакету...».*

Ответ о предполагаемой явке на общероссийское голосование не отличается конкретикой и дается в общем виде: имеет характер рассуждения и в то же время не содержит директивы: *«...На этом голосовании закон не предполагает порога явки. Я точно знаю, что со стороны политического руководства нет желания создавать и регулировать искусственно явку. На мой взгляд, как человека и гражданина, это должно быть свободное волеизъявление. Активным, кто придет, им спасибо. А остальные — их право не приходится».*

Наполненным метафорическими элементами и фразеологизмами выглядит ответ на острый и провокативный вопрос интервьюера о вероятности использования административного ресурса для стимулирования электоральной активности в регионах: *«Все время этого боимся и опасаемся. Со своей стороны, стараюсь, чтобы этого не было. Дискредитирует процедуру голосования, не дай бог. Президент об этом сказал «никаких накруток явок быть не должно». Никому это не надо. Это только вред приносит. Из серии «дурака не заставляют, а он все равно лоб расшибает». Надеюсь, что в этот раз нас это пронесет».* Примечательно, что интервьюируемый начинает отвечать на вопрос интервьюера, даже не дослушав его до конца, что свидетельствует о применении им тактики упреждения удара.

Метафоры активно используются интервьюируемым при ответе на вопрос о причинах и мотивации неучастия избирателей в общероссийском голосовании: *«Я думаю, что будет больше тех, кому все равно и наплевать. Активной оппозиции, ее не так много, это хорошо. Ко мне обращались правозащитники. Я убеждена в том, что я делаю. Президент в 2016 году мне поставил задачу оздоравливать избирательную систему, приводить в современный вид. Я, как локомотив, вопреки давлению иду. Общество созревает, общество развивается. Я уважаю людей с иной точкой зрения, убежденных, честных, открыто отстаивающих свои убеждения. Зарабатывание денег на элементарных дискредитациях неприемлемо».*

В ответе на вопрос интервьюера о влиянии фейков на уровень и характер электоральной активности в период общероссийского голосования прослеживается уверенность, отмечается не только факт признания объективно

существующей проблемы, но и говорится о шагах, применяемых в части нейтрализации имеющегося негативного явления: *«Конечно, они влияют. Одно дело, когда убежденные люди объясняют, почему они против и другое, когда публикуется постановочное видео. В комиссиях много представителей разных партий, это люди со своим мнением. Так просто Памфилова скандовала, нарисуйте 100 процентов, это нереально. Невозможно. За эти четыре года мы вывели избирательную систему в прозрачное поле. Конечно, волнует. Я знаю, что это хорошо спланированная, подготовленная акция. Каждый день идут провокации. На войне, как на войне. Это их право. Наше право — отвечать, бить аргументами, фактами и разоблачать. Я говорю о тех, кто осознанно дискредитирует и публикует ложную информацию. Самое грубое — это полуправда. Нам приходилось в первый день опровергать голосование на багажниках. Это просто машина стояла и производилось традиционное голосование на дому. Таким способом создается информационный поток. Сейчас мы научились перехватывать это. Проблема есть, мы с ней справляемся, люди нас слышат».*

Однозначными в семантическом отношении лексемами наполнен ответ на вопрос о способностях граждан сделать правильный выбор: *«Противоречия нет. Народ образован. В сложных ситуациях, в важнейших ситуациях для жизни страны люди разбираются».*

При ответе на вопрос интервьюера *«...Вы отвергаете обвинения ЦИК РФ в агитации. У представителя власти должна сформироваться психология не временищика, а человека, ответственного за настоящее и будущее страны. Вот за это я лично пойду голосовать. Это ваши слова, ведете ли вы агитацию? Вы фактически призываете голосовать за один из пунктов. Есть известные люди, которые на телевидении призывают голосовать за Конституцию. На телевидении не выступают известные люди с другими призывами. Это не агитация?»* интервьюируемый уходит от дискуссии и принимает позицию интервьюера: *«Это мое отношение, мои слова. Да, согласна, это — моя позиция по этому вопросу. Принимаю, каюсь, вы правы. Закон о голосовании не регулирует агитацию. Поэтому каждый как может поступает. Что делает ЦИК. В наших роликах есть только — почему я считаю важной эту поправку. Наша позиция и функция — разъяснять людям поправки и их важность. Мы считаем, что грань не перешли. Но появились фальшивые листовки с логотипом ЦИК России, письма. Здесь мы ничего сделать не можем, поскольку не регулируется законом».*

Консенсус интервьюируемого и интервьюера наблюдается и при ответе на вопрос о смысле поправок. Так, фраза интервьюера *«Говорят, что смысл поправок — это желание Путина продлить свой срок. Я с этим не согласен, у него есть иные более простые способы»* комментируется интервьюируемым следующим образом: *«Я с вами согласна, Владимир Владимирович не поэтому*

предложил поправки, и это очевидно. Это значит, не знать и не понимать его. Поправки уже приняты, это известно. Я так не думаю. Я так не считаю».

Ответ на вопрос интервьюера «Мой коллега — Павел Лобков показал возможность проголосовать дважды. Он показал проблему, ему надо сказать спасибо. Вы называете это провокацией. Павел Лобков — не провокатор. Почему вы считаете это провокацией?» содержит опровержение со стороны интервьюируемого: «Я не называла лично Павла. Но с другой стороны его действия носили определенный провокационный характер. Это можно было сделать по-другому и это — действительно долг журналиста. Но были и другие случаи, когда член УИК под давлением члена вышестоящей комиссии выдавал второй бюллетень для голосования. Насчет голосования дважды. Можно делать такие попытки, но будет остановлено. Хорошо, что электронное голосование проводится только в двух субъектах. Мы к этому не готовы. В силу принятого закона мы допустили только два региона, исходя из готовности. Разрешено дистанционно голосовать по 30-е число. В это время будут сверены все списки и точно выловлены все попытки двойного голосования. Ни один случай двойного голосования не пройдет. **Напомню, что нигде Павла Лобкова я провокатором не называла.** Мы приветствуем помощь, но форма также имеет значение».

Констатирующий и уверенный характер приобретает дискурс при ответе на вопрос, в чем уникальность общероссийского голосования: «*Это была инициатива Президента, для него это очень важно. Как народ скажет, так и будет. Поправки уже подписаны и приняты конституционным большинством. Если народ скажет нет, то все останется и поправки не войдут в действие. В этом уникальность».*

Метафорические элементы снова проникают в дискурс при ответе на заключительный вопрос интервьюера: «*Я не сделала за эти четыре года ничего постыдного. Кто бы что ни говорил. Ни я, ни мои коллеги не пошли ни разу против закона и совести. Идем как локомотив, делаем гигантские шаги. Наши зарубежные коллеги это видят. Проблемы есть, ментальность, люди. Тысячу раз было желание уйти со своей должности».*

**Интервью с Э.А. Памфиловой / Добров в эфире.
Выпуск от 28.06.2020 / РЕН ТВ**

Интервью фрагментарно встроено в сюжет информационно-аналитической программы «Добров в эфире», посвященный общероссийскому голосованию, его содержание концентрируется вокруг двух тем.

Первая тема — это оценка мощности и последствия DDOS-атаки, которой подвергся официальный сайт ЦИК России. Комментарий интервьюируемого содержит фразеологизмы, а дискурс отличается уверенностью: «*Такие*

атаки проводятся постоянно. Мы уже к этому готовы. Готовы всегда, и не только к труду, но и к обороне.... Очень мощная атака. Нет. Эта жалкие попытки никому не удадутся. Они не увенчались успехом так же, как и в прошлые кампании и президентскую. Это целенаправленные атаки, нас бьют не только DDOS-атаки, но и по всем направлениям».

В дальнейшем освещаются сюжеты, связанные с деятельностью «Движения в защиту прав избирателей «Голос», активисты которого пытались организовать кампанию по дискредитации общероссийского голосования. На вопрос об участии наблюдателей от несистемной оппозиции в процессе проведения общероссийского голосования звучит ответ, сигнализирующий об открытости интервьюируемого: *«Все, кто хотел, никого не отвергли. Но трудно сейчас судить, потому что давно знаю, что некоторые кто громко кричал и сетовал, что их не пускают. Я взяла это под личный контроль, вот пофамильно. Мы оформили всем направления. Им сказали, что в общественной палате направления лежат, приходите. Это именные направления. Я просто уже перечисляла фамилии этих людей. Еще раз призываем, приходите».*

***Интервью с Э.А. Памфиловой / Центральное телевидение.
Выпуск от 20.06.2020 / НТВ***

Интервью встроено в сюжет информационно-развлекательной программы «Центральное телевидение», посвященный общероссийскому голосованию. Ответы интервьюируемого на вопрос по поводу голосования на дому, в том числе и для тех, кто боится выходить из дома из-за опасений угрозы распространения коронавирусной инфекции (*«Интересно, кто боится? Сейчас как глянешь на улицу, все парки заполнены, люди ходят. Но если уж кто-то ну очень боится, да, есть такая возможность. Ему не надо объяснять причину, ему достаточно позвонить в УИК и сказать, уважаемые члены УИК, я бы хотел проголосовать дома. Бюллетень он опустит в ящик, который стоит у двери»*), а также на вопрос о тестировании членов УИК на COVID-19 (*«Обязательно. Есть существенный резерв. Не открою вам секрет, если скажу, что желающих работать в комиссии достаточно много. У нас есть резерв. Конечно, мы будем проводить предварительное тестирование, но не поголовное. Где необходимо — тотальное, где такой необходимости нет — локальное, в зависимости от региона или от возраста членов комиссии, скажем за 60. Каждый субъект, исходя из своей ситуации и на основе рекомендаций медицинских служб принимает то решение, которое должно обеспечить полную безопасность. Если, не дай бог, заболел член комиссии, а мы предварительно все меры безопасности принимаем для того, чтобы он не стал очагом заражения, то конечно замена у нас есть»*) эмоционально выражены, информационно наполнены и соответствуют стилистике программы.

Выводы

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам с учетом поставленных цели и задач.

В зависимости от ситуации, характера вопроса и формата интервью, интервьюируемый использует широкий спектр тактических приемов, подразумеваемых выявленными нами адаптированными вариантами стратегий дискурса и демонстрирует свою способность к ситуативной трансформации модели коммуникативного поведения.

Субъектом коммуникативного процесса умело подбираются лексические единицы, метафоры и фразеологии, используемые для убеждения, достижения результата, создания эмоционального настроения, укрепления своего авторитета, на основании чего дискурс можно квалифицировать как продуктивный.

С учетом того, что публичные высказывания государственного деятеля направлены на внесение когнитивных изменений в картину мира адресата и трансформацию системы ценностей последнего, исследовательская гипотеза находит свое подтверждение, поскольку опосредованным образом продуктивность дискурса государственных деятелей, олицетворяющих избирательную систему, влияет на уровень и характер электоральной активности.

Список литературы

1. Герасимова С.А. Телевидение как средство формирования и управления общественным сознанием // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2007. № 2 (26). С. 143–148.
2. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ: теория и практика / Пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
3. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с.
4. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
5. Клюев Ю.В. Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия. М.; Берлин: Директ-Медиа. 2016. 263 с.
6. Рябова А.Л. Современные тенденции политического дискурса. Новый политический словарь // Международные отношения и диалог культур. 2017. № 5. С. 107–114.
7. Мингалева О.В. Воздействие посредством метафоры в политическом дискурсе // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 1 (28). С. 82–87.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 431 с.

9. Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект: монография. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. 260 с.
10. Чашина А.М. Политическое интервью как особый жанр политического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). С. 60–62.
11. Романенко А.В. Политическое интервью как особый жанр политического дискурса // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2017. № 7. С. 69–78.
12. Цурикова Л.В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (013). С. 98–108.
13. Иньиго-Мора И., Делиджорджи К. Стратегия уклонения в политическом интервью: анализ телевизионных интервью Тони Блэра // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 78–90.
14. Иньиго-Мора И. Политическое телеинтервью: нейтралитет и провоцирование // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 33–38.
15. Михалева О.Л. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. 256 с.
16. Аكوпова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). С. 403–409.
17. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: «Гарант», 2015. 52 с.
18. Стрельникова М.А. Специфика современного российского политического телеинтервью как речевого жанра // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 1. С. 58–61.

П.Я. ФЕЛЬДМАН

К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ ПРОТЕСТНОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТЬЮ

***Аннотация.** В настоящей статье осуществляется политологический анализ и оценка эффективности так называемого «умного голосования», которое представляет собой специфическую технологию мобилизации и консолидации протестного электората в Интернете. Автор приходит к выводу о том, что данная технология не сыграла заметной роли в ходе региональных электоральных кампаний 2019 года, за исключением выборов в Московскую городскую думу 7-го созыва, где ее применение послужило одним из факторов успешного выступления оппозиционных кандидатов. Проведенный анализ подтвердил безосновательность гипертрофированных представлений об эффективности «умного голосования» и его влиянии на электоральные процессы. Напротив, практический опыт использования данной технологии свидетельствует о ее концептуальном несовершенстве. Тем не менее, существуют веские основания полагать, что на выборах в Государственную Думу 2021 года она будет применена вновь.*

***Ключевые слова:** выборы, «умное голосование», протестное электоральное поведение, Московская городская дума, Единый день голосования, электоральные технологии, оппозиция.*

ON ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF THE MODERN NETWORK TECHNOLOGIES OF THE PROTEST ELECTORAL ACTIVITY MANAGEMENT

***Abstract.** This article carries out political analysis and evaluates the effectiveness of the so-called “smart voting”, which is a specific technology for mobilizing and consolidating the protest electorate on the Internet. The author concludes that this technology did not play a significant role during the regional electoral campaigns of 2019, with the exception of the elections to the Moscow City Duma of the 7th convocation, where its use was one of the factors for the successful performance of opposition candidates. The analysis confirmed the groundlessness of hypertrophied ideas about the effectiveness of “smart voting” and its effect on electoral processes. On the contrary, the practical experience of using this technology indicates its conceptual imperfection. Nevertheless, there are good reasons to believe that it will be applied again in the State Duma elections of 2021.*

ФЕЛЬДМАН Павел Яковлевич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии социально-гуманитарного факультета ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», заместитель директора Института стратегических исследований и прогнозов Российского университета дружбы народов, г. Москва

Keywords: *elections, “smart voting”, protest electoral behavior, Moscow City Duma, Single Voting Day, electoral technology, opposition.*

Стремительная эволюция политико-коммуникативных практик, обусловленная широким внедрением цифровых технологий во многие сферы общественной жизни, оказывает все более ощутимое влияние на институт выборов. Появление электронных площадок для горизонтального обмена информацией, а также неуклонный рост числа пользователей Интернета, способствуют трансформации сложившихся в России моделей электорального поведения граждан. В частности, с каждым годом увеличивается агитационно-пропагандистский потенциал социальных сетей, тогда как соответствующие возможности прессы и телевидения уменьшаются пропорционально сокращению их аудитории. Виртуализация электорального дискурса дает благодатную почву для использования представителями оппозиции неконвенциональных механизмов управления поведением избирателей. В научной литературе и средствах массовой информации ведется бурная дискуссия о степени влияния подобных технологий на исход региональных выборов, состоявшихся в Единый день голосования 2019 года. Представляется необходимым осуществить политологический анализ количественных и качественных показателей эффективности информационной кампании, в рамках которой представители несистемной оппозиции попытались консолидировать идеологически разрозненные группы протестного электората на почве антиэлитаристских настроений. Заметим, что для достижения вышеуказанной цели были задействованы преимущественно виртуальные каналы коммуникации.

Попытки создания разного рода «координационных советов оппозиции» и выдвижения от их имени «единых кандидатов» на выборы всех уровней неоднократно предпринимались в России после 2011 года. Однако всякий раз подобные инициативы завершались провалом: носители левой идеологии категорически отвергали альянс с либералами, лидеры парламентских партий демонстрировали нежелание сотрудничать с представителями несистемной оппозиции, а последние не могли договориться между собой из-за чрезмерных властных амбиций и личной неприязни. Стремясь преодолеть указанные проблемы, в декабре 2018 года оппозиционер А. Навальный анонсировал старт проекта «умное голосование». Для участия в данном проекте пользователям необходимо было зарегистрироваться на соответствующем интернет-портале, указав свои персональные данные (в том числе адрес проживания). Инициатор проекта пообещал непосредственно в Единый день голосования сообщить им имена оппозиционных политиков, обладающих наиболее высокими шансами на победу в рамках конкретных избирательных округов. Подобная технология должна была предотвратить рассредоточение голосов между 3–4 кандидатами, позиционирующими себя как «противники действующей власти». Важно подчеркнуть, что внедрение

«умного голосования» осуществлялось без согласования с другими оппозиционными силами. Впоследствии представители партий КПРФ, «Яблоко» и «Справедливая Россия», ставшие депутатами Московской городской думы 7-го созыва, неоднократно заявляли, что они не просили указанного политика о поддержке и не связаны с ним какими-либо взаимными обязательствами.

Выборы, состоявшиеся в Единый день голосования 2019 года, представили возможность эмпирического изучения избирательных технологий, примененных несистемной оппозицией. В связи с этим автор настоящей статьи ставит перед собой несколько задач: во-первых, изучить политическую природу «умного голосования» и проследить его взаимосвязь с известными науке формами протестного электорального поведения; во-вторых, оценить эффективность применения данной технологии на выборах в Московскую городскую думу; в-третьих, проанализировать перспективы дальнейшего использования «умного голосования» в ходе федеральных и региональных электоральных кампаний.

Приступая к проведению настоящего исследования, необходимо отметить, что сама формулировка «умное голосование», предложенная авторами проекта, представляется не вполне корректной ввиду своей явной тенденциозности. Подобную форму волеизъявления граждан уместнее было бы охарактеризовать как «скоординированное голосование» или «электоральный сговор». Однако, в целях унификации понятийно-категориального аппарата мы будем использовать оригинальную формулировку, ставшую привычной для отечественного общественно-политического дискурса.

«Умное голосование» как специфический способ волеизъявления избирателей вписывается в систему имеющихся в политической науке теоретических представлений о протестном электоральном поведении. По мнению российского исследователя И.В. Гудкова, данный тип электорального поведения характерен, преимущественно, для хорошо образованных жителей крупных городов, которые придерживаются стратегии «легитимного инакомыслия», не приемлют политического давления, испытывают сочувствие к слабым кандидатам, предпочитают когнитивный опыт поведенческому и критически относятся к официальной пропаганде [1]. С практической точки зрения, протестное электоральное поведение может принимать следующие формы:

1. *Уклонение от голосования (абсентеизм)*. Отсутствие устойчивых политических пристрастий, слабый интерес к политике (особенно на региональном и локальном уровнях), разочарование в институте выборов — все эти причины снижают мотивацию граждан приходить на избирательные участки. Однако, как справедливо отмечает М.А. Аль-Дайни, электоральный абсентеизм может быть проявлением протестного политического поведения [2]. В данном контексте имеет место своеобразный «бойкот» или «забастовка» избирателей, когда отказ от участия в голосовании принимает форму политического манифеста. Осознанный и демонстративный абсентеизм, как правило, возникает вследствие недопуска до выборов представителей

оппозиции и являет собой попытку поставить под сомнение легитимность электоральных практик.

2. Протестное голосование. Для совокупности моделей электорального поведения, относящихся к данной категории, объединяющим признаком выступает стремление граждан выразить свое негативное отношение к власти посредством института выборов. Более того, по мнению западных исследователей Д. Кзелмана и Э. Неоу, неудовлетворенные избиратели зачастую намеренно голосуют против симпатичных им кандидатов, дабы таким образом простимулировать их к профессиональному самосовершенствованию [3]. Конвенциональным примером подобного поведения является голосование «против всех», когда соответствующая графа наличествует в бюллетене. При отсутствии данной графы протестное волеизъявление становится более вариативным. Так, американские авторы Р.М. Альварес, Д.Р. Кивье и Л. Нуньес считают порчу или уничтожение бюллетеней одной из наиболее типичных форм протестного электорального поведения. Аналогичную природу имеет набирающее популярность в западных странах антиэлитаристское голосование (*anti-establishment vote*), наиболее яркие примеры которого были продемонстрированы на выборах президента США (2016) и Украины (2019) [4;5]. В данном случае, по мнению С. Бирш и Д. Дэниссона, имеет место «неудовлетворенность традиционными политическими вариантами» [6, с. 110]. Указанные авторы объясняют это явление идеологическими причинами, растущим недоверием к элитам, а также целенаправленной агитационно-пропагандистской деятельностью антисистемных кандидатов. Голосование против представителей истеблишмента может выражаться в таких формах, как:

- поддержка любого кандидата, кроме провластного фаворита (данный метод особенно эффективен на выборах, где для победы в первом туре требуется набрать более 50% голосов);
- заведомая поддержка слабого или «обиженного» властью претендента из побуждений сочувствия;
- иррациональное голосование по случайному принципу;
- осознанное голосование за наиболее сильного (известного) из альтернативных кандидатов (именно этот принцип лежит в основе «умного голосования»).

3. Постэлекторальное протестное поведение. Предполагает демонстративное выражение гражданами непризнания легитимности состоявшихся выборов. Проявляется, как правило, в форме обструкции победивших кандидатов в виртуальном пространстве, акций политического неповиновения и даже попыток силового захвата власти. Наиболее масштабные постэлекторальные протесты имели место в России после выборов в Государственную Думу 2011 года. С определенной долей условности их результатом может считаться либерализация избирательного законодательства. В 2004 году подобные события на Украине привели к отмене результатов президентских

выборов и вошли в историю как «оранжевая революция». Следует отметить, что инспирирование постэлекторальных протестов нередко становится инструментом ведения «гибридной войны».

По совокупности признаков «скоординированное» или «умное» голосование может быть отнесено к разновидностям протестного электорального поведения. Полагаем, что для его успешной реализации необходимо соблюдение определенных условий:

1. Отрицательная мотивация, причиной которой могут служить относительная депривация и фрустрация; неудовлетворенность граждан материальными условиями существования и уровнем соблюдения их прав; усталость от власти; недоверие к государственным институтам; устойчивая неприязнь к политическим элитам.

2. Наличие современных информационно-технологических ресурсов (доступа к Интернету, мобильной связи, смартфонов, мессенджеров, социальных сетей и т.д.), позволяющих координировать протестное голосование большого количества граждан. История знает многочисленные примеры «электоральных сговоров», когда участники выборов специально оказывали поддержку противникам кандидата-фаворита, чтобы не допустить его до власти. Подобная ситуация неоднократно складывалась на выборах консулов Римской республики или при проведении конклавов католической церковью. Однако во всех подобных случаях количество участников голосования (сенаторов, кардиналов, делегатов, выборщиков и т.д.) оставалось сравнительно незначительным, что позволяло им, физически находясь в одном пространстве, согласовывать свои действия друг с другом. В масштабах города, региона или страны, когда речь идет о сотнях тысяч избирателей, только Интернет может обеспечить их горизонтальную коммуникацию и нивелировать фактор географической разобщенности. Таким образом, сама возможность внедрения «умного голосования» на выборах национального и регионального уровней возникла сравнительно недавно. Кроме того, помимо наличия технического доступа к Глобальной сети, требуется достаточное количество людей, обладающих материальными возможностями, желанием и навыками для использования современных информационно-коммуникационных технологий (данный критерий напрямую связан с такими социально-демографическими характеристиками потенциальных избирателей, как возраст, уровень образования, география проживания).

3. Наличие единого координирующего центра — оппозиционного лидера мнений, чей авторитет признается большинством участников протестного голосования. В свою очередь, данный лидер должен обладать доступом к средствам массовой информации и коммуникации для того, чтобы в нужный момент сообщить аудитории имена кандидатов, которых следует поддержать.

4. Присутствие в избирательном бюллетене политиков, которые воспринимаются в качестве альтернативных или оппозиционных по отношению к условным «кандидатам от власти».

5. Способность организаторов «умного голосования» сформулировать четкие и понятные электорату критерии, которые бы позволяли идентифицировать представителей оппозиции, потенциально готовых составить наиболее сильную конкуренцию «кандидатам от власти».

В пользу гипотетической эффективности вышеописанной технологии, с точки зрения ее разработчиков, свидетельствует успешный опыт протестного голосования на выборах, где кандидату для победы в первом туре необходимо набрать более половины голосов. Как правило, при отсутствии явных фаворитов в подобном случае ни одному из претендентов не удается преодолеть пятидесятипроцентный барьер, а во втором туре консолидация недовольного электората вокруг представителя оппозиции способствует победе последнего. Авторы концепции «умного голосования» утверждают, что на выборах в региональные органы законодательной власти Российской Федерации, где победитель определяется по принципу относительного большинства, без особых затруднений можно идентифицировать так называемого «кандидата от власти», ассоциирующегося с правящей партией, региональной администрацией, крупным бизнесом или федеральным центром. Конкуренцию ему составляют системные оппозиционеры в лице представителей парламентских и непарламентских партий, а также самовыдвиженцы, чьи политические взгляды варьируются от лоялистских до весьма радикальных. Нередко оппозиционные кандидаты, баллотирующиеся в одномандатных округах, по совокупности получают более половины голосов избирателей, однако предпочтения граждан распределяются между ними относительно равномерно. Как следствие, «кандидат от власти», обладающий не столь обширным, но устойчивым и хорошо мобилизованным электоратом, одерживает победу. При этом имеет место своеобразный парадокс: оппозиционно настроенное большинство проигрывает лояльному меньшинству ввиду своей идеологической разобщенности и низкого уровня электоральной самоорганизации. Вполне закономерно возникает вопрос: можно ли консолидировать протестное голосование идеологически разрозненных граждан, заставив их на время забыть о межпартийных разногласиях? Иными словами, необходимо оценить возможность координации электорального поведения оппозиционно настроенных избирателей.

Прежде всего, следует установить, имелись ли осенью 2019 года объективные предпосылки для протестного электорального поведения, и какой масштаб оно, гипотетически, могло принять. На протяжении последних пяти лет констатируется тенденция к снижению реальных доходов граждан, однако, по данным Фонда «Общественное мнение», в III квартале 2019 года лишь 28 процентов россиян однозначно оценивали свое материальное положение как «плохое»¹. Разумеется, социально-экономические показатели, характеризующие уровень жизни населения страны, существенным образом

¹ Официальный сайт Фонда «Общественное мнение» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://fom.ru/Ekonomika/14233> (дата обращения 15.01.2020).

варьировались в зависимости от региональной специфики. Наиболее благоприятная социально-экономическая ситуация имела место в Москве, где средняя заработная плата на тот момент составляла более 90 тыс. рублей (почти в 2 раза больше, чем аналогичный показатель по стране). При этом в масштабах России Левада центр отмечал рост социальной напряженности и «повышение общей тревожности» населения². Впрочем, подобное психологическое состояние граждан обуславливалось не только внутренними экономическими проблемами, но и обострением внешних угроз для национальной безопасности Российской Федерации.

Результаты мониторинга протестной активности в регионах позволяют утверждать, что неудовлетворенность граждан социально-экономическими условиями своего существования не перерастает в протестное политическое поведение. Наиболее масштабные конфликты между властью и гражданским обществом, как правило, возникают из-за локальных проблем, связанных с негативной экологической ситуацией на местах, природными катаклизмами, межконфессиональными и межэтническими противоречиями. Данные конфликты никоим образом не связаны между собой, а их участники не солидаризируются в масштабах страны и не выдвигают общих политических требований. В рейтинге протестной активности регионов, выпускаемом АНО «Институт региональной экспертизы», лишь 8 из 85 субъектов Российской Федерации стабильно оставались в «красной» зоне на протяжении всего 2019 года (в их числе г. Москва). Столичные протесты, развернувшиеся в преддверии единого дня голосования, явили собой крайне редкий в масштабах страны пример *политических* акций и не перекинулись на другие регионы. Регионы восприняли их достаточно индифферентно. Совокупность вышеуказанных обстоятельств свидетельствует, что к моменту проведения Единого дня голосования 2019 года политические предпосылки для протестной электоральной активности имелись только в столице. В других же субъектах Российской Федерации ключевой формой выражения гражданского недовольства стал *абсентеизм*. Вероятно, данная тенденция имеет долгосрочный характер.

За последние несколько лет существенно выросла доля россиян, потенциально готовых к использованию современных информационно-коммуникационных технологий политического участия. Так, к 2019 году аудитория интернет-пользователей в России среди населения старше 16 лет составила 90 миллионов человек и достигла отметки 75,4 процента. Наиболее ярко проявляется тенденция к увеличению числа граждан, посещающих глобальную сеть с мобильных устройств (61%)³.

Столь глубокий уровень проникновения Интернета в общество позволяет сделать вывод о наличии информационно-технологической инфраструкту-

² Официальный сайт Левада-центра [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/09/06/trevozhashhie-problemy/> (дата обращения 15.01.2020).

³ Исследование GfK: Проникновение Интернета в России [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-pronikновение-interneta-v-rossii/> (дата обращения 15.09.2019).

ры, потенциально позволяющей координировать электоральное поведение граждан при помощи средств массовой коммуникации. Сказанное не означает, что российские интернет-пользователи были широко осведомлены об «умном голосовании» и в массовом порядке планировали принять участие в нем осенью 2019 года. В частности, от подобных проектов аудиторию может отвлечь необходимость персонифицированной регистрации, предполагающая добровольную передачу личных данных структурам, законопослушность и добросовестность которых вызывают сомнения. В целом же уровень доверия пользователей к Интернету как источнику политической информации остается сравнительно невысоким, поскольку сообщения, циркулирующие в Глобальной сети, зачастую противоречат друг другу или оказываются «фейковыми новостями».

В контексте настоящего исследования необходимо также установить, существуют ли в современной России политические силы, потенциально способные осуществлять координацию протестного голосования. В 2019 году данную функцию попытался взять на себя А. Навальный. Будучи одним из лидеров несистемной оппозиции, он использует Интернет как главное средство коммуникации со своей целевой аудиторией. На его персональный аккаунт на популярном видеохостинге YouTube подписано около 3 млн человек и еще миллион — на его информационный канал.

Наиболее популярные разоблачительные ролики, размещаемые на соответствующих ресурсах в период предвыборной кампании 2019 года, собирали от 1,5 до 2,5 млн просмотров. В социальной сети «В контакте» аудитория оппозиционера и аффилированных с ним структур не превышает 450 тыс. человек, в Facebook — 500 тыс., в Instagram — 950 тыс. Подобные показатели смотрятся достаточно скромно на фоне других отечественных блогеров. Так, на страницу поэта, композитора и исполнителя собственных песен С. Шнурова в социальной сети Instagram подписано более 5 млн человек, а на аккаунт известной певицы и телеведущей О. Бузовой — около 16 млн. При этом далеко не все посетители интернет-ресурсов оппозиционера обладают в России активным избирательным правом, поскольку среди них достаточно много русскоязычных граждан западных стран и несовершеннолетних лиц. Принимая во внимание тот факт, что более 65 процентов подписчиков его Instagram-аккаунта проживают на территории Москвы, можно сделать предположение, что российская аудитория вышеупомянутого политика локализована, главным образом, в столичном регионе. Жители других субъектов Российской Федерации в подавляющем большинстве индифферентны или резистентны к потоку информации, исходящей от него.

Существенный всплеск общественного внимания к деятельности Навального и его политических союзников пришелся на июль–август 2019 года, что объясняется их непосредственным участием в организации протестных акций на Проспекте академика Сахарова и Бульварном кольце Москвы. Популяризации данных акций, а следовательно и «умного голосования»,

способствовали некоторые «медийные личности» (блогер Ю. Дудь, телеведущий Л. Парфенов, писатель Л. Улицкая, рэп-исполнители Oxxxymiron и Face, молодежная группа IC3PEAK), а также средства массовой информации («Эхо Москвы», «Радио Свобода», «Голос Америки», Русская служба BBC, канал «Дождь», «Meduza» и др.). Вышеупомянутые СМИ пользуются популярностью, преимущественно, у либерально ориентированной части протестного электората, значительная доля которого сосредоточена в столице. Кроме того, сервисы Google, Facebook и YouTube даже в день тишины (7 сентября 2019 г.) занимались рекламой «умного голосования» в Интернете, что послужило основанием для выдвижения обвинений со стороны Роскомнадзора в их адрес. Имеющиеся в открытом доступе данные не позволяют с точностью оценить агитационно-пропагандистские возможности Навального, тем не менее, в столичном регионе он обладает определенным мобилизационным потенциалом для того, чтобы в той или иной степени оказывать влияние на результаты московских выборов.

Наиболее уязвимым местом его политического проекта стала его идейно-концептуальная составляющая. В целом, он «уловил» общемировой антиэлитаристский тренд, суть которого сводится к своеобразному «электоральному восстанию масс», когда граждане используют институт выборов для сведения счетов с властью и ее отдельными представителями. Однако организаторам «умного голосования» так и не удалось выработать четкие принципы для разграничения оппозиционных и провластных кандидатов в депутаты Мосгордумы. Формулировки «технический кандидат от мэрии», «замаскированный единоросс», «псевдообщественник» использовались Навальным весьма произвольно. Так, например, в 5-м избирательном округе он первоначально призывал поддержать представителя партии «Справедливая Россия» К. Доможирову, а кандидата от КПРФ А. Удальцову (супругу координатора «Левого фронта» С. Удальцова) обозначил идентификатором «активно сотрудничает с Администрацией президента Российской Федерации»⁴, но непосредственно перед Единым днем голосования передумал и принял решение поддержать Удальцову, которая по итогам выборов уступила победу популярному телеведущему Р. Бабаяну.

Весьма показателен и другой пример: Е. Боровик, выдвинувшийся в 43 округе от партии Справедливая Россия, подал иск о защите чести и достоинства к А. Навальному за то, что последний причислил его к кандидатам от мэрии и «Единой России». Сам Боровик усмотрел в этом попытку мести и шантажа со стороны организаторов «умного голосования». Благодаря этим и другим прецедентам даже у оппозиционно настроенных избирателей могли возникнуть сомнения в бескорыстности информационной поддержки, оказанной со стороны Навального тем или иным кандидатам.

⁴ ФБК отомстил Удальцову за «врага России Навального», записав его жену в единороссы [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://riafan.ru/1208504-fbk-otomstil-udalcovu-za-navalnogo-pripisav-ego-zhene-svyazi-s-edinorossami> (дата обращения 15.09.2019).

В некоторых округах представители оппозиции публично поддержали политики, не допущенные Московской городской избирательной комиссией до выборов. 7 из 9 таких кандидатов добились побед. Парадоксальный, на первый взгляд, случай произошел в 3-м округе, где отстраненный от выборов А. Соловьев (бывший председатель правления общественной организации «Открытая Россия») призвал участников «умного голосования» поддержать кандидатуру своего практически полного тезки А. Соловьева, выдвинутого партией Справедливая Россия. Последний характеризовался Навальным как «технический кандидат — спойлер», поскольку не вел агитационной кампании в свою пользу и даже встреч с избирателями не проводил. Однако это не помешало Соловьеву набрать 36,5 процента голосов и занять первое место в своем округе. Вторая позиция осталась за С. Цветковой (председателем общественной организации «Центр добрых дел»), чья общественно-благотворительная деятельность широко освещается в информационных ресурсах регионального и федерального уровней. Сам Навальный объяснил свое решение назначить Соловьева «кандидатом от умного голосования» банальным желанием пошутить (то есть причины носили сугубо иррациональный характер). Вероятно, «прецедент 3-го округа» будет использован несистемной оппозицией как наглядное подтверждение результативности ее электоральной стратегии. Тем не менее, неожиданная для многих победа Соловьева могла явиться следствием целого комплекса факторов, наиболее существенным из которых является низкий уровень конкурентоспособности его соперников.

Если вышеописанный эпизод с определенной долей условности можно интерпретировать как косвенное свидетельство эффективности «умного голосования», то результаты выборов в 30-м округе г. Москвы говорят строго об обратном. Данный округ стал единственным, где поддержанный «Фондом борьбы с коррупцией» кандидат (в данном случае представитель КПРФ В. Жуковский), по итогам голосования занял место ниже второго. Согласно данным предвыборных социологических опросов, наиболее популярным представителем оппозиции в округе № 30 изначально был самовыдвиженец Р. Юнеман (что, собственно, и подтвердили результаты голосования). Тем не менее Навальный проигнорировал данное обстоятельство и сделал ставку на Жуковского, с которым уже сотрудничал в прошлом. Как следствие, голоса оппозиционного электората разделились между Юнеманом и Жуковским практически равномерно: первый получил 29,2 процента, а второй — 25,5. На этом фоне с результатом 29,46 процента победу одержала М. Русецкая (член регионального политсовета партии «Единая Россия»).

Анализируя пример 30-го округа, можно сделать ряд умозаключений. Во-первых, организаторы «умного голосования» не застрахованы от ошибок при выборе приоритетных, с их точки зрения, кандидатов. Во-вторых, вероятность подобных ошибок существенно возрастает, когда данный выбор осуществляется на основе личных симпатий координатора проекта к тем или

иным оппозиционным политикам. В-третьих, выдвижение двух сильных кандидатов от оппозиции в одном и том же округе обращает эффект «умного голосования» в пользу «кандидата от власти». Соответственно, интенсификация внутрикорпоративной конкуренции в стане системной и несистемной оппозиции может поставить крест на применении данной технологии.

Реальная степень влияния «умного голосования» на результаты выборов крайне сложно поддается оценке. Осознавая данное обстоятельство, автор идеи старается убедить обывателя, не обладающего навыками электорального анализа, в «невероятной успешности» данной технологии. При этом для воздействия на аудиторию им нередко используются такие приемы, как манипулирование статистическими данными, некорректные сравнения и даже откровенные инсинуации. Так, по версии разработчиков проекта, на последних выборах в Московскую городскую думу «умное голосование» в среднем давало его кандидату прибавку в 19 процентов голосов. Они утверждают, что, по сравнению с результатами выборов в Мосгордуму 2014 года, уровень электоральной поддержки «кандидатов-единороссов» сократился с 47 процентов до 36, а вот кандидаты от «умного голосования» получили в среднем на 17 процентов голосов больше, чем наиболее успешные представители оппозиции пятью годами ранее⁵. Разумеется, подобный результат он связывает исключительно с эффектом «умного голосования» (то есть приписывает данную заслугу себе и «Фонду борьбы с коррупцией»). Однако приведенные выше цифры и формулировки следует подвергнуть более глубокому и объективному анализу.

Во-первых, не вполне понятно, каким образом удалось установить, что «умное голосование» способно добавить кандидату от оппозиции именно 19 процентов голосов избирателей. Поскольку оппозиционные деятели не приводят никаких аргументов, позволяющих подтвердить или опровергнуть справедливость данного утверждения, мы будем вынуждены считать его произвольным или гипотетическим. Во-вторых, сама формулировка «кандидат-единоросс» интерпретируется сторонниками «умного голосования» не вполне корректно. С объективной точки зрения, к соответствующей категории следует отнести кандидатов, выдвинутых на выборы от партии «Единая Россия», либо публично поддержанных ею. В 2014 году данная партия делегировала на выборы в столичный парламент 32 кандидата, из которых до процедуры голосования дошли 28. Впоследствии все 28 человек из списка «Единой России» одержали победы в своих округах со средним результатом 45,11 процента (вовсе не 47%, как утверждает Навальный). В 2019 году «Единая Россия» не выступала субъектом выдвижения кандидатов в депутаты Московской городской думы. Тем не менее, авторы «умного голосования» взяли на себя право самостоятельно определять, кто является «кандидатом-единороссом», а кто нет. К числу последних Навальный отнес

⁵ Формулировки и данные взяты из официального аккаунта А. Навального в социальной сети Instagram.

всех самовыдвиженцев, которые с его точки зрения, ассоциируются с «партией власти» и администрацией г. Москвы. Средний уровень поддержки подобных кандидатов на выборах 2019 году составил 35,7 процента. Однако отождествлять данный показатель с результатом выступления «Единой России» на выборах в Мосгордуму нельзя.

Для проведения корректных аналогий между электральной кампаниями 2019 и 2014 годов мы будем учитывать результаты лишь тех 19 кандидатов, которые изначально позиционировали себя как члены «Единой России» и по завершении выборов сформировали фракцию данной партии в Московской городской думе 7-го созыва. В среднем каждый из таких кандидатов в 2019 году получил 37,15 процента голосов. Принимая во внимание данный показатель, можно с точностью утверждать, что представители политической партии «Единая Россия» в 2019 году получили на 7,96 процента голосов меньше, чем пятью годами ранее (оппозиционеры завывают эту цифру до 11%).

Оценить результаты выступления наиболее успешных кандидатов от оппозиции на выборах в столичный парламент 2014 года чрезвычайно сложно, ввиду многообразия подходов к их идентификации. Очевидно, что к данной категории не могут быть отнесены кандидаты-самовыдвиженцы, впоследствии сформировавшие объединение «Моя Москва», поскольку сами они никогда не противопоставляли себя региональной и федеральной элите. Более того, при голосовании по наиболее существенным законопроектам в Московской городской думе предыдущего созыва члены фракции политической партии «Единая Россия» и представители депутатского объединения «Моя Москва», как правило, солидаризировались. Соответственно, при анализе статистических данных мы будем учитывать показатели 7 победивших кандидатов от системной оппозиции (5 — КПрФ, 1 — ЛДПР, 1 — Партия «Родина»), а также 38 кандидатов, занявших вторые места в тех округах, где победу одержали представители «Единой России» и самовыдвиженцы, вошедшие затем в объединение «Моя Москва». Средний результат соответствующих кандидатов на выборах в Мосгордуму 6-го созыва составил 22,4 процента (при проведении собственных расчетов оппозиция занижает эту цифру на 1,4%). В свою очередь, так называемые «кандидаты от умного голосования» в 2019 года получили в среднем по 38 процентов голосов. Однако является ли этот факт неопровержимым доказательством эффективности данного проекта?

Основополагающий принцип «умного голосования» заключается в том, чтобы консолидировать протестный электорат вокруг наиболее перспективных и потенциально успешных лидеров оппозиции. По логике, им должны были отойти голоса, которые обычно рассеиваются между слабыми оппозиционными политиками и «техническими кандидатами». С высокой долей вероятности можно предположить, что «умное голосование» не могло заставить лояльный к власти электорат радикально изменить свои предпочтения и поддержать кандидатов, ассоциирующихся с Навальным.

К рекомендациям указанного политика могли прислушаться лишь те граждане, которые изначально были настроены на протестное электоральное поведение. Таким образом, если «умное голосование» действительно работает, то поддержанные им претенденты на депутатские посты должны были «перетянуть» на себя голоса кандидатов, занявших 3-е и последующие места в своих округах.

На выборах 2014 года их средний суммарный результат составил 30,67 процента, а в 2019 году — 25,98 процента. Разницу между этими показателями, составляющую 4,69 процента, можно считать *эффектом «умного голосования»* (вовсе не 19 процентов, как утверждает Навальный). С учетом того, что уровень явки на выборах 2014 и 2019 годов остался практически неизменным, успех «кандидатов от умного голосования» стал более внушительным на фоне слабого выступления самовыдвиженцев, которым приписывается аффилиация с «партией власти».

Полагаем, что причины интенсификации протестного голосования на выборах в Московскую городскую думу 7-го созыва носят не столько социально-экономический, сколько политический характер. Аналогичные электоральные кампании прошлых лет никогда не сопровождались существенным информационным резонансом. Конкуренция в рамках избирательных округов сводилась к обсуждению сугубо утилитарных вопросов, связанных с благоустройством городской среды. Выборы депутатов Мосгордумы 2019 года с момента их объявления целенаправленно идеологизировались и политизировались несистемной оппозицией. Локальные административно-хозяйственные проблемы были вытеснены из электоральной повестки дискуссиями о доверии к органам исполнительной власти, избирательным комиссиям, силовым структурам. Вероятно, подобный информационный фон благоприятствовал успехам оппозиционных кандидатов. Кроме того, против ряда депутатов Московской городской думы 6-го созыва, принявших решение баллотироваться на очередной срок, была развернута масштабная кампания в Интернете. Обвинительная тональность предвыборного дискурса оппозиции поставила самовыдвиженцев, ассоциирующихся с мэрией, в положение защищающейся стороны.

Несанкционированные акции протеста, организованные в центре столицы, способствовали эскалации общественно-политической напряженности, которая достигла своего апогея на финальном отрезке предвыборной кампании. На московской площадке столкнулись политические силы, не скрывающие своих федеральных амбиций. Исход противостояния между ними преподносился как судьбоносный выбор для всей страны. Оппозиционные политики продемонстрировали высокий уровень корпоративной солидарности и готовность к совместному коллективному действию, тогда как условные «кандидаты от власти» вели кампанию разобщенно и не всегда энергично. Некоторые из них так и не смогли создать у своего лояльного избирателя должную мотивацию для того, чтобы тот пришел на выборы.

Тем не менее, результаты региональных электоральных кампаний, завершившихся в Единый день голосования 8 сентября 2019 года, свидетельствуют о низкой эффективности «умного голосования» как политической технологии. Его влияние на исход выборов в масштабах России оказалось ничтожным, а в Москве оно добавило в «копилку» оппозиционных кандидатов около 4,69 процента голосов. Ослабление позиций политической партии «Единая Россия» в столичном парламенте обусловлено не столько «умным голосованием» избирателей, сколько интенсивностью информационно-пропагандистской кампании по дискредитации региональной элиты, а также низким уровнем конкурентоспособности проигравших кандидатов-самовыдвиженцев.

Парадоксальность данной ситуации заключается в том, что успехи представителей системной оппозиции на выборах в Москве и ряде других регионов Российской Федерации А. Навальный всецело приписывает себе. Не обладая на данный момент пассивным избирательным правом, он, вероятно, притязает на роль некоего «электорального демиурга», который по своему усмотрению наделяет представителей оппозиции привилегированным статусом «кандидатов от умного голосования», тем самым многократно увеличивая их шансы на победу. Чем более внушительными кажутся успехи данного проекта, тем выше авторитет его автора. Соответственно, для оппозиции «умное голосование» является ценным политическим активом, который при необходимости может быть конвертирован в материальные и властные ресурсы. Совокупность эмпирических наблюдений позволяет утверждать, что информационный резонанс, возникший по поводу недопуска ряда оппозиционных кандидатов до выборов в Мосгордуму, был использован «Фондом борьбы с коррупцией» в целях популяризации проекта «умное голосование». Более того, можно сделать небезосновательное предположение о том, кто именно стал главным выгодоприобретателем в случае с московскими электоральными протестами лета 2019 года. По завершении выборов у многих представителей оппозиции, журналистов и рядовых избирателей сложилось гипертрофированное представление о роли «умного голосования» в политической жизни России. Данная технология была преподнесена едва ли не как самый действенный способ ведения политической борьбы (вероятно, этого и добивались создатели проекта). Однако при детальном рассмотрении этот «электоральный миф» не выдерживает критики.

С точки зрения организаторов «умного голосования», их главным достижением является попадание в Московскую городскую думу 7-го созыва 20-и оппозиционных кандидатов, 13 из которых представляют КПРФ, 3 — партию «Справедливая Россия», 4 — «Яблоко». Однако возникают серьезные сомнения в том, что подобный исход выборов существенным образом изменит расклад сил в столичном парламенте. Во-первых, вышеупомянутые политические партии занимают разные идеологические позиции, и даже ситуативный альянс между ними представляется маловероятным.

Во-вторых, формальная принадлежность депутата к оппозиционной партии не является гарантией того, что он или его фракция будут блокировать все законодательные инициативы, исходящие от власти.

Подобная ситуация уже имела место на федеральном уровне, когда на выборах в Государственную Думу 6-го созыва 212 из 450 мандатов получили представители КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России». Однако это не помешало Нижней палате Федерального Собрания Российской Федерации утвердить в 2012 году кандидатуру председателя партии «Единая Россия» Д.А. Медведева на пост главы Правительства России («за» проголосовали 299 депутатов). Аналогичным образом 28 из 45 депутатов Московской городской думы 7-го созыва поддержали выдвижение представителя «Единой России» А.В. Шапошникова на пост председателя столичного парламента, который он уже занимал ранее. Более того, данную кандидатуру внесли на рассмотрение трое бывших кандидатов от «умного голосования» (М.И. Яндиев, Н.Н. Губенко и А.С. Соловьев).

Заметим также, что все 20 представителей оппозиции, оказавшиеся в Московской городской думе 7-го созыва, аффилированы с крупными политическими партиями, две из которых имеют статус парламентских на федеральном уровне. Нет никаких оснований полагать, что они будут чувствовать себя обязанными оппозиции своими электоральными успехами и сотрудничать с ней в дальнейшем. Скорее напротив, в своей публичной риторике они постараются нивелировать роль «умного голосования» в их политической биографии.

Подводя итоги исследования, сделаем ряд выводов и прогнозов. Имеются все основания утверждать, что «умное голосование» не сыграло заметной роли в ходе региональных электоральных кампаний 2019 года. Максимальный эффект от применения данной технологии (в среднем 4,69%) был достигнут на выборах в Московскую городскую думу 7-го созыва, однако фактор «умного голосования» некорректно считать главной причиной попадания 20-и оппозиционных кандидатов в столичный парламент. Утверждая обратное, оппозиция неоправданно приуменьшает мобилизационные возможности представителей системной оппозиции и дискредитирует масштабную агитационную работу, проделанную ими в преддверии Единого дня голосования. Возникают серьезные сомнения в том, что «умное голосование» смогло бы возыметь хоть какой-то эффект без искусственного нагнетания политической напряженности и создания негативного информационного ореола вокруг выборов. Осознавая данное обстоятельство, представители власти постараются не допустить возникновения электоральных конфликтов, аналогичных московским, при проведении выборов регионального и федерального уровней.

Если у технологии «умного голосования» и есть какие-то перспективы в современной России, то «Фонд борьбы с коррупцией» уже точно не сможет сохранить за собой статус его координационного центра. В октябре 2019 года Министерство юстиции признало данную организацию «инос-

транным агентом», ввиду получения ею зарубежного финансирования. Спустя четыре месяца Московский городской суд подтвердил правомерность данного решения. Соответственно, ФБК лишился права оказывать влияние на электоральные процессы (в том числе посредством выдвижения или публичной поддержки кандидатов). Аналогичным образом «Левада-центр», имеющий статус «иностранный агент», не может публиковать результаты предвыборных опросов в период проведения избирательных кампаний. С формальной точки зрения, наличие у политического деятеля поддержки со стороны организации, финансируемой из-за рубежа, является основанием для его отстранения от выборов. Дабы исключить подобный сценарий развития событий в отношении так называемых «кандидатов от умного голосования», А.А. Навальный в июле 2020 года принял решение ликвидировать ФБК как юридическое лицо и открыть новую структуру с аналогичными функциями. При этом не исключено, что в определенный момент возникнут обстоятельства, которые позволят, согласно действующему законодательству, признать вновь созданную организацию или ее учредителя иностранным агентом. Соответственно, помощь со стороны А.А. Навального может обернуться для кандидатов «медвежьей услугой». Так или иначе, несмотря на концептуальное несовершенство и правовую уязвимость проекта «умное голосование», он будет и дальше использоваться несистемной оппозицией, ввиду отсутствия какой-либо альтернативной электоральной стратегии. При этом следует осознавать, что в долгосрочной перспективе влияние современных информационно-коммуникационных технологий на протестное электоральное поведение граждан, вероятно, возрастет.

Список литературы

1. Гудков И.В. Особенности электорального поведения при формировании региональных представительных органов власти // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2009. № 2. С. 49–67.
2. Аль-Дайни М.А. Электоральный протест: теоретические проблемы и возможности региональных исследований // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 2. С. 269–280.
3. Kselman D., Niou E. Protest voting in plurality elections: a theory of voter signaling // Public Choice. 2011. Vol. 148. No. 3/4. P. 395–418.
4. Ежов Д.А. Тенденции трансформации электоральных предпочтений в западных демократиях // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 308–310.
5. Ежов Д.А. Европейский пазл: новая электоральная реальность в условиях системного кризиса // Власть. 2018. Т. 26. № 2. С. 34–37.
6. M. Alvarez R., R. Kiewiet D., Nunez L. A Taxonomy of Protest Voting // Annual Review of Political Science. 2018. Vol. 21. P. 153–154. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-050517-120425>.
7. Birsh S., Dennison J. How protest voters choose // Party Politics. 2017. Vol. 25. Issue 2. P. 110–125. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068817698857>.

С.Н. ФЕДОРЧЕНКО

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ С ЭЛЕКТОРАТОМ: ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ

***Аннотация.** Автор анализирует случай так называемого «умного голосования», инициированного российским оппозиционером А. Навальным и сыгравшего определенную роль в прошедших выборах в Московскую городскую думу в 2019 году. Целью работы является изучение оценок российских и зарубежных экспертов по данной проблеме, условно разделенных на критические и прагматические. В качестве методологической основы были использованы принципы сравнительного анализа. В работе подчеркивается, что «умное голосование» не обладает новаторским характером, — прецеденты обнаружены в Великобритании, США, Венгрии, Франции и других странах. Выявлено, что многие эксперты выделяют роль сетевого, цифрового компонента оппозиционного проекта, также не вызывает споров у авторов и «тактический» характер «умного голосования», нацеленного на предотвращение распыления сил оппозиции. В рамках модели концептуального анализа В.Г. Ледеява проект А. Навального расценивается как попытка оппозиции проверить возможности реагирования политического режима и обрести субъектность во влиянии на критически настроенные электоральные группы. В этих обстоятельствах российскому правительству важно не упустить шанс использовать ресурсы цифровизации для политического просвещения населения и грамотного вовлечения граждан в активный демократический процесс. Такой подход позволит снизить легитимационные риски.*

***Ключевые слова:** умное голосование, политическая легитимность, демократия, политический режим, цифровизация, легитимация.*

NEW ELECTORATE TECHNOLOGIES: DIGITALIZATION OF DEMOCRACY AND PROBLEMS OF POLITICAL LEGITIMATION

***Abstract.** The author studies the phenomenon of the so-called «smart vote», initiated by the Russian opposition A. Navalny and who played a role in the last election to the Moscow City Duma in 2019. The aim of the work is to study the assessments of Russian and foreign experts on this issue, conditionally divided into critical and pragmatic. As a methodological basis, the principles of comparative analysis were used. The work emphasizes that «smart*

ФЕДОРЧЕНКО Сергей Николаевич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права; заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Московского государственного областного университета, докторант Института философии РАН, г. Москва

voting» does not have an innovative character – precedents are found in the UK, USA, Hungary, France and other countries. It was revealed that many experts single out the role of the network, digital component of the opposition project, and the «tactical» nature of «smart voting», aimed at preventing the dispersion of opposition forces, also does not cause disputes. It was revealed that many experts single out the role of the network, digital component of the opposition project, and the «tactical» nature of «smart voting», aimed at preventing the dispersion of opposition forces, also does not cause disputes. Within the framework of the conceptual analysis model V.G. Ledyayev's project by A. Navalny is regarded as an attempt by the opposition to test the possibilities of a political regime's response and gain subjectivity in influencing critical electoral groups. In these circumstances, it is important for the Russian government not to miss the chance to use digitalization resources for political education of the population and competent involvement of citizens in the active democratic process. This approach will reduce legitimate risks.

Keywords: smart vote, intellectual voting, political legitimacy, democracy, political regime, digitalization, legitimation.

Не факты сами по себе порождают народное воображение,
а то, каким образом они распределяются и представляются...

Г. Лебон. Психология масс

Введение

«Умное голосование» является политическим проектом российского оппозиционера А. Навального (vote2019.appspot.com), нацеленного на создание механизма электорального противодействия кандидатам от партии «Единая Россия» (особенно этот прием себя ярко проявил во время выборов в Московскую городскую думу 8 сентября 2019 г.). Как правило, инициаторы таких электоральных проектов призывают голосовать критично настроенных по отношению к власти избирателей за наиболее сильного из оппозиционных кандидатов. Проект «умного голосования» формировал единый список для борьбы с политическими форвардами-конкурентами. В нем было тридцать три кандидата от КПРФ, восемь от «Справедливой России», три от «Яблока», один самовыдвиженец. Однако, как показывает практика, такого рода политические проекты не являются инновационной формой электорального менеджмента. Вспоминается анархо-ассоциативная теория П.Д. Турчанинова (или Льва Черного) [1], который век назад довольно широко понимал свободу и призывал людей активно группироваться для осуществления своих замыслов и любых целей.

Прецедент имелся в Великобритании, где в 1997 году Левые демократы начали формировать коалицию из оппозиционеров и беспартийных против кандидата от партии Консерваторов под общим политическим меседжем «Избавься от них». Преемник Левых New Politics Network для подобных целей в 2002 году запустила ресурс tacticalvoter.net. В Соединенных Штатах

тах во время губернаторских выборов в штате Калифорния в том же году сторонники демократического кандидата Г. Девиса пытались поддержать республиканца Б. Саймона против более опасного им Р. Риордана [2]. Во время канадских федеральных выборов премьер-министр намеревался воздействовать на электоральное поведение и агитировать поддерживающих Зеленую и Новую Демократическую партии голосовать за Либеральную партию, чтобы провалить на выборах Консерваторов. Схожий сценарий был в 2015 году, когда электорат наибольшую поддержку оказал Либеральной партии Дж. Трюдо. В Великобритании в том же году на всеобщих выборах против Консерваторов был создан еще один проект voteswap.org, когда электорат партии Зеленых активисты просили голосовать за Лейбористскую партию. Региональные выборы во Франции этого же года отличались хорошей поддержкой крайне правой партии «Национальный фронт» в первом туре, однако после возникшей дискуссии о рисках этой политической силы для демократии избиратели предпочли отдать свои голоса Республиканцам и Социалистам. Весьма схожие приемы осуществлялись оппозицией в Испании, Гонконге, Словении. В период парламентских выборов в Венгрии 2018 года также создавались порталы наподобие taktikaiszavazas.hu, где избирателю можно было бы найти тех оппозиционных кандидатов, которые имели наибольшие шансы победить.

Как видно, «умное голосование» Навального имеет самые разнообразные аналоги по всему миру. Целью данной статьи будет исследование экспертных оценок по данной проблеме. В качестве методологической основы станут использоваться принципы сравнительного анализа экспертных мнений зарубежных и российских специалистов.

Краткий обзор научных подходов

Перед тем как приступить к анализу экспертизы «умного голосования», необходимо определиться с рабочими терминами и базовыми подходами. Важно начать с того, что никакой современный сетевой политический проект (провластный либо оппозиционный) не сможет обрести популярность и практическое воплощение без достижений цифровизации, воздействующей на демократический процесс. Цифровизация — не просто оцифровка аудио-, видео- и звуковых данных, которая представляет собой лишь видимую сторону процесса глубокой и постепенной трансформации общества, государства, партий и политического режима. С одной стороны, цифровизация, действительно, сокращает затраты, бережет время, вносит огромный вклад в развитие коммуникации, науки, экономики, демократии и гражданского общества, с другой стороны, данный трансграничный процесс создает определенные проблемы для информационной безопасности и суверенитета страны, формирует риски установления в социуме политических симулякров

на основе манипулятивных технологий. Многие авторы как раз интересуются вопросами, которые возникают в условиях цифровизации, — фреймингом, политизацией сетевых сообществ, мобилизацией протестной активности и т.п. [3; 4; 5; 6; 7]. Вот почему для определения сущности цифровизации нужен более фундаментальный критерий. По меткому замечанию Л. Мановича, цифровизация, прежде всего, связана с софтом — всепроникающим программным обеспечением, который все больше используют граждане, избиратели, чиновники государства, активисты партий и политических движений [8, с. 29–55].

Другим важным рабочим термином является политический режим, который, согласно функциональному подходу, можно понимать как особый порядок функционирования конкретной политической системы, практикующий всевозможные способы влияния субъекта управления на объект управления. Это определение, прежде всего, опирается на концептуальный разбор феномена власти В.Г. Ледяева, идеи Дж. Ботеро, Г. Беккера, Н.А. Баранова, А.И. Соловьева, идеи исследователя функциональной стороны политического управления Г. Лассуэлла, а также тезис интерпретационного процесса теории символического интеракционизма Г. Блумера, обретшей свое «второе рождение» благодаря наступлению эпохи сетевых коммуникаций.

Политический режим больше всего зависит от цифровизации по причине возникающих от этого процесса метаморфоз легитимности, а также легитимации [9]. Учитывая работы С. Липсета, Ю. Хабермаса, Х. фон Халденванга о цикличном механизме легитимности (кризисах легитимности и ее стабильности), а также их тезисы и схожие идеи Д. Битема, Ж. Шабо, В.В. Ачкасова, К.Ф. Завершинского, А.А. Керимова, Н.А. Баранова, М. Алагаппы по поводу важного значения сохранения согласия государства и общества, под политической легитимностью можно понимать согласие субъекта управления (политической элиты, ее правящих партий и правительства) и объекта управления (граждан и их групп) в том, что действующие политические институты (государство, парламент, армия, спецслужбы, избирательная система и др.) в наиболее полной мере отвечают критериям справедливости и эффективности.

Для политического режима цифровизация становится своего рода Двудликим Янусом, — с одной стороны, она может помочь наладить качественную коммуникацию между элитой и гражданским обществом, способствовать лучшему пониманию правительством социально-экономических, этнических и религиозных проблем граждан, укрепить политическую легитимность, сформировать ореол эффективной или технократичной власти, о чем писали С. Липсет [10, с. 94–95] и Ж. Шабо, с другой, — дать в руки политических радикалов хороший канал для мобилизации сторонников и, наоборот, запустить процесс делигитимации политического режима.

Ряд авторов лелеют определенные надежды в отношении цифровизации как механизма, однозначно конструирующего и укрепляющего политическую легитимность [11]. Другие ученые считают цифровизацию фактором, легитимирующем только демократию и избирательный процесс [12]. Британский исследователь политических коммуникаций С. Коулман надеется, что с помощью цифровизации удастся получить новый тип демократической легитимности — «интерактивное управление» и развить делиберативные проекты гражданского обсуждения политических проблем [13, с. 105]. Мнение о цифровизации как о естественном продолжении политической легитимации режима в основном зиждется на так называемой теории рационального выбора, согласно которой избиратель всегда ищет только конкретную выгоду от избирательного процесса. К примеру, такая модель индивидуалистически ориентированного избирателя описана в работе Р. Майерсона и Р. Вебера [14].

Тем не менее есть серьезная критика цифровой утопии с рациональными избирателями. Так, В.М. Полтерович скептически относится к той модели цифровизации, которая не учитывает ценности общества [15]. Л. Грэхэм сомневается в результативности цифровизации в той стране, где не проводятся параллельные политические реформы, затрагивающие все сферы общества [16]. Кроме того, сохраняет свою актуальность обеспокоенность некоторых авторов по поводу рисков цифрового неравенства [17]. И в самом деле, если цифровые технологии и доступ к качественным интернет-коммуникациям будут доступны лишь обеспеченным слоям граждан, о каком-то равенстве избирательного процесса и удобстве электронного голосования не может быть и речи. Вероятно, по этой причине американский политолог И. Шапиро предлагает не абсолютизировать роль рационального поведения электората, а изучать его ценности. Он пишет, что оппозиция может добиваться своей политизации посредством нелегитимных процедур, тогда как провластные акторы стремятся всячески деполитизировать и легитимировать свою деятельность [18, с. 115–138]. Но этот тезис Шапиро работает не во всех условиях, ведь оппозиция может использовать цифровизацию и цифровые платформы для легитимации своей деятельности (как пытался тот же А. Навальный) и делегитимации политического режима.

Более фундаментальный характер имеет механизм, описанный В.Г. Ледевым, согласно модели которого политическая власть основана на стремлении субъекта влиять на объект управления с целью подчинения последнего. Ледеев подробно разбирает технологии такого воздействия на объект управления — убеждение, манипуляцию, принуждение, побуждение, использование авторитета и силы [19, с. 267–303]. Технологии, подобные «умному голосованию», как раз выступают средством борьбы за политическую власть.

Сравнительный анализ экспертных оценок

В процессе сравнительного анализа экспертных мнений было выяснено, что их в основном логично разделить на две группы — критическую и прагматическую. Итак, во-первых, следует выделить критические оценки, сторонники которых не считают технологию «умного голосования» каким-то серьезным проектом, способным кардинально изменить российский политический режим или хотя-бы как-то повлиять на избирательный процесс. Российский публицист, политический аналитик и журналист А.С. Гаспарян даже делает прогноз, что запуск «умного голосования» на региональных выборах 2020 года не принесет победы для оппозиции. Дело в том, что А. Навальный предложил применить «умное голосование» в единый день голосования 13 сентября 2020 года (оппозиционер Л. Волков высказался о возможности использовать данный прием в Тамбове, Новосибирске, Нижнем Новгороде, Томске, Липецке, Чебоксарах)¹. Гаспарян же объясняет бесперспективность «умного голосования» нынешним провалом проекта, когда те, за которых призывал отдать свои голоса Навальный, все равно проголосовали за бюджет столицы, предложенный мэром С.С. Собяниным, и тем самым не поддержали оппозиционного лидера. По мнению публициста, Навальный, наоборот, не отличается системным подходом, который необходим для того, чтобы заниматься политикой.

А.В. Колесников, руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги, уверен, что «умное голосование» не внушает доверия, не может расцениваться как практическая деятельность, а остается лишь PR-смыслом для А. Навального². Колесников поясняет, что эффект такого рода проекта возможен только в российских регионах, хотя и эти попытки будут мониториться властями. Рассчитывать оппозиции на федеральный успех проекта по оценке эксперта не имеет смысла. То есть Колесников и Гаспарян не усматривают легитимационные риски российского политического режима от цифровой платформы «умного голосования». Качественного развития демократии они также здесь не видят.

Прагматических оценок означенного политического проекта все же больше, чем критических. Тех, кто придерживается такой позиции, как правило, интересует в основном механизм и процедурные стороны «умного голосования», а также производные эффекты. К.И. Сонин, профессор экономики в Чикагском университете, как и А.В. Колесников, не уверен, что «умное

¹ Мельник А. Провал нового запуска «Умного голосования» в регионах определили выборы 2019 года в Москве. URL: <https://rueconomics.ru/424910-proval-novogo-zapuska-umnogo-golosovaniya-v-regionakh-opredelili-vyborgy-2019-goda-v-moskve> (дата обращения: 14.01.2020).

² Седова А. Может ли «умное голосование» от Навального победить «Единую Россию»? URL: <https://sobesednik.ru/politika/20181129-oppozicioner-oppozicioneru-drug-kak-navalnyj-hochet-pobedit-er> (дата обращения: 14.01.2020).

голосование» способно привести к каким-либо существенным политическим сдвигам. Вместе с тем, Сонин делает интересное наблюдение³. Эксперт отмечает, что «умное голосование» связано с созданием особой сетевой инфраструктуры, благодаря которой оппозиция, в частности, может: сообщить о себе как можно большему количеству граждан; ожидая удобного случая, в будущем подготавливать и мобилизовать политический протест. Хотя Сонин не уверен, что такого рода московская практика может распространиться на всю Россию. Таким образом экспертом допускаются риски цифрового проекта для легитимности политического режима России. Поэтому современному российскому режиму нужно серьезно присмотреться к цифровизации, как возможности для качественных трансформаций общества и государства. Иначе цифровые коммуникации использует оппозиция с целью его делигитимации, особенно в условиях естественных ограничений ранее достигнутой консолидации элиты и «Крымского консенсуса» в социуме [19].

Схожие тезисы выдвигает доцент Университета Индианы Р. Смит. Ученый отмечает противоречивость эффекта «умного голосования»⁴. С одной стороны, политический режим допустил существование подобного политического проекта, который способствовал конкуренции и создал долгосрочную динамику борьбы оппозиции с провластными кандидатами. Это чревато активизацией оппозиции и изменениями в России. Но, с другой стороны, Смит признает, что к фатальным трансформациям это не приведет, так как российские граждане по-прежнему опасаются внезапных перемен в стране. Комментарии Сонины и Смит заставляют осмыслить «умное голосование» в рамках модели концептуального анализа В.Г. Ледяева, когда оппозиция на фоне ослабления «Крымского консенсуса» в обществе стремится начать воздействовать на объект управления — критически настроенный электорат — способами убеждения, т.е. пытается себя вести смелее, как субъект управления.

Доцент Школы Флетчера, директор по Евразии в Исследовательском институте внешней политики К. Миллер описывает «умное голосование» Навального как эффективную тактику, подразумевающую сайт, помогающий найти оппозиционного кандидата, способного победить провластного кандидата. При этом он довольно резко отзываясь о коммунистах как «ручной оппозиции», а о российском политическом режиме — как основанной лишь на силовых приемах системе, где не работает «управляемая конкуренция» и где у президентских советников закончились идеи в отношении того, как

³ 'Smart vote' protests in Russia deal Putin's party a blow in elections. URL: <https://www.pri.org/stories/2019-09-09/smart-vote-protests-russia-deal-putin-s-party-blow-elections> (дата обращения: 14.01.2020).

⁴ Smyth R. All's not well in Putin's Russia and Moscow's elections revealed the cracks // The Print. 24 September, 2019. URL: <https://theprint.in/world/all-not-well-in-putins-russia-and-moscows-elections-revealed-the-cracks/295897/> (дата обращения: 14.01.2020).

управлять страной. Считая массовые протесты маловероятными, Миллер допускает раскол в российской политической элите, который может повлиять на изменение ситуации в стране⁵. Но, к сожалению, данная критика политического режима практически подменяет собой детальную аналитику сильных и слабых сторон «умного голосования», поэтому не может считаться объективной оценкой, важной для данной работы.

Совершенно противоположное мнение высказывает Т. Становая, руководитель аналитического центра R.Politik, приглашенный эксперт Московского Центра Карнеги. По ее замечанию, московские либералы до сих пор считают КПрФ «ручной партией» Кремля, призванной создать видимость демократической оппозиции в России, но, как полагает Становая, это — ложное мнение. Коммунистическая партия является «спящим», но перспективным оппонентом власти, не только обладающим мощной и разветвленной партийной сетью, но и способным вести собственную игру с политическим режимом и аккумулировать протестные настроения⁶. Любопытно, что мнение Становой о КПрФ практически не изменилось с 2016 года.

Менее идеологизированную и более осторожную оценку, чем Миллер, дает Дж. Уоллер, Ph.D Candidate на факультете политических наук Университета Джорджа Вашингтона и стипендиат Фонда Брэдли. Хотя эффект от «умного голосования» и не стал серьезным для оппозиции, он напоминает о низкой явке и о том, что размеры Москвы несопоставимы с другими регионами страны. Исходя из этого обстоятельства Уоллер считает, что и скромная выгода от данного проекта все же имеет значение для оппозиционеров. Он особо подчеркивает, что многие эксперты не касаются того факта, что так называемое «умное голосование» Навального не такое новое и уже применялось самим оппозиционером. Как отмечает исследователь, Навальный практиковал схожий прием еще в 2011 году. Правда, тогда не было такого запоминающегося брендинга, основательной цифровой поддержки и серьезной координации проекта⁷. Профессор Европейского университета, доктор политических наук Г.В. Голосов, анализируя выборы того года, пишет, что «вариант Навального» — это путь к снижению влияния «Единой России»⁸,

⁵ Miller C. Russia's Future Is Still in the Hands of Putin's Cronies //Foreign Policy. September 16, 2019. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/09/16/russias-future-is-still-in-the-hands-of-putins-cronies/> (дата обращения: 14.01.2020).

⁶ Englund W. The Kremlin's foes got on the same page for an election. Can they stay there? //The Washington Post. September 9, 2019. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/the-kremlins-foes-got-on-the-same-page-for-election-can-they-stay-there/2019/09/09/94709a4a-d0be-11e9-a620-0a91656d7db6_story.html (дата обращения: 14.01.2020); Полягаева Т. Политолог Татьяна Становая — о главных политических событиях России в 2016 году. URL: https://www.the-village.ru/village/city/itogi_2015/228723-politics (дата обращения: 14.01.2020).

⁷ Waller J. 'Smart Voting' is Getting Smarter. URL: <https://www.ridl.io/en/smart-voting-is-getting-smarter/> (дата обращения: 14.01.2020).

⁸ Голосов Г.В. Фига в урне. Три стратегии протестного голосования. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2011/12/02_a_3854698.shtml (дата обращения: 14.01.2020).

тогда как игнорирование недовольными гражданами самого выборного процесса, наоборот, не снижает позиции правящей партии.

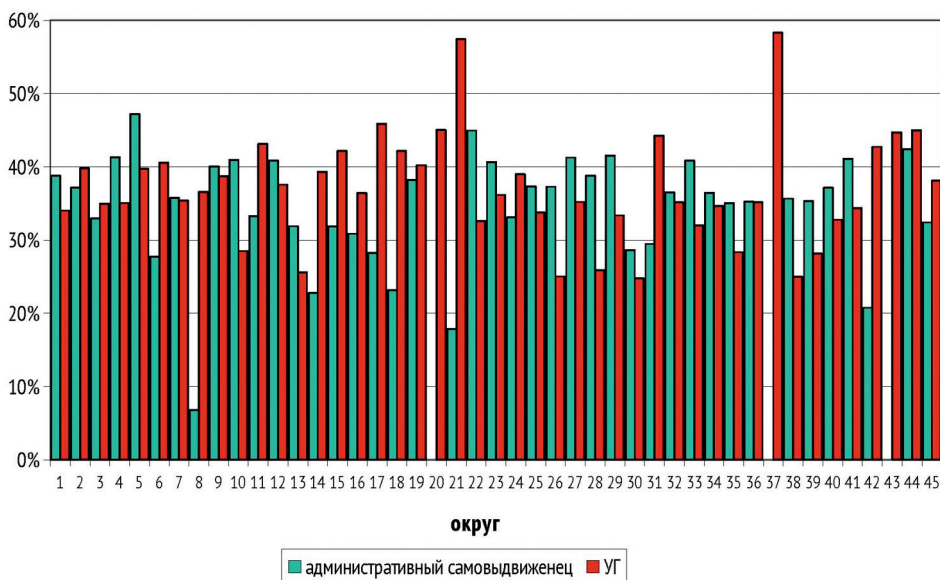

Рис. 1. Соотношение результатов кандидатов от мэрии и «умного голосования»⁹

Член Научно-экспертного совета при ЦИК России, политолог, кандидат юридических наук А.Е. Любарев, разбирая московские выборы, определяет проводимые Навальным мероприятия против «Единой России» как «стратегическое голосование» — недопущение распыления оппозиционно ориентированных избирателей посредством организации голосования за наиболее сильных, перспективных оппозиционных кандидатов (даже разной партийной принадлежности и идеологической направленности). Между тем приемы, попадающие под признаки «умного голосования», эксперты намного чаще называют «тактическим голосованием» (tactical voting), но это не меняет сути явления. В отличие от Гаспаряна и Колесникова, Любарев отмечает, что «умное голосование» все же было способно сыграть решающую роль в победе оппозиции в тех округах, где разрыв с «Единой Россией» был небольшим (рис. 1). Информация о рекомендуемых избирателям оппозиционных кандидатах на сайте проекта стала появляться в конце кампании, когда по закону уже нельзя было снять зарегистрированных кандидатов. В итоге кандидаты от «умного голосования» одержали победу в двадцати московских округах (в среднем они получили 36,9% голосов), а в 24 заняли

⁹ Любарев А. Выборы в Мосгордуму: конкуренция и «умное голосование». URL: <https://trv-science.ru/2019/09/24/vybory-v-mosgordumu-konkurenciya-i-umnoe-golosovanie/> (дата обращения: 14.01.2020).

второе место, в 25 округах победили кандидаты-самовыдвиженцы от мэрии. Хотя кандидаты от «Единой России» сохранили доминирование в Московской городской думе, количество проникших в легислатуру оппозиционеров дает возможность формировать альтернативную политическую повестку и предлагать рассматривать иные законопроекты.

Промахом проекта, по мнению Любарева, стал обход в округе № 30 самовыдвиженцем Р. Юнеманом поддержанного «умным голосованием» В. Жуковского — кандидата от КПРФ (кстати, отрыв был не фатальным — 28,4% и 24,8%). В результате провластный кандидат М. Русецкая победила Р. Юнемана, обойдя его лишь на 0,25 процента. Иными словами, организаторы «умного голосования» не всегда продуманно подходили к выбору оппозиционных кандидатов, предлагаемых электорату для «тактического голосования» (хотя тот же Юнеман предупреждал, что согласно проведенному по его заказу социологическому исследованию, у него прогнозировалась большая поддержка). Эксперт пишет, что гораздо большее значение в московских выборах играло не «умное голосование», а целая совокупность значимых для избирателей факторов: а) география (специфика электоральных предпочтений жителей Москвы — от наиболее оппозиционных районов ЦАО и районов рядом с Ленинградским, Ленинским, Кутузовским проспектами, проспектами Мира и Вернадского до провластных районов ЮВАО, районов вблизи и за пределами МКАД), б) узнаваемость бренда партии (КПРФ и «Яблоко»), в) отсутствие весомых кандидатов от оппозиции, г) социальный статус и личность провластных кандидатов, д) качество политической кампании кандидатов¹⁰. Одновременно исследователь напоминает, что Москва — это регион, где практикуется избирательная формула мажоритарного относительного большинства с голосованием за кандидатов по одномандатным округам. Любарев предполагает, что эта система способна дать преимущество партии власти при ее поддержке свыше 30–35 процентов. В такой ситуации «умное голосование» при объединении оппозиции может составить определенные риски для партии власти. В то же время, так как в большинстве регионов России действует смешанная избирательная формула, «московский сценарий» не совсем корректно экстраполировать на их электоральные поля. Там используются иные тактики выдвижения кандидатов.

Выводы

Подводя итоги, следует определить основные черты «умного голосования», которые выделяют эксперты в своих оценках. Критики проекта Навального не считают его инициативу на выборах в Москве серьезной

¹⁰ Любарев А. Выборы в Мосгордуму: конкуренция и «умное голосование». URL: <https://trv-science.ru/2019/09/24/vybory-v-mosgordumu-konkurenciya-i-umnoe-golosovanie/> (дата обращения: 14.01.2020).

проблемой для устойчивости российского политического режима. А.В. Колесников предпочитает говорить лишь о пиар-акции, а А.С. Гаспарян вообще считает этот проект провалом оппозиции. Прагматики больше обращают внимание на эффекты и процедурный характер проекта — К.И. Сонин, как и Р. Смит, скептически оценивает вариант распространения московской практики на российские регионы, но придает большее значение факту создания особой сетевой инфраструктуры, закладывающей основу для протестной мобилизации в будущем. Наиболее рациональной представляется оценка, которую дает А.Е. Любарев. Логично согласиться с ним в том, что «умное голосование» пока может сыграть роль в тех округах, где разрыв оппозиции с провластными кандидатами будет небольшим. Пока же, как справедливо подчеркнул эксперт, на московских выборах сыграла целая совокупность факторов: география, узнаваемость бренда партий, отсутствие сильных оппозиционных кандидатов, особенности провластных кандидатов и качество их политических кампаний.

Тем не менее в материалах практически всех исследователей прослеживается роль сетевого, цифрового компонента, нацеленного на предотвращение распыления сил оппозиции. Не вызывает споров у экспертов и «тактический» характер «умного голосования». В формате модели концептуального анализа В.Г. Ледяева оппозиционный проект можно пока расценивать как попытку не просто перехватить инициативу у «Единой России», а испытать возможности реагирования политического режима и обрести субъектность во влиянии на критически настроенные к нему электоральные группы. Проверяются как свои силы, так и реакция, уступчивость политического режима. В этой атмосфере правительству важно считать цифровизацию лишь инструментом, который может использоваться различными политическими акторами. Поэтому сетевые коммуникации и адаптированный к ним цифровой софт логично использовать не только для анализа и прогнозирования политического процесса посредством методологических оптик Big Data (о чем есть интересные исследования [21], в том числе и о природе политических интернет-коммуникаций [22; 23]), а превратить в мощнейший и рабочий механизм для сотрудничества профессиональных политиков и представителей гражданского общества, сигнализирующих о существующих и нерешаемых проблемах.

Однако, возможно, такой политической кооперации будет недостаточно, поэтому цифровые ресурсы должны использоваться государством для элементарного политического просвещения с целью повышения гражданской ответственности и вовлечения населения в активное обсуждение законопроектов, вопросов внутренней и внешней политики (было бы неплохо экспертам, приближенным к представителям власти, обратить внимание на удачные делиберативные цифровые проекты Великобритании, изученные С. Коулманом [12]). Цифровые ресурсы могут быть не только угрозой для легитимности политического режима, — при умелом целеполагании они

способны стать ее прочной основой, переведя демократию на новый уровень эффективности. Это чрезвычайно важно в условиях намечающейся корректировки российского политического режима — 15 января 2020 года президент Российской Федерации В.В. Путин в своем Послании Федеральному собранию высказался о закреплении в Конституции принципов единой системы публичной власти, расширении полномочий местного самоуправления, закреплении роли Государственного совета и предложил доверить Государственной Думе процедуру назначения премьер-министра и вице-преьера без возможности отклонения кандидатуры со стороны главы государства. Кроме того, президент высказался за усиление роли Конституционного суда, введение процедуры согласования главой государства кандидатур руководителей силовых структур с Советом Федерации¹¹. Также Путин затронул вопрос сроков занятия поста президента одним человеком. Но любые конституционные корректировки могут вызвать и делегитимационные риски. По этим причинам и очевидным ограничениям «Крымского консенсуса» желательно создать в российских регионах «ситуационные центры» по наиболее острым проблемам граждан, например, на площадках региональных университетов, где три стороны, а) представители внепартийных гражданских активистов, общественных организаций и партий, б) эксперты (политологи, экономисты, социологи и др.), в) представители государственных и муниципальных органов власти, смогли бы обменяться мнениями и сформулировать рабочие предложения для правительства, которые власти обязаны были бы рассмотреть и учесть в своей работе. Российские граждане должны реально осознавать, что они участники политического процесса, а не пассивные наблюдатели. В этом — залог эффективной политической легитимации режима.

Список литературы

1. Матюхин А.В. Левее левого: ассоциационный анархизм П.Д. Турчанинова // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 4. С. 118–126.
2. Berke R.L. Novice Wins G.O.P. Primary for Governor of California // The New York Times. March 6, 2002.
3. Бодрунова С.С. Термин «фрейминг» в политической коммуникативистике: рождение и созревание большой идеи в теории медиаэффектов // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 4. С. 127–141.
4. Бреслер М.Г., Мурзагулов Р.Р., Сулейманов А.Р. Трансформация политической коммуникации и PR-деятельности в цифровом обществе // Журнал политических исследований. 2019. Т. 4. № 3. С. 125–132.
5. Жуков Д.С. Самоорганизованная критичность в социальных медиа: методы изучения политической мобилизации в Сети // Журнал политических исследований. 2019. Т. 4. № 2. С. 11–23.

¹¹ Послание В.В. Путина Федеральному собранию. Главное. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/01/2020/5e1edc4b9a7947b76365f97a> (дата обращения: 15.01.2020).

6. Мартьянов Д.С., Мартьянова Н.А. Управляемость виртуальных сообществ: сравнительный анализ политизированных групп Вконтакте //Журнал политических исследований. 2019. Т. 4. № 3. С. 79–93.
7. Алексеев Р.А. Аprobация технологии блокчейн на выборах в Московскую городскую Думу в 2019 г.: результаты и перспективы применения для федерального избирательного процесса //Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. №. 4. С. 12–23.
8. Манович Л. Теории софт-культуры. Нижний Новгород: Красная Ласточка. 2017. 208 с.
9. Ежов Д.А. Проблема легитимации верховной власти в контексте российского политического проекта // Власть. 2013. № 1. С. 87–89.
10. Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. /Пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. М.: Мысль. 2016. 612 с.
11. Мальшева Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества //Власть. 2018. Т. 26. № 1. С. 40–46.
12. Белоконев С.Ю., Чистов И.И. Электронное голосование как перспектива политического процесса: возможности и ограничения «Цифровой политики» //Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 5 (29). С. 69–77.
13. Коулман С. Может ли Интернет укрепить демократию? /Пер. с англ. Ю.А. Кабанова, Ю.Г. Мисникова, А.Н. Рябушко. СПб.: Алетейя. 2018. 131 с.
14. Myerson R.B., Weber R.J. A Theory of Voting Equilibria //The American Political Science Review. 1993. Vol. 87. Iss. 1. P. 102–114.
15. Полтерович В.М. Институты догоняющего развития и гражданская культура //Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 205. № 3. С. 314–328.
16. Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2014. 272 с.
17. Быков И.А., Халл Т.Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения Интернет-пользователей в России //Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 151–163.
18. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках /Пер. с англ. Д. Узланера. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. 368 с.
19. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН. 2001. 384 с.
20. Быков И.А. Государственный PR и политическая элита в современной России //Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 3. С. 15–23.
21. Володенков С.В. Big Data как инструмент воздействия на современный политический процесс: особенности, потенциал и акторы //Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 1. С. 7–13.
22. Володенков С.В. Особенности Интернета как современного пространства политических коммуникаций //Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 4.
23. Володенков С.В. Практика и особенности использования онлайн-ресурсов в современных политических кампаниях в США //Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2012. Т. 8. № 1. С. 155–163.

ПЛАТФОРМЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ РЕКОМЕНДАЦИЙ: МИРОВОЙ ОПЫТ И ПРИМЕНЕНИЕ В РОССИИ

***Аннотация.** В статье обсуждается проект «умного голосования», предложенный и реализованный российским оппозиционным лидером Алексеем Навальным в контексте электоральной кампании осени 2019 года, с фокусом на выборы в Московскую городскую думу. «Умное голосование» рассматривается как вариант платформы электоральных рекомендаций, канализирующий протестные настроения. Программа «Умного голосования» рекомендует пользователям поддержать оппозиционных кандидатов, баллотирующихся в соответствующих округах, которые имеют наибольшие шансы одолеть ставленников партии власти, т.е. «Единой России». Автор анализирует различные экспертные оценки «умного голосования» и демонстрирует их связь с собственными политическими взглядами комментаторов.*

***Ключевые слова:** «умное голосование», платформы электоральных рекомендаций, Алексей Навальный, протестное голосование, российские выборы, российская политика, российская оппозиция, Единая Россия.*

ELECTORAL RECOMMENDATION PLATFORMS: WORLD EXPERIENCE AND APPLICATION IN RUSSIA

***Abstract.** The article deals with the Smart Vote project proposed by the Russian opposition leader Alexei Navalny during the September 2019 electoral campaign, with the primary focus on the Moscow City Duma elections. The Smart Vote is a sort of a voting advice application (VAA) used to channel protest activities into a specific voting behavior. The Smart Vote online program recommends users to back an opposition candidate running in the area of their residence, who's believed to be more capable of beating the candidate associated with the ruling party, i.e. United Russia. The paper examines different expert opinions on the subject of Smart Vote and shows that those opinions are largely based on the experts' own political attitudes.*

***Keywords:** Smart Voting, voting advice applications, Alexei Navalny, protest voting, Russian elections, Russian politics, Russian opposition, United Russia.*

Об «умном голосовании» как технологии канализации протестной активности избирателей в России стали говорить на рубеже 2018–2019 го-

БЫШОК Станислав Олегович — кандидат политических наук, исполнительный директор Автономной некоммерческой организации «Международная организация по наблюдению за выборами «CIS-ЕМО», г. Москва

дов в контексте различных политических кампаний, в которых участвует оппозиционный лидер А. Навальный и ассоциированные с ним активисты. Прежде всего речь идет о выборах в Мосгордуму в единый день голосования 8 сентября 2019 года. Между тем, онлайн-платформы с рекомендациями по голосованию (voting advice applications — платформы электоральных рекомендаций, далее — ПЭР), частным случаем которых может считаться «умное голосование», уже в течение полутора десятков лет являются заметным элементом политического процесса в ряде стран Запада и не только. Интернетизация общества в глобальном масштабе не могла не затронуть электоральное поле. В данной статье мы разберем механизм и результаты работы классических ПЭР, критически остановимся на «умном голосовании» и проанализируем экспертные взгляды на эту технологию в контексте протестного электорального поведения в России.

Электоральные кампании в современных развитых и развивающихся демократиях все более подвержены влиянию информационных технологий, базирующихся на Интернете. Одним из важных элементов здесь стали работающие в онлайн-режиме «электоральные компасы» — платформы, или приложения, электоральных рекомендаций. В начале 2000-х годов ПЭР были разработаны для занятий в западноевропейских школах для помощи ученикам сориентироваться в полуигровой форме в существующих политических партиях, их идеологиях и предвыборных программах. Очень скоро, однако, ПЭР перешли собственно во «взрослую» среду как составная часть формирующегося общеевропейского политического пространства. В настоящее время ПЭР пользуются не только избиратели, но также — для своих целей — собственно кандидаты/партии, сотрудники избирательных кампаний и эксперты [1].

В ряде стран ПЭР стали неотъемлемой частью демократического процесса не только на национальном уровне, но также на наднациональном — Европейский парламент — и на уровне локальных выборов [2]. Так, в Нидерландах в одном только 2012 году на национальных выборах до шести миллионов человек пользовались ПЭР [3]. Сегодня от 9 до 38 процентов избирателей в развитых демократиях прибегают к помощи ПЭР [4].

Среди платформ электоральных рекомендаций выделяют, в частности, EUprofiler, VoteMatch, EUvox и Euandi на общеевропейских выборах, швейцарский Smartvote, немецкий Wahl-O-Mat, нидерландские Stemwijzer и Kieskompas. Вне Европы ПЭР распространены, в частности, в США, где широкую известность получили «Компас избирателя» и запущенный The Wall Street Journal «Электоральный компас». Некоторые ПЭР функционируют только в рамках конкретных выборов, другие предназначены для работы нескольких электоральных циклов. В 2010-е годы платформы электоральных рекомендаций стали объектом ряда академических исследований, анализирующих различные аспекты их работы.

Стандартные ПЭР предлагают пользователям ответить на ряд вопросов, относящихся к различным сферам политического, экономического и общественного, используя предлагающийся набор закрытых ответов (т.е. опция «дать свой ответ», как правило, отсутствует). Набор вопросов и ответов формируется, исходя из программных установок участвующих в выборах партий и/или кандидатов. После того, как пользователь выберет подходящие для него ответы, система предоставляет ему персонализированные советы относительно голосования на соответствующих выборах. Таким образом, ПЭР служат посредником между избирателями и избираемыми, автоматически выполняя работу по анализу и синтезу релевантной информации и позволяя пользователям экономить энергию и время. Алгоритм ПЭР напоминает те, что действуют в онлайн-сервисах знакомств, подбирающих «подходящие» пары, исходя из заданных параметров/предпочтений и с учетом геолокации пользователей.

В итоговой рекомендации ПЭР выдает пользователю не одну партию/кандидата, но ранжированный по степени совпадения с «запросом» набор электоральных предложений [3]. ПЭР — это, в идеале, инструмент «эвристического генерирования» (heuristic-generating), который не рекламирует партию в прямом смысле слова, но «подталкивает» к тому выбору, который уже, не до конца осознанно, присутствует у человека, прибегающего к помощи онлайн-платформ [5].

Частным случаем ПЭР можно назвать распространенные в соцсетях игровые тесты, в которых определяется та или иная роль, которую пользователь играл бы в сериале, страна, за которую он воевал бы в ходе той или иной исторической битвы, и пр. Также в Интернете популярны различные «идеологические компасы», локализирующие пользователя в двух- или, реже, трехмерных пространствах, с разной степенью выраженности таких факторов, как «свобода», «авторитаризм» и пр. ПЭР в узком смысле слова — более сложная конструкция, предполагающая необходимость привлечения электоральных экспертов и практиков политической сферы.

ПЭР используют разные алгоритмы, которые постепенно меняются. Структура опросников может быть различной. Так, некоторые ПЭР отдают предпочтение вопросам, которые кажутся принципиальными самим пользователям. Другие дают партиям/кандидатам возможность ранжировать собственные темы по значимости прежде, чем запустить ПЭР в работу. Третьи балансируют между первым и вторым подходами. Таким образом, кандидаты, избиратели и исследователи находятся в более или менее транспарентной диалоговой активности [1].

Исследователи выделяют три группы типичных пользователей платформ электоральных рекомендаций. Первую, наиболее массовую группу составляют «опытные» (politically sophisticated) пользователи, которые знают, за кого будут голосовать, но хотят «проверить» себя или «правильность» работы самого ПЭР. Две другие группы существенно меньше — это «искатели» (seek-

ers) и «сомневающиеся» (doubters). «Искатели» — активная группа, но при этом неуверенная в своем электоральном решении и искренне стремящаяся найти «свою» политическую силу при помощи ПЭР. «Сомневающиеся» — менее активная группа «циничных искателей», т.е. тех, кто сомневается, что их голос чего-либо решает в политике, но, тем не менее, считает возможным пройти опрос и получить рекомендации от ПЭР [6].

Парадоксальным образом, «опытные», прибегая к ПЭР чаще остальных, реже меняют позицию по «своей» партии/кандидату даже при наличии негативной обратной связи (т.е. когда пользователь получает рекомендацию, противоречащую его исходному выбору). «Искатели» и «сомневающиеся», в свою очередь, более склонны менять электоральные предпочтения, но реже пользуются ПЭР, чем «опытные». Наибольший эффект электоральные рекомендации оказывают на тех, кто уже собирался голосовать за кандидата/партию, но желал получить некоторое внешнее и предположительно нейтральное подтверждение правильности своего выбора [5; 7].

Данные о том, насколько прохождение ПЭР влияет на возможность изменения изначальных интенций избирателя, существенно разнятся. По некоторым данным, только 1–3 процента пользователей ПЭР склонны менять свое мнение при негативном фидбэке, по другим — 7 процентов [1]. Есть исследования, показывающие, что до 10 процентов пользователей могут изменить свое электоральное предпочтение, если ПЭР рекомендует кандидата/партию с большим количеством совпадений для ключевых для человека политических позиций [3]. Также существуют данные о том, что при подтверждении — или опровержении — изначальных позиций пользователя двумя независимыми ПЭР существующие электоральные интенции значимым образом усиливаются — или, в обратном случае, ослабевают [1].

Если избиратели меняют свои электоральные предпочтения, то, как правило, в сторону голосования за партии/кандидатов, занимающих близкие по отношению к объекту изначального выбора политические позиции [7]. Высказывалось мнение, что использование ПЭР способно смягчить этнически мотивированные формы электорального поведения и соответствующих антагонизмов, например, в Северной Ирландии, смещая акцент голосования с национальных противоречий на общеполитические — вненациональные — вопросы повестки. Преодоления дихотомии «свой/чужой», базирующейся на этнических стереотипах и идентичностях, однако, при исследовании выявлено не было. Вместе с тем этнически мотивированные избиратели могут смягчать свои изначальные предпочтения, но выбирать другие варианты для голосования они по-прежнему склонны внутри «своей» группы — т.е. голосовать, например, за «своих» умеренных националистов вместо «своих» радикалов, но не за «чужую» умеренную партию [8].

Некоторые эксперты отмечают положительный эффект прохождения ПЭР на повышение явки — от 3 до 20 процентов [1]. Обращает на себя внимание, что идентичные рекомендации в случаях прохождения разных ПЭР

в контексте одной электоральной кампании увеличивают вероятность фактического участия в выборах. Верно и обратное: получав противоположные рекомендации от независимых ПЭР, избиратели демонстрировали потерю энтузиазма голосовать [1]. Среди возрастных групп наиболее положительно прохождение ПЭР влияло на явку молодежи [4], что неудивительно, учитывая большую ориентированность этой демографической группы на новые технологии и неклассические формы политической вовлеченности [9]. ПЭР способствуют появлению «эффекта активации» для тех абсентеистов, которые в целом включены в «неинституциональную» политическую активность — демонстрации, онлайн-петиции и пр. [4]

До половины респондентов в Германии утверждает, что прохождение ПЭР заставляет их искать больше дополнительной информации о партиях/кандидатах и в целом чувствовать себя более информированными в политических и партийных вопросах [1]. Прохождение ПЭР уже после выборов помогает респондентам четче сформулировать, в т.ч. для себя, ответ на вопрос, почему они решили выбрать ту или иную партию [7]. Иными словами, в работе ПЭР принципиален фактор самоисследования, повышения осознанности респондентов, их (само)локализации в политико-идеологическом спектре.

Вместе с тем нельзя придавать онлайн-платформам решающее значение в электоральном поведении граждан. Согласно ряду исследований, определяющее значение при финальном выборе партии/кандидата имеют предыдущие лояльности избирателей, а также связанные с партией/кандидатом новости, приходящие в контексте предвыборной кампании. Длительные электоральные лояльности могут быть связаны со специфическими ценностными ориентациями, ассоциируемыми с конкретной партией, особенностями личной политической социализации или влиянием социального окружения. Новости о росте рейтингов партии более существенно влияют на интенцию отдать за нее голос, чем получение дополнительной информации о позициях партии по тем или иным политическим или экономическим вопросам [7].

ПЭР играют важную роль прежде всего в многопартийных системах, например нидерландской, где электоральное поле фрагментировано, наличествует большое количество «предложений», а политические программы кандидатов во многом «перекрывают» друг друга [3]. Также в развитых демократиях существует проблема «технократизации» партий и «деполитизации политики», когда традиционные «большие» право- и левоцентристские партии мейнстрима становятся в известной мере неразличимыми в глазах избирателей [10]. В двухпартийных системах больше стабильности, партийные позиции и их вариации известны и дополнительных рекомендаций избирателям, как правило, не требуется [7].

Критика в отношении онлайн-платформ электоральных рекомендаций во многом связана с отсутствием общепризнанной методологии сравнения партийных повесток по тем или иным вопросам и общей метрики [5]. Считается, что ПЭР потенциально могут быть не только собственно совет-

никами или формой развлечения, но также и орудиями для политических манипуляций [1]. Среди претензий к ПЭР упоминается также видимая субъективность и произвольность ранжирования важности электоральных тем, которые для каждой конкретной партии или избирателя могут иметь свой «вес». В этом смысле «калибровка» ПЭР должна идти по линии обращения к партийным предвыборным манифестам, опросам общественного мнения и медийной повестке, что позволит найти баланс между партийным предложением и электоральным спросом [2].

Платформы электоральных рекомендаций порой называют элементами «постмодернистских предвыборных кампаний», когда непартийные акторы принимают участие и в ряде случаев успешно влияют на результат выборов, в которых сами формально не баллотируются [11]. Глобальная проблема интернет-контроля — или бесконтрольности — не входит в сферу обсуждения данной статьи, хотя и занимает все более значимое место в общемировых дискуссиях наряду с нераспространением ядерного оружия или изменением климата¹.

* * *

Россия является в высокой степени интернетизированной страной. На середину 2019 года количество пользователей Интернета в Российской Федерации составило 96 млн человек, т.е. порядка 78 процентов населения государства². При таком уровне доступа к сети очевидным образом Интернет встраивается в политический процесс, как и в других странах, где онлайн- и офлайн-среды в значительной степени переплетаются, в частности в контексте протестного голосования. Ниже мы рассмотрим концепцию «Умного голосования», проанализируем реакцию на нее политических акторов и комментаторов. Нас прежде всего будет интересовать не количественный, а качественный, экспертный анализ данного политического явления.

Истоки идеи «умного голосования» следует, на наш взгляд, отсчитывать с выборов в Государственную Думу VI созыва в декабре 2011 года. Летом того года в оппозиционных кругах шли оживленные дискуссии относительно стратегии на предстоящих выборах. Ряд оппозиционных лидеров предлагал различные формы абсентеизма — не приходить на выборы или портить бюллетени. Разбирая положение, Навальный написал³, что ситуация, при которой «ни одна действительно независимая партия к выборам не допущена», неприемлема для «всех нормальных людей», от либеральных демократов до сторонников националистических идеологий. Следовательно, необходима широкая протестная коалиция, работающая на то, чтобы

¹ Лукьянов Ф. Свобода — это рабство // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4228069>.

² 78% населения страны: как интернет проникает в Россию // Газета.ру. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/tech/2019/09/18/12658993/mediascope.shtml>.

³ Навальный А. За любую партию, против Единой России // Живой журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://navalny.livejournal.com/603104.html>.

«принести наибольшее количество практических проблем» для партии власти, а заодно «превратить в наших сторонников всех активистов всех политпартий», за исключением «Единой России». Такая программа закономерно требовала не абсентеизма, но, напротив, активного голосования «за любую партию, кроме “Единой России”». Таким стал и неформальный лозунг данной кампании. В итоге «Единая Россия» получила чуть меньше 50 процентов голосов, а три парламентских оппозиционных партии — КПРФ, «Справедливая Россия» и ЛДПР — поднялись на 8 процентов, 6 процентов и 4 процента соответственно по отношению к предыдущим выборам.

Кампания показала свою эффективность и в значительной степени предопределила внутривнутриполитическую динамику в России на год-полтора вперед: с массовыми протестными акциями, которых не было в стране с начала 1990-х годов, и частичной либерализации партийного законодательства. В 2013 году А. Навальный успешно участвовал в выборах мэра Москвы и занял второе место, набрав 27 процентов голосов. В рамках его мэрской кампании также активно использовались интернет-технологии для координации волонтеров и распространения контента, что совмещалось с интенсивной офлайн-работой кандидата и его предвыборного штаба.

Идея собственно «умного голосования» была представлена А. Навальным в его блоге в ноябре 2018 года. Пост и видеоролик «Как мы будем побеждать “Единую Россию”» представляли созданный для нужд грядущей кампании сайт 2019.vote⁴. (Достаточно быстро портал был заблокирован Роскомнадзором, сославшись на то, что через сайт шел сбор информации о пользователях через находящиеся на территории США серверы Google, однако через несколько дней платформа возобновила свою работу и активна до сих пор по адресу vote2019.appspot.com.)

Главная задача по текущим выборам, обозначенная Навальным, состояла в устранении «монополии» «Единой России» на власть и была схожей с идеями 2011 года. Исходя из невозможности зарегистрировать «свою» партию или кандидатов-одномандатников (прежде всего на выборах в Мосгордуму), оппозиционер предлагал новый инструмент протестной консолидации. Он указывал, что электоральная поддержка у «Единой России» при прочих равных находится на уровне в среднем 30–35 процентов. Очевидно, оппозиционные партии в сумме набирают существенно больше половины голосов, но не могут победить в одномандатных округах из-за своей разрозненности. Протестные избиратели голосуют отдельно за КПРФ, ЛДПР, «Справедливую Россию», «Яблоко» и партии второго эшелона, но в итоге все они коллективно проигрывают партии власти.

Навальный обратил внимание на то, что сами оппозиционные партии — даже придерживающиеся демократических взглядов, как «Яблоко» или

⁴ Навальный А. Как мы будем побеждать «Единую Россию» // Навальный. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://navalny.com/p/6017/>.

ПАРНАС, — исторически неспособны объединиться или хотя бы ситуативно «уступить» друг другу округа, где их кандидат представлялся бы более сильным, чем другие оппозиционеры. В этой связи «умное голосование» предлагалось как механизм «низовой» консолидации, когда собственно протестное гражданское общество само определяет, за кого из кандидатов голосовать в каждом конкретном случае, притом без их согласия и одобрения партий, от которых кандидаты баллотируются.

По расчетам штаба оппозиционеров, для «опрокидывания» неугодного кандидата (представители «Единой России» шли как самовыдвиженцы) оппозиции часто достаточно всего несколько дополнительных процентных пунктов за наиболее перспективного оппонента «единоросса» по округу. Такого оппонента должны были выбирать, исходя из текущей социологии и анализа результатов предыдущих выборов. При этом, по мнению Навального, «чаще всего и так понятно, какой кандидат сильнее» по своей работе, информационным ресурсам и общей известности. Даже голосование за «довольно плохих» кандидатов или «сторонников Сталина», по мнению Навального, было бы правильным шагом к тому, чтобы на следующих избирательных циклах, разрушив монополию «Единой России», уже выбирать «нормальных» политиков.

Разделяющим идеи «умного голосования» избирателям предлагалось регистрироваться на сайте, сообщая адрес дома своей прописки, чтобы к выборам получить персональную рекомендацию, за кого из кандидатов следует голосовать, чтобы с большей вероятностью «опрокинуть» кандидата от партии власти.

По итогам единого дня голосования 8 сентября 2019 года А. Навальный сообщил⁵, что «умное голосование», по его мнению, показало свою эффективность: «Единая Россия» получила в среднем по стране на 15 процентов меньше голосов, чем на выборах 2014 года. 19 процентов кандидатов, поддержанных «умным голосованием», заняли первые места по своим округам, 48 процентов из них заняли вторые места. В Мосгордуме ставленники «Единой России» получили 20 мандатов из 45.

* * *

Механизм «умного голосования» существенно отличается от того, что принято в распространенных на Западе онлайн-приложениях электоральных рекомендаций. В случае с «умным голосованием» подразумевается изначальная оппозиционность пользователя, а принципиальной целью обозначается непрохождение кандидатов от одной конкретной партии «Единая Россия». Иными словами, мотивация на получение электоральной рекомендации связана не со стремлением выбрать более подходящего по широкому спектру политических показателей кандидата, но со снижением

⁵ Победа! // Навальный. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://navalny.com/p/6228/>.

шансов представителя определенной партии избраться. В категориях традиционных ПЭР типичный участник «умного голосования» очевидным образом может быть отнесен к группе «опытных» пользователей, т.е. тех, кто уже принял электоральное решение (прийти на выборы и проголосовать против «Единой России»), но кому требуется дополнительное «техническое» подтверждение по персоналии «главного протестного» кандидата.

У пользователей «умного голосования», следовательно, существовало всего два критерия одобрения предлагаемого кандидата: отсутствие связи с партией «Единая Россия», олицетворяемой с властью как таковой, и потенциальная проходимость. Дополнительным фактором оппозиционного консенсуса в случае с «умным голосованием» стало, очевидно, принятие позиции конкретно А. Навального и ассоциированной с ним команды, которая и была — теоретически — ответственна за выработку электоральных рекомендаций для «умного голосования».

Учитывая отсутствие на данный момент в ведении автора открытых исследований о том, насколько эффективно и в какой степени сработала система «умного голосования», далее целесообразно обратиться к оценкам «умного голосования», данным в ответах для СМИ политологами, экспертами по выборам и политическими комментаторами разных идеологических направлений.

Так, по мнению координатора движения «Голос» С. Андрейчука, влияние «умного голосования» на итоговый результат выборов, по крайней мере в Москве, «велико», в то время как причастность кандидатов к конкретным оппозиционным брендам, в частности КПРФ, не сыграла сколько-нибудь значимой роли в протестном голосовании⁶. Сопредседатель «Голоса» А. Бuzин, в свою очередь, отдает «умному голосованию» решающую роль в наиболее ярких поражениях «провластных» кандидатов, чьи кампании были «блеклыми»⁷.

Президент фонда «Петербургская политика» М. Виноградов считает оппозиционное голосование «консолидированным», а тактику «умного голосования» «достаточно рациональной». На его взгляд, дебаты о том, можно ли демократам голосовать за коммунистов, «по большому счету не привели к демобилизации протестного голосования»⁸. Иными словами, антирейтинг партии власти оказался выше антирейтинга КПРФ в демократической среде. Также Виноградов обращает внимание на «корректировку географии» оппозиционного голосования в Москве, которая раньше концентрировалась

⁶ Перцев А. Стратегия «умного голосования» оказалась победной или не очень? // Meduza. [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2019/09/09/strategiya-umnogo-golosovaniya-okazalas-pobednoy-ili-ne-ochen>.

⁷ Гармоненко Д. Интернет-выборы против «умного голосования» // Независимая газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2019-09-09/1_7671_voting.html.

⁸ Виноградов: оппозиционное голосование было консолидировано, и избранная тактика оказалась достаточно рациональной // ВФМ.ru. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bfm.ru/news/424039>.

преимущественно в центре, на северо-западе и юго-западе столицы, а на выборах 2019 года частично распространилась и на окраины⁹.

Политолог А. Галлямов указывает на то, что далеко не все поддержанные «умным голосованием» кандидаты открыто конфликтуют с властью. Вместе с тем в перспективе, по итогам выборов, они смогут «почувствовать за собой реального избирателя, причем протестного», «очень быстро станут самодостаточными» и займут более активную позицию в отношении власти¹⁰. Таким образом, благодаря «умному голосованию» возможен запуск новой политической динамики в России.

По мнению профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге В. Гельмана, стратегия «умного голосования» существенно адекватнее бойкота, поскольку при «почти что невозможности выбрать достойных мешает правлению недостойных». Такая форма протеста посылает более понятный сигнал власти, чем неприход на выборы, который властью игнорируется. Абсентеизм, в т.ч. распространенный у некоторой части активных и оппозиционно настроенных граждан, по убеждению Гельмана, является «главным врагом» «умного голосования»¹¹.

Глава Политической экспертной группы К. Калачев полагает, что споры вокруг «умного голосования» в основном связаны не с предложенной технологией голосования как таковой, но с «претензиями Навального на роль стратега оппозиции». Вместе с тем сами дебаты вокруг данной стратегии «поддерживали интерес к выборам и помогли отдельным кандидатам-одиночкам без сильной команды»¹². В то время, как власть делала ставку на «засушку» явки, Навальный и его проект, напротив, «подогревали» свой электорат — и в итоге протестно настроенные граждане знали, за кого проголосовать 8 сентября¹³.

Президент Российской ассоциации политических консультантов А. Куртов считает «умное голосование» значимым, но не решающим фактором для итогов прошедших выборов. Принципиальной стала «общая усталость избирателей», «информационно бездарное наполнение кампании» со стороны власти и, напротив, активность оппозиции, мобилизовавшей протестный электорат, в частности в контексте задержаний на акциях протеста в Москве летом 2019 года¹⁴.

⁹ Дергачев В. Кандидаты от оппозиции победили в 20 из 45 округов Москвы // РБК. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/09/09/2019/5d75df619a7947058f3e5c73>.

¹⁰ Мухаметшина Е., Бочарова С. Эксперты разошлись во мнениях об эффективности «Умного голосования» // Ведомости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/09/03/810381-eksperty-gazoshlis>.

¹¹ Выбора нет: эксперты об «умном голосовании» Навального // Актуальные комментарии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://actualcomment.ru/vybora-net-eksperty-ob-umnom-golosovanii-navalnogo-1908150858.html>.

¹² Дергачев В. Указ. соч.

¹³ Гармоненко Д. Указ. соч.

¹⁴ Там же.

На взгляд доцента НИУ ВШЭ А. Кынева, главное достижение «умного голосования» — срыв кампании по бойкоту выборов, которую, как подчеркивает эксперт, вела власть¹⁵. Как и Куртов, Кынев отводит главную причину в протестном голосовании «ошибкам мэрии», которые сделали выборы для некоторой части избирателей вопросом «морально-этическим», своего рода референдумом об отношении к власти в целом. Для протестно настроенных избирателей такое голосование стало «поступком, жестом»¹⁶.

Стратегия «умного голосования» может разделить электорат «по линии Сталина» — на радикальный и умеренный, считает заместитель директора Центра политических технологий А. Макаркин¹⁷. Кроме того, политолог обращает внимание на то, что «умное голосование» не является консенсусным решением оппозиции, учитывая другие рекомендации, которые шли, в частности, от Д. Гудкова и М. Ходорковского. Также Макаркин указывает на отсутствие прозрачности в выработке рекомендаций «умного голосования»¹⁸.

Мнение доцента НИУ ВШЭ К. Мартынова в отношении «умного голосования» также достаточно критично. Он полагает, что «умное голосование» работает на повышение явки и одновременно на легитимацию выборов, а это может не устраивать более радикальную группу оппозиции, которая, в частности, нацелена на неэлекторальные активности, например защиту прав тех, кого считают политзаключенными¹⁹. Директор Центра медиаисследований УНИК А. Морозов, в свою очередь, напротив, считает «умное голосование» хорошим способом «слезть с наращивания конфронтации» оппозиции и власти и перейти к режиму ведения политической борьбы собственно электоральными средствами²⁰.

Директор по исследованиям ИСЭПИ А. Пожалов высказывает убеждение, что оппозиции, в отличие от власти, удалось мотивировать избирателей, результатом чего стало благоприятное для оппозиции соотношение лояльных и протестных избирателей в единый день голосования в 2019 году. «Умное голосование» в этой связи скорее направляло протестных избирателей голосовать за КПРФ как партию «первого выбора»²¹. «Умное голосование» состоялось в силу «чрезмерной политизации выборов, ощущения явной несправедливости еще на стадии регистрации кандидатов (когда часть «несистемных» кандидатов не была зарегистрирована — *прим. авт.*) — в прошлые

¹⁵ Мухаметшина Е., Корня А. Навальный предлагает москвичам голосовать за любых кандидатов, кроме провластных // Ведомости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/08/15/808828-navalnii-predlagaet>.

¹⁶ Перцев А. Указ. соч.

¹⁷ Мухаметшина Е., Корня А. Указ. соч.

¹⁸ Мухаметшина Е., Бочарова С. Указ. соч.

¹⁹ Выбора нет: эксперты об «умном голосовании» Навального // Актуальные комментарии.

²⁰ Там же.

²¹ Пожалов А. Фактор Навального: как придуманное им «Умное голосование» помогло оппозиции и власти // Forbes. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/383257-faktor-navalnogo-kak-pridumannoe-im-umnnoe-golosovanie-pomoglo-oppozicii-i-vlasti>.

же годы все громкие протесты разгорались только после дня голосования». Вместе с тем Пожалов указывает на то, что «умное голосование» может не сработать на предстоящих думских выборах: в отличие от выборов в «мало что решающую» Мосгордуму, при голосовании в национальный парламент избиратели могут проявить больше требований к кандидатам/партиям, чем декларируемая оппозиционность²².

Главы системных оппозиционных партий в целом скептически отнеслись к «умному голосованию» и возможному влиянию данной технологии на улучшение собственных результатов. По мнению лидера «Справедливой России» С. Миронова, организаторы «умного голосования», понимая, что недовольство властью в ряде городов, в частности в Москве, достаточно высоко, решили «примазаться» к протестному голосованию, а со стороны А. Навального это был «пиар-ход»²³. Лидер ЛДПР В. Жириновский также заявил о «примазывании» Навального к запросу протестного электората²⁴.

Лидер «Яблока» Г. Явлинский отметил, что к системе «умного голосования» относится «негативно»²⁵ и считает «грубой ошибкой призывать голосовать за коммунистов-сталинистов»²⁶. Вместе с тем глава московского горкома КПРФ В. Рашкин заявил, что поддерживает «все, что направлено на объединение оппозиции и разрушение монолита “Единой России”». Он, однако, затруднился однозначно оценить влияние «умного голосования» на поддержку КПРФ, указав на активную работу самих кандидатов-коммунистов²⁷.

Непосредственно в «Единой России» не давали публичную оценку влияния «умного голосования» на результаты партии, однако об «умном голосовании» высказывались политические комментаторы, считающиеся близкими к власти. Так, гендиректор Центра политического анализа П. Данилин высказал убеждение, что идея «умного голосования» вредна для оппозиции, поскольку работает на повышение явки и одновременно «легитимизирует» выборы в Мосгордуму. При этом сам проект, по словам комментатора, является технологией «перетягивания» Навальным протестного электората у других оппозиционных лидеров²⁸. В другом месте Данилин заявлял, что «умное голосование» — это «инструмент влияния на

²² Пожалов А. Уроки «умного голосования» для выборов Госдумы // Ведомости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/10/02/812615-uroki-umnogo-golosovaniya>.

²³ Миронов: «умное голосование» не повлияло на победу спавороссов на выборах в Мосгордуму // ТАСС. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/6864618>.

²⁴ Жириновский отправил Навального к психиатру, так как он «примазался» к ЛДПР // Regnum. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2714359.html>.

²⁵ Гармоненко Д. Указ. соч.

²⁶ Дайджест: это безумное «умное» голосование — кто победитель на выборах в России? // Русская служба BBC. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-49630095>.

²⁷ Перцев А. Указ. соч.

²⁸ Политолог: В лагере оппозиции началась ссора вокруг «умного голосования» Навального // Взгляд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vz.ru/news/2019/8/29/561129.html>.

результаты голосования», который при желании «можно продать». В качестве манипулятивного инструмента эта технология может нанести демократии грандиозный ущерб²⁹.

Председатель правления Фонда развития гражданского общества К. Костин посчитал «умное голосование» новой версией бойкота выборов, аналогичного предложенному в 2011 году и «показавшего свою маленькую эффективность». Вместе с тем Костин, в отличие от Данилина, высказал предположение, что «умное голосование» способствует понижению явки. Он также указал на то, что «умное голосование» работает против самой оппозиции, которая, «разогрев» через протесты свой электорат, затем предлагает бойкотировать выборы³⁰. Со своей стороны напомним, что в 2011 и 2019 годах А. Навальный выступал против бойкота выборов.

Директор Международного института новейших государств А. Мартынов полагает, что «идейные» избиратели проигнорировали «умное голосование» или специально проголосовали за других кандидатов, чем рекомендованные, поскольку «для большинства честно убежденных простых партийцев (КПРФ и «Яблока» — *прим. авт.*) крайне непонятен этот странный ситуативный союз их лидеров с аферистом (Навальным — *прим. авт.*)»³¹. Само «умное голосование» «ни к чему не привело» помимо «сумятицы» в избирательной кампании, «хайпа имени самого себя» и провокации Навальным беспорядков на московских улицах³².

По мнению профессора НИУ ВШЭ О. Матвейчева, наличие нескольких списков рекомендаций к голосованию, исходящих от разных оппозиционеров (Навальный, Ходорковский, Гудков), скорее сбивают граждан и те «предпочитают просто не голосовать». В целом он затрудняется оценить эффективность «умного голосования», но убежден, что оно вредит как либеральной оппозиции, которой рекомендуют голосовать за «сталинистов», так и коммунистам, у которых нет консенсуса относительно возможности кооперации с несистемной оппозицией³³. Матвейчев также называет «умное голосование» «полной дискредитацией» Навального вследствие того, что ряд кандидатов, поддержанных этой системой, не стал после успешного избрания занимать непримиримую позицию по отношению к власти, в частности в Мосгордуме³⁴.

²⁹ Навальный сможет продавать влияние после выборов в Мосгордуму — мнение // Регнум. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2714694.html>.

³⁰ Эксперт: умное голосование и бойкот выборов в Мосгордуму не помогут оппозиции // ТАСС. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/6787994>.

³¹ Мартынов А. Бизнес-схемы Навального // Life.ru. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://life.ru/p/1241175>.

³² Коломиец М. Мосгордума приняла бюджет столицы без претензий со стороны оппозиции // Ридус. [Электронный ресурс]. <https://www.ridus.ru/news/313867>.

³³ Олег Матвейчев: «КПРФ пробила дно сотрудничеством с Навальным» // Новые известия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://newizv.ru/article/general/09-09-2019/oleg-matveychev-kprf-probila-dno-sotrudnichestvom-s-navalnym>.

³⁴ Политолог: Поддержанные Навальным на выборах депутаты Мосгордумы голосуют как партия власти // Взгляд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vz.ru/news/2019/11/27/247334.html>.

Президент коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг» Е. Минченко обращает внимание на то, что из-за невозможности точно установить, по какой причине избиратели сделали тот или иной выбор, каждая сторона будет настаивать на своем: коммунисты, которые «электорально гораздо сильнее» Навального, будут от него дистанцироваться, самому же оппозиционному политику, напротив, выгоднее записывать их в свои «ситуативные союзники»³⁵.

По мнению генерального директора Центра политической информации А. Мухина, сама по себе рекомендация «умного голосования» может оказаться «токсичной» и работать против некоторых рекомендованных кандидатов. Мухин называет его «навязанной услугой», которая не прибавляла очков системной оппозиции, но при этом могла усилить позиции персонально Навального, который «приписывал» себе чужие победы³⁶.

Таким образом, мы видим широкое расхождение взглядов на влияние технологии «умного голосования» на демократический процесс в целом, на электоральные показатели партий, а также на рейтинг непосредственного автора данной технологии. В своих оценках эксперты оперируют не цифрами, но широкими социально-политическими обобщениями и морально-этическими категориями. Заметно, что явным образом расходятся точки зрения, с одной стороны, считающихся ассоциированными с властью комментаторов и лидеров «системной» оппозиции и, с другой, относящихся скорее к либеральному и/или оппозиционному спектру экспертов.

Первая группа комментаторов отрицает какое-либо положительное влияние рекомендаций «умного голосования» на результаты «системной оппозиции» или даже говорит о том, что «умное голосование», которое воспринимается как «рекомендация от Навального», скорее работает на антирейтинг соответствующих кандидатов и является «угрозой демократии». Вместе с тем указывается на то, что «умное голосование» — технология укрепления позиций конкретного политика на протестном поле, причем за счет не только «несистемных», но и «системных» избирателей и соответствующих партий. Противоположные точки зрения высказываются и относительно влияния «умного голосования» на явку.

Представители «системной оппозиции» привлекают внимание к предвыборной активности своих кандидатов и лояльности собственного электората как базовым факторам, которые обеспечили им в среднем более высокий процент поддержки в 2019 году, чем на прошлых выборах.

В свою очередь, либеральные и/или оппозиционно настроенные эксперты существенно выше оценивают влияние «умного голосования» на итоговые результаты выборов 8 сентября 2019 года, особенно показательные на примере Мосгордумы, где «Единая Россия» потеряла большинство, что и было

³⁵ Мухаметшина Е., Бочарова С. Указ. соч.

³⁶ Алексей Мухин: Навальный оставил в дураках системную оппозицию // Правда.ру. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pravda.ru/politics/1435328-muhin/>.

одной из изначально заявленных целей протестной кампании. Комментаторы обращают внимание на увеличение за счет «умного голосования» явки, но одновременно подчеркивают, что подобных результатов не случилось бы при отсутствии ряда ошибок со стороны власти — нерегистрации ряда «независимых» кандидатов (под которыми традиционно подразумеваются претенденты, ассоциированные с командой Навального), разгона акций протеста летом 2019 года, недостаточной активности непосредственно «провластных» кандидатов в ходе избирательной кампании. Большинство экспертов из этой группы сходится в том, что в успехе «умного голосования» сыграли роль скорее оппозиционные настроения как таковые, а заслуга Навального — в способности их канализировать в соответствующее русло, консолидировав на «низовом» уровне протестное голосование. Комментируя технологию «умного голосования», эксперты из этой группы не ставят в вину Навальному желание набрать политические очки на волне протестных настроений в российском обществе.

* * *

Интернет представляет собой отдельную большую среду, которая, оказывая все нарастающее влияние на «офлайн», сама становится частью политических баталий и повестки. Не только возможные успехи «умного голосования» в Москве и ряде регионов России в 2019 году, но и победа Д. Трампа или голосование за Brexit, случившиеся в 2016 году, вряд ли были бы возможны без использования антиистеблишментарными кампаниями новых медиа, базирующихся в интернет-пространстве.

Люди склонны более свободно высказываются в «псевдоанонимной» интернет-среде [12, с. 89]. Протестность сама по себе также тесно связана с большим обращением к виртуальным источникам, а не к традиционным медиа, которые в существенной степени подпадают под регулирующие и «секьюритизирующие» постановления властей [12, с. 92; 13]. Вместе с тем Интернет может канализировать протестные настроения пользователей по разным векторам — в абсентеизм, онлайн-дебаты или, напротив, провоцировать выход в офлайн [14, с. 88] и участие в конвенциональных политических практиках.

В России, имеющей сравнительно короткую непрерывную историю построения демократии, в последние два десятилетия власть в партийном измерении ассоциировалась с «Единой Россией», которая, демонстрируя стабильно более низкий рейтинг поддержки, чем глава государства, воспринимается как партия консолидированного чиновничества (здесь имеет место принципиальное отличие от «истеблишмента» развитых западных демократий, который по умолчанию состоит из нескольких «больших» партий, длительное время работающих в симбиотической до известной степени связке друг с другом). Другие партии имеют свою историю, часто весьма

длительную, набор достаточно стабильных программно-идеологических установок и обладают собственной электоральной базой.

В контексте протестного голосования и общей оппозиционной активности главный «удар» приходится именно на «Единую Россию», а оппозиционность в известной мере подразумевает критическое отношение к конкретной партии. Другие «системные» партии при подобных обстоятельствах становятся элементами выбора в инструментальном голосовании «от противного». Идет борьба антирейтингов, когда протестно голосуют «за любую партию кроме», как это было в рамках выборов в Государственную Думу 2011 года. В 2019 году «чистая» протестность была модифицирована через предложенный командой А. Навального механизм «умного голосования».

Данная технология, на наш взгляд, может рассматриваться как частный случай онлайн-платформ электоральных рекомендаций, используемый для решения конкретной задачи в рамках протестного голосования в России. В отличие от классических ПЭР, распространенных в странах развитой демократии, механизм «умного голосования» исходит из заданной мотивации пользователя на «опрокидывание» кандидата, ассоциированного с властью и ориентируется не на совпадение тех или иных идеологических установок пользователя и рекомендуемого кандидата, но на не до конца прозрачно прописываемую «избираемость» данного оппозиционного кандидата по соответствующему округу.

Учитывая, что авторы «умного голосования» нашли работу данной технологии в ходе выборов 8 сентября 2019 года удовлетворительной, они, очевидно, будут использовать ее и в дальнейшем, в частности в ходе кампании по выборам в Государственную Думу, которые предположительно пройдут в 2021 году.

Список литературы

1. Enyedi Z. The Influence of Voting Advice Applications on Preferences, Loyalties and Turnout: An Experimental Study // *Political Studies*. 2016. Vol. 64. Issue 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.12213>.
2. König P. D., Nyhuis D. Assessing the applicability of vote advice applications for estimating party positions // *Party Politics*. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/1354068818790111>.
3. Alvarez R. M., Levin I., Mair P., Trechsel A. Party preferences in the digital age // *Party Politics*. 2014. Vol. 20. Issue 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/1354068813519960>.
4. Ramos J., Padilla J., Chueca E. Abstentionism, Voting Advice Applications and Voting Activation // *Statistics, Politics and Policy*. 2019. Vol. 10. Issue 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1515/spp-2018-0006>.
5. Wall M., Krouwel A., Vitiello T. Do voters follow the recommendations of voter advice application websites? A study of the effects of kieskompas.nl on its users' vote choices in the 2010 Dutch legislative elections // *Party Politics*.

2012. Vol. 20, Issue 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/1354068811436054>.
6. Van de Pol J., Holleman B., Kamoen N. Beyond young, higher educated males: a typology of VAA users // *Journal of Information Technology & Politics*. 2014. Vol. 11, Issue 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/19331681.2014.958794>.
 7. Kleinnijenhuis J., van de Pol J., van Hoof A.M.J., Krouwel A.P.M. Genuine effects of vote advice applications on party choice: Filtering out factors that affect both the advice obtained and the vote // *Party Politics*. 2019. Vol. 25. Issue 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/1354068817713121>.
 8. Garry J., Tilley J., Matthews N., Mendez E., Wheatley J. Does receiving advice from Voter Advice Applications (VAAs) affect public opinion in deeply divided societies? Evidence from a field experiment in Northern Ireland // *Party Politics*. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/1354068818818789>.
 9. Пырма Р.В. Электоральная активность молодежи в США, Великобритании, Франции, Германии и России: сравнительное исследование // *Полития*. 2019. № 4 (95). С. 188–204. С. 189–190.
 10. Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е. Политика «мейнстрима» и ее альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к «невозможной политике?» // *Полис*. Политические исследования. 2017. № 3. С. 8–29.
 11. Farrell D., Schmitt-Beck R Non-Party Actors in Electoral Politics. The Role of Interest Groups and Independent Citizens in Contemporary Election Campaigns. Baden Baden: Nomos, 2008. 282 p.
 12. Нежелский А.А. Государственное регулирование сферы кибербезопасности: проблемы атрибуции атак и локализации данных // *Власть*. 2019. № 4. С. 87–94.
 13. Кольцова О.Ю., Киркиж Э.А. Влияние Интернета на участие в протестах // *Полития*. 2016. № 1 (80). С. 90–110.
 14. Сергеев С.А. Социальные движения и левые радикалы в начале XXI века // *Управление устойчивым развитием*. 2018. №4 (17). С. 83–89.

А.В. ИГНАТОВ

О НЕКОТОРЫХ ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ СТРАТЕГИИ «УМНОГО ГОЛОСОВАНИЯ» КАК НОВОЙ АГИТАЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ

***Аннотация.** В статье проанализированы некоторые правовые аспекты новой для российской избирательной практики агитационной технологии — «стратегии «умного голосования»». Технология рассмотрена с точки зрения ее согласованности с общепризнанными демократическими стандартами организации электоральных процедур, с конституционными принципами и конституционной целью свободных выборов, прежде всего — с установленными избирательным законодательством правилами предвыборной агитации и финансирования избирательной кампании. Автор приходит к выводу о несогласованности технологии, являющейся одним из новых вызовов времени, таким принципам, обращает внимание на то, что ее применение может поставить под сомнение выявление действительной воли избирателей.*
***Ключевые слова:** выборы, народовластие, предвыборная агитация, международные принципы демократических выборов, свободные выборы, подлинные выборы, осознанное волеизъявление, формирование органов власти, умное голосование.*

ABOUT SOME LEGAL ASPECTS OF THE «SMART VOTING» STRATEGY AS A NEW ELECTION CAMPAIGN TECHNOLOGY

***Abstract.** The article analyzes some legal aspects of a new campaign technology for Russian electoral practice — the «smart voting strategy». The technology is considered from the point of view of its consistency with the generally recognized democratic standards for organizing electoral procedures, with the constitutional principles and the constitutional goal of free elections, first of all, with the rules of election campaigning and campaign finance established by the electoral legislation. The author made the conclusion that the technology which is one of the new challenges of the time is inconsistent with such principles, and its application may call into question the identification of the actual will of voters.*

***Keywords:** elections, democracy, election campaigning, international principles of democratic elections, free elections, genuine elections, conscious expression of will, formation of authorities, smart voting.*

Выборы в органы государственной власти и органы местного самоуправления, состоявшиеся в единый день голосования 8 сентября 2019 года,

ИГНАТОВ Александр Вячеславович — кандидат юридических наук, исполнительный директор Российского общественного института избирательного права, г. Москва

стали первыми, в ходе которых была применена агитационная технология, названная ее инициаторами «стратегией «умного голосования». Данная агитационная технология с учетом ее содержания и декларированных инициаторами масштабов применения является новой для российской избирательной практики, что предопределяет интерес к анализу некоторых ее правовых аспектов.

Основная цель стратегии «умного голосования», как указано на информационном ресурсе проекта и заявлено ее инициатором, состоит в том, чтобы «победить «Единую Россию», т.е. противодействовать избранию кандидатов, выдвинутых указанной партией. «Задача «умного голосования» – консолидировать голоса тех, кто выступает против «Единой России». Единороссы часто побеждают с минимальным отрывом, просто за счет того, что оппозиционные партии не могут договориться и выставить единого кандидата. Зато договориться можем мы – избиратели» – указано на сайте проекта¹. Стратегия была предложена задолго до начала избирательной кампании – в ноябре 2018 года и ее первое применение на выборах 8 сентября 2019 года оценено инициаторами как достаточно успешное.

Таким образом, цель стратегии «умного голосования» очевидно является политической, однако принципиально отличается от целей участников выборов и состоит не в получении позитивного результата, поддержки избирателями предвыборной программы кандидата или избирательного объединения, а в противодействии достижению определенного результата другими участниками избирательного процесса, что, естественно, не исключает инициаторов технологии из числа участников борьбы за голоса избирателей, которая требует соблюдения не только общепризнанных демократических принципов организации электоральных процедур, но и конкретных норм избирательного законодательства.

Суть стратегии заключается в том, что ее инициаторы определяют для каждого избирательного округа одного кандидата, выдвинутого одной из оппозиционных партий или в порядке самовыдвижения, и рекомендуют всем избирателям соответствующего избирательного округа, не поддерживающим партию власти, голосовать за этого кандидата. Порядок и критерии отбора кандидатов, состав «отборочной комиссии» и иные подробности функционирования проекта, по крайней мере, в ходе первого его применения не обнародованы, продекларировано лишь, что им может стать «самый сильный противник» правящей партии или «кандидат, у которого больше всего шансов победить» в соответствующем округе. Инициатор применения технологии в материале «Как мы будем побеждать “Единую Россию” на выборах. “Умное голосование”» также весьма кратко указывает: «Используя результаты предыдущих выборов, социологию и т.д., мы определяем «кандидата номер два». То есть не единоросса, у которого максимальные шансы

¹ <https://votesmart.appspot.com>.

победить. Присылаем вам инструкцию, за кого голосовать, и объяснение, почему мы так решили»².

Для информационного обеспечения стратегии создан сайт, на котором предложено зарегистрироваться всем заинтересованным в участии избирателям, указав при этом адрес места жительства, согласно регистрации, возраст и адрес электронной почты, на который избирателю будет выслана информация о «рекомендованном кандидате» по соответствующему избирательному округу, после определения такого кандидата. В то же время информация о «рекомендованных кандидатах» распространяется и посредством других информационных ресурсов, в первую очередь, в Интернете.

Таким образом, с правовой точки зрения, предпринимаемые в рамках стратегии действия являются предвыборной агитацией в форме призыва голосовать за кандидата либо против него, который в соответствии с подпунктом «а» пункта 2 статьи 48 Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Федеральный закон) признается предвыборной агитацией.

Федеральным законом предусмотрено право граждан Российской Федерации и общественных объединений проводить предвыборную агитацию в допускаемых законом формах и законными методами (п. 1 ст. 48), в то же время к избирательным правам граждан отнесено право участвовать в предвыборной агитации (п. 28 ст. 2). Раскрывая содержание принципа всеобщего избирательного права, Федеральный закон также предусматривает право граждан Российской Федерации, которые на день голосования достигнут возраста 18 лет, участвовать в предусмотренных законом и проводимых законными методами других избирательных действиях, к которым относится и предвыборная агитация (п. 1 ст. 4).

Как справедливо отмечают авторы комментария к Федеральному закону, «из совокупности этих двух положений в их взаимосвязи следует, что гражданин Российской Федерации обладает правом как самостоятельно в допускаемых законом формах и законными методами проводить предвыборную агитацию, так и участвовать в проведении агитации другими участниками избирательного процесса, например, избирательными объединениями. Действующее законодательство о выборах и референдумах предоставляет гражданам возможности для реализации названного права в обоих его аспектах» [1, с. 465].

Устанавливая требование о проведении предвыборной агитации всеми субъектами избирательного процесса в допускаемых законом формах и законными методами, Федеральный закон формулирует открытый, неисчерпывающий перечень ее методов и не исключает возможность ее проведения иными не запрещенными законом методами (п. 3 ст. 48). При этом вводятся

² <https://navalny.com/p/6017>.

обусловленные конституционно значимыми целями ограничения для проведения предвыборной агитации различными ее субъектами через определение условий ее проведения. Так, подчеркивая приоритетную роль кандидата, избирательного объединения в проведении предвыборной агитации, Федеральный закон предусматривает, что они самостоятельно определяют содержание, формы и методы своей агитации, самостоятельно проводят ее и привлекают в установленном законом порядке иных лиц (п. 5 ст. 48), не гарантируя аналогичного права гражданам, не являющимся кандидатами.

Предоставляя гражданам право осуществления предвыборной агитации, Федеральный закон предусматривает в качестве одного из основных требований к ее проведению положение о том, что расходы на проведение предвыборной агитации осуществляются исключительно за счет средств соответствующих избирательных фондов в установленном законом порядке (п. 5 ст. 48), конкретизирующее общий запрет расходования в целях достижения определенного результата на выборах денежных средств, не перечисленных в избирательные фонды (п. 5 ст. 59), а также запрещает без документально подтвержденного письменного согласия кандидата и оплаты из соответствующего избирательного фонда выполнение оплачиваемых работ, оказание платных услуг, прямо или косвенно связанных с выборами, допуская исключительно личное бесплатное выполнение гражданином работ, оказание им услуг по подготовке и проведению выборов, без привлечения третьих лиц (п. 5 ст. 59).

Это требование прозрачности финансирования избирательной кампании, закрепленное в целом ряде международных актов, обеспечивает не только равенство кандидатов, но и играет значимую роль в вопросах противодействия политической коррупции. Проведение требующей расходов предвыборной агитации без оплаты за счет средств избирательного фонда исключает возможность контроля законности источников ее финансирования, в том числе не позволяет не допустить использования средств, внесение которых в избирательный фонд запрещено законом (государственных, муниципальных, иностранных и иных средств), ставя кандидата, в пользу которого ведется такая агитация, в неравное положение с иными кандидатами, соблюдающими требования закона.

Из анализа взаимосвязанных положений Федерального закона следует, что гражданин вправе самостоятельно проводить предвыборную агитацию исключительно в таких формах и такими методами, которые не предполагают расходования денежных средств на ее проведение, при этом размер необходимых расходов правового значения не имеет. В случае же необходимости расходования средств на проведение предвыборной агитации, она может быть произведена либо самим кандидатом, либо гражданином, но с согласия кандидата и при условии ее оплаты за счет средств его избирательного фонда.

Различия правового статуса субъектов агитационной деятельности были предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации,

который признал взаимосвязанные положения Федерального закона, не допускающие проведение предвыборной агитации за или против кандидата (кандидатов, список, списки кандидатов) гражданами, не являющимися кандидатами, их представителями, представителями избирательного объединения, методами, требующими финансовых затрат, осуществляемых помимо избирательных фондов, не противоречащими Конституции Российской Федерации (постановление от 16.06.2006 г. № 7-П), отметив, что введение федеральным законодателем различных условий реализации права на предвыборную агитацию для граждан как участников избирательного процесса, с одной стороны, и кандидатов (избирательных объединений) — с другой, как направленное на достижение конституционных целей, связанных с обеспечением прозрачности выборов, равенства кандидатов перед законом вне зависимости от материального положения и предотвращение злоупотреблений, само по себе не может рассматриваться как несовместимое с конституционными принципами и нормами (постановления от 14.11.2005 г. № 10-П, от 16.06.2006 г. № 7-П). При этом требование об осуществлении предвыборной агитации гражданами не иначе как за счет денежных средств избирательных фондов представляет собой ограничение форм и методов проводимой этими субъектами избирательного процесса предвыборной агитации (постановление от 16.06.2006 г. № 7-П).

Предоставляя право проведения предвыборной агитации гражданам Российской Федерации и дифференцируя его содержание в зависимости от их правового статуса в соответствующей избирательной кампании, Федеральный закон содержит принципиальное положение, запрещающее осуществление деятельности, способствующей либо препятствующей избранию кандидатов, достижению определенного результата на выборах, а также участие в избирательной кампании в иных формах иностранным гражданам, лицам без гражданства, иностранным организациям, международным организациям и международным общественным движениям, некоммерческим организациям, выполняющим функции иностранного агента, (п. 6 ст. 3) и конкретизирующие его положения о запрете проведения предвыборной агитации и распространения любых агитационных материалов (подп. «е», «е1» п. 7 ст. 48) и участия в финансировании избирательной кампании (подп. «а», «б», «в», «е» п. 6 ст. 58) указанных субъектов. Такой запрет основан на ст. 32 Конституции Российской Федерации, устанавливающий ценз гражданства, являющийся общепризнанным в современном мире ограничением как активного, так и пассивного избирательного права, а, следовательно, и производного от них права участвовать в избирательных действиях.

Анализ указанных положений избирательного законодательства, регулирующих порядок проведения предвыборной агитации, свидетельствует, что оно исходит из принципа определенности субъекта агитационной деятельности, предполагающего, что предвыборная агитация является законной при условии, что субъект ее проведения идентифицирован и соответствует

установленным законом требованиям к субъектам, имеющим право на ее проведение. Напротив, отсутствие информации о субъекте агитационной деятельности (например, при распространении агитационных материалов без указания сведений о заказчике), равно как и проведение субъектом, не имеющим такого права, является достаточным основанием для признания такой агитации незаконной и принятия избирательными комиссиями и правоохранительными органами мер по ее пресечению (п. 8, 9 ст. 56).

Определенность субъекта агитационной деятельности служит не только цели проверки наличия у конкретного субъекта права проведения предвыборной агитации в принципе или проведения предвыборной агитации в соответствующей форме и соответствующим методом, но и, в случае наличия у него такого права, — цели предоставления избирателям возможности получить информацию о субъекте, проводящим агитацию за кандидата, которая сама по себе способствует формированию у избирателя как положительного либо отрицательного мнения о соответствующем кандидате, так и осознанного волеизъявления. Указанный принцип согласуется и с положениями закона, направленными на недопущение использования имени и репутации гражданина при проведении предвыборной агитации без его согласия, к которым можно отнести, в частности, требование о предоставлении заявления гражданина о согласии быть доверенным лицом (п. 1 ст. 43), о возможности использования высказывания физического лица о кандидате только с письменного согласия такого лица (п. 9 ст. 48). Значительное внимание, уделяемое на практике кандидатами формированию списка своих доверенных лиц, т.е. определению личностей, официально и публично поддерживающих кандидата, объясняется именно возможностью оказания существенного влияния такой поддержки на агитационный процесс. Принцип определенности субъекта предвыборной агитации также реализуется в положениях Федерального закона, направленных на идентификацию субъекта предвыборной агитации, в частности, об обязательном указании на всех печатных и аудиовизуальных агитационных материалах сведений о заказчике таких материалов (п. 2 ст. 54), представлении в избирательную комиссию экземпляров агитационных материалов до начала их распространения (п. 3 ст. 54), указании во всех агитационных материалах, размещаемых в периодических печатных изданиях, сведений о разместившем их кандидате (п. 6 ст. 52) и др. Указанные положения Федерального закона гарантируют, в том числе право избирателей на получение информации о субъекте агитационной деятельности, являющейся важной для формирования осознанного волеизъявления.

Вместе с тем, из анализа обнародованной информации о технологии «умного голосования» не представляется возможным однозначно определить субъект агитационной деятельности в отношении каждого конкретного кандидата, поддержанного в рамках технологии. Представляя технологию, ее инициатор не декларирует исключительно свое личное участие в аги-

тационной деятельности, максимально обобщая субъектов агитационной деятельности и употребляя для их обозначения местоимение «мы», подразумеваемая неопределенный, по крайней мере, с публичной точки зрения, круг лиц, принимающих активное участие в агитации с использованием данной стратегии. Отсутствие возможности определить состав или порядок формирования данного круга лиц (условного «штаба» технологии) затрудняет правовую квалификацию законности соответствующей предвыборной агитации, поскольку ее субъектом вполне может выступить лицо, проведение предвыборной агитации которым не допускается законом (например, нельзя исключать активное участие в реализации технологии «Фонда борьбы с коррупцией», учредителем которого является инициатор «умного голосования», внесенного после единого дня голосования — 09.10.2019 года в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента³, а, следовательно, в силу пункта 6 статьи 3 Федерального закона лишенного права осуществлять агитационную деятельность), а также не обеспечивает необходимое, в том числе для формирования осознанного волеизъявления избирателей, предоставление им информации о субъекте агитационной деятельности, нарушая тем самым права избирателей на получение такой информации.

В то же время создание и поддержка сайта без расходования на эти цели денежных средств вряд ли возможна, поскольку, даже в случае безвозмездного личного выполнения гражданином работ по его созданию, расходы на оплату хостинга и доменного имени, в случае, если он функционирует не на бесплатной платформе, подлежат оплате за счет средств избирательного фонда кандидата (кандидатов), использующего (использующих) его для предвыборной агитации. Таким образом, предвыборная агитация, ведение которой очевидно требует расходов, не оплаченных за счет средств избирательного фонда кандидата, представляет собой нарушение правил ведения предвыборной агитации и финансирования избирательной кампании кандидата, в том числе при незначительном размере необходимых расходов, представляющее собой состав административного правонарушения для лиц, проводящих такую агитацию. Кроме того, условием осуществления требующей оплаты предвыборной агитации является письменное согласие кандидата (кандидатов), в интересах которого (которых) проводится такая агитация, получение которого (равно как и согласование агитации с кандидатами), как следует из презентации технологии, ее разработчиками не предполагается.

Не менее важным правовым аспектом является в меньшей степени формализованная Федеральным законом содержательная сторона предвыборной агитации. В этом контексте стратегия «умного голосования» предполагает, согласно утверждению инициаторов и практике ее использования, агитацию

³ <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx>.

за любого кандидата, имеющего, по мнению условного «штаба», наибольшие шансы на победу вне зависимости от политических взглядов, предвыборной программы, субъекта выдвижения, фактов биографии и прочих характеризующих кандидата фактов. Такой подход создает проблему недостаточной согласованности агитационной технологии с конституционным предназначением института выборов и основополагающими международными актами в сфере демократических выборов.

Конституция Российской Федерации провозглашает, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть, в том числе через органы государственной власти и органы местного самоуправления, при этом высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы (ч. 1–3 ст. 3), при этом в Российской Федерации признаются политическое многообразие и многопартийность (ч. 3 ст. 13), а граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства, как непосредственно, так и через своих представителей, избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме (ч. 1, 2 ст. 32).

Из анализа указанных положений Конституции в их взаимосвязи следует, что свободные выборы, являющиеся одной из форм высшего непосредственного выражения власти народа, проводятся с конституционно обозначенной целью — формирование органов государственной власти и органов местного самоуправления, которые получают от народа по результатам таких выборов полномочия на осуществление от его имени власти в рамках своей компетенции, установленной Конституцией Российской Федерации и законами. Такое конституционное предназначение выборов закреплено в определении этого понятия в пункте 9 статьи 2 Федерального закона, согласно которому выборы — форма прямого волеизъявления граждан в целях формирования органа государственной власти, органа местного самоуправления или надделения полномочиями должностного лица. При этом с учетом признаваемого политического многообразия и многопартийности выборы представляют собой участие гражданина посредством выражения своей воли как составной части воли народа в управлении делами государства, т.е. в принятии политических решений на основе выбора наиболее близкого к его убеждениям политического решения из предлагаемых участвующими в выборах кандидатами или избирательными объединениями. Реализация гражданином активного избирательного права, посредством которой он выражает свое политическое решение и участвует совместно с другими гражданами в управлении делами государства, в условиях политического многообразия и многопартийности предполагает выбор гражданином не столько конкретного лица, делегируемого в качестве представителя в соответствующий орган

власти, сколько определенной политической программы, предложенной кандидатом или политической партией (избирательным объединением).

Конституционный Суд Российской Федерации определил выборы как способ выявления воли народа и формирования соответствующих легитимных органов государственной власти и местного самоуправления, от его имени осуществляющих публичную власть, основанной на приоритете воли большинства избирателей, принявших участие в голосовании (постановление от 10.06.1998 г. № 17-П); отметил, что коллективное участие в осуществлении власти граждан, составляющих в своей совокупности многонациональный народ Российской Федерации, предполагает формирование политической воли народа, определяющей деятельность публичной власти (постановление от 16.07.2007 г. № 11-П). Согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, право избирать и быть избранными является необходимой и существенной составной частью конституционного права граждан участвовать в управлении делами государства и местного самоуправления и характеризуется общей направленностью на легитимацию выборных органов и должностных лиц публичной власти путем непосредственного волеизъявления народа Российской Федерации либо населения публично-правового образования (постановление от 22.04.2013 г. № 8-П); публичный интерес реализуется в объективных итогах выборов и формировании на этой основе органов публичной власти (постановление от 22.04.2013 г. № 8-П); конституционное предназначение выборов — обеспечение подлинного народного представительства, немислимого без свободного, справедливого и открытого проведения избирательных кампаний на основе законных электоральных процедур (постановление от 15.11.2018 г. № 42-П); вступая в избирательные правоотношения в качестве избирателей, граждане Российской Федерации реализуют не только свою политическую свободу и связанные с ней субъективные интересы, касающиеся тех или иных политических предпочтений, но и относящийся к основам конституционного строя Российской Федерации принцип народовластия; они участвуют в формировании самостоятельных и независимых органов публичной власти, которые призваны в своей деятельности обеспечивать представительство и интересы народа, гарантировать права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации, осуществляя эффективное и ответственное управление делами государства и общества (постановление от 15.04.2014 г. № 11-П); нормативное содержание активного избирательного права с точки зрения его функционально-целевых характеристик определяется необходимостью обеспечения адекватного выражения суверенной воли многонационального народа Российской Федерации, которая материализуется в объективных результатах выборов, а голос гражданина как избирателя выступает слагаемым общей воли народа (постановление от 22.04.2013 г. № 8-П).

Оценивая роль политических партий в демократическом государстве, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что идеологическое

и политическое многообразие, многопартийность являются содержательной характеристикой демократии, а сами политические партии — институтом, необходимым для ее функционирования (постановление от 16.07.2007 г. № 11-П); политические партии, на которые возложена соответствующая публичная функция, содействуют процессу волеобразования народа (постановление от 16.07.2007 г. № 11-П), служат необходимым институтом представительной демократии, во многом обеспечивающим участие граждан в политической жизни страны, политическое взаимодействие гражданского общества и государства, целостность и устойчивость политической системы (постановление от 15.11.2018 г. № 42-П); при этом политическая партия сохраняет связь с избирателями и после завершения избирательного процесса и формирования выборного органа государственной власти, является ответственной перед избирателями за выполнение своей предвыборной программы (постановление от 16.12.2014 г. № 33-П).

Международные обязательства Российской Федерации подчеркивают значение воли народа, выражаемой на свободных выборах, как основы власти правительства (ч. 3 ст. 21 Всеобщей декларации прав человека, п. 6 Документа Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ), и обозначают в качестве цели свободных выборов обеспечение того, чтобы воля народа служила основой власти правительства (п. 7.1 Копенгагенского документа); обязывают государство обеспечить право и возможность каждого гражданина принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей, право голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей (ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах); называют неотъемлемой характеристикой подлинных выборов выявление свободно выраженной воли народа и непосредственное ее осуществление (ч. 1 ст. 9 Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках СНГ).

Рассуждая о конституционном предназначении выборов, Б.С. Эбзев отмечает, что «существенно возрастает значение выборов как способа гражданской самоорганизации общества и его политического структурирования, что предопределяется в том числе конкурентным характером самой демократии и многопартийностью, обусловленными конституционным строем России», а «свободные выборы являются важнейшим элементом механизма взаимодействия общей воли народа и множества частных волей граждан как субъектов избирательных прав и волеобразования большинства в процессе избрания главы государства и органов народного представительства» [2, с. 309–310].

Н.С. Бондарь и А.А. Джагарян, исследуя проблемы конституционной ценности избирательных прав граждан, подчеркивают, что «участвуя в формировании выборных органов публичной власти, граждане фактически

осуществляют сознательную деятельность, направленную на постановку цели государства» [3, с. 15], т.е. непосредственно участвуют в принятии ключевых политических решений. Аналогичную позицию более развернуто высказывает и Д.А. Реут: «Выборы — это избрание определенного пути развития общества, пути выхода из кризисной ситуации, пути преодоления насущных политических, экономических и социальных проблем. Это принятие или непринятие обществом идей, разделение людьми мировоззрения, исповедуемого конкретным кандидатом или политической партией. Если суть выборов заключается в выделении народом из своей среды представителей для передачи им властных полномочий, то эти представители естественным образом обязаны разделять интересы этой самой среды, то есть интересы народа; разделять народную волю, выраженную в результате выборов» [4, с. 15]. О.А. Кравченко также отмечает важность голосования за определенное политическое решение, подчеркивая, что «волеизъявление народа тогда имеет значение, когда оно может быть названо волеизъявлением большинства народа, а таковым оно может стать, когда при голосовании на выборах выявлено большинство голосов избирателей, поданных за определенное политическое решение» [5, с. 23]. Рассматривая принцип свободных выборов, Л.А. Нудненко отмечает, что этот принцип предполагает конкуренцию предвыборных программ кандидатов и избирательных объединений, изложенных в них идей [6, с. 27].

Свободные выборы, являются высшим непосредственным выражением власти народа и единственным легитимным способом формирования избираемых органов публичной власти на основе общей воли народа, представляющей собой совокупность волей граждан, участвующих в выборах в качестве избирателей, сформированных в условиях политического многообразия, многопартийности и конкурентного характера выборов. При этом, исходя из конституционного предназначения свободных выборов, формирование воли каждого конкретного избирателя, выступающей в качестве слагаемой общей воли народа, которая подлежит выявлению на таких выборах, осуществляется исходя из его политических предпочтений, на основе поиска наиболее близкой к ним политической программы из предложенных кандидатами, политическими партиями, участвующими в выборах. Именно для этих целей государством с учетом принятых им на себя международных обязательств в главе VII Федерального закона установлены гарантии прав граждан на получение и распространение информации о выборах и правила информационного обеспечения выборов.

Безусловно, в электоральной практике, — как российской, так и зарубежной, политические предпочтения не являются единственным фактором, фактически определяющим волеизъявление избирателей на выборах. Вместе с тем, не определяя выявление и анализ всего многообразия таких факторов в качестве задачи настоящего исследования, отметим, что именно рассмотренный выше фактор в полной мере согласуется с конституционным

предназначением выборов и конституционным содержанием активного избирательного права.

Представляя стратегию «умного голосования», ее инициатор, ссылаясь на сложности межпартийного диалога, по сути, называет причиной победы кандидатов от одной из политических партий то, что «оппозиционные партии не могут договориться и выставить единого кандидата», и предлагает договориться избирателям: «зато договориться можем мы — избиратели». При этом он не только не делает оговорки, создавая у читателя мнение об абсолютном отсутствии практики межпартийных договоренностей в России, что не соответствует действительности, поскольку таких примеров на выборах разного уровня достаточно, но и не анализирует причины отсутствия межпартийных договоренностей на тех выборах и в тех случаях, когда они действительно не достигнуты, вместе с тем именно такие причины являются ключевым вопросом при оценке правомерности агитационной технологии с содержательной точки зрения.

В условиях отсутствия в действующем избирательном законодательстве Российской Федерации возможности формирования избирательных блоков или коалиций, т.е. юридически оформленного объединения политических партий для участия в конкретной избирательной кампании путем выдвижения единого кандидата (нескольких кандидатов в многомандатном избирательном округе) от избирательного блока, состоящего из нескольких политических партий, фактическое блокирование политических партий возможно в рамках политических, неформализованных договоренностей между ними, сводящихся к согласованному решению о выдвижении единого кандидата и отказе от выдвижения либо снятии (отзыве) других кандидатов. Такая практика не противоречит действующему законодательству при условии, что выдвигающийся кандидат является членом выдвигающей его партии или беспартийным. Несмотря на то, что такие договоренности не регулируются действующим избирательным законодательством, находясь, с этой точки зрения, вне правового регулирования, они могут быть оформлены в виде письменных или устных межпартийных соглашений, заключение которых возможно лишь в случае, если оно, по мнению каждой из участвующих партий, позволит ей наиболее эффективно достигать своих целей, а именно наиболее эффективно выражать политическую волю граждан, поддерживающих программу партии, и представлять их в органах публичной власти, т.е. целей, предусмотренных частью 1 статьи 3 Федерального закона «О политических партиях». При этом, исходя из конституционно значимых целей политических партий, обязательным условием подобных межпартийных соглашений является если не согласование общей политической программы, то, по крайней мере, отсутствие существенных противоречий в программах или предвыборных программах (платформах) партий-участниц соглашения. При этом относящийся к избирательным блокам и коалициям вывод, что «анализ приведенных научных подходов к определению сути

избирательных блоков, равно как и анализ самой организационно-правовой природы этого явления показывает, что отправной точкой служит категория объединения — добровольного, временного и имеющего четкие политические цели» [7, с. 13] в полной мере применим и к рассматриваемым неформальным межпартийным соглашениям.

Предложение инициаторов технологии, являющихся, по отношению к политическим партиям третьими лицами, объединиться избирателям, заменив тем самым соответствующие решения политических партий или самих кандидатов, не предполагающее необходимость их согласия с таким предложением, может быть охарактеризована как попытка создания подобия избирательного блока без согласия его потенциальных участников. Такое «квазиблокирование» в случае успешной реализации, безусловно, не отвечает указанным выше принципам объединения.

Важное значение в контексте рассматриваемой проблемы имеет принцип осознанного волеизъявления избирателей, вытекающий из конституционных основ свободных выборов и сформулированный в Федеральном законе, согласно которому информационное обеспечение выборов, включающее в себя информирование избирателей и предвыборную агитацию, способствует осознанному волеизъявлению граждан (ст. 44).

Анализируя принцип свободных выборов, Т.Д. Зражевская называет «создание условий для осознанного и обоснованного выбора между альтернативными кандидатами» его составляющими [8, с. 26]. Авторы комментария к Федеральному закону отмечают, что «наиболее полная информация... имеет большое значение для формирования у граждан электоральных приоритетов, на которых основывается их осознанный выбор» [1, с. 440]. Д.А. Реут полагает, что «осознанность выбора заключается в том, что проинформированный избиратель отдает себе отчет, за кого, за какой путь развития, за какую жизненную позицию он голосует», называя соблюдение этого принципа условием достоверности результатов выборов и легитимности избранных на них органов [4, с. 26].

Значение предвыборной программы для проведения свободных выборов подчеркивается, в частности, в Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках СНГ, требующей обеспечения участникам выборов равного доступа к средствам массовой информации для проведения предвыборной агитации, в том числе для изложения положений своей предвыборной программы (платформы) (ч. 5 ст. 13), а также в подготовленных Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ документах: в Обзоре избирательного законодательства и практики государств-участников ОБСЕ, где отмечено, что «избирательные кампании позволяют кандидатам донести свою программу до общественности и таким образом дают избирателям возможность сде-

лать осознанный выбор»⁴, и Руководстве для внутренних наблюдателей за выборами, где отмечается важность понимания политической позиции кандидатов избирателями: «будет полезно узнать, например, в какой мере избиратели разбираются и насколько они проинформированы в вопросах, связанных с выборами, и видят ли они разницу между позициями различных партий и кандидатов»⁵.

Осознанное волеизъявление избирателей как неотъемлемая составляющая свободных демократических выборов в условиях политического многообразия представляет собой конституционно значимую ценность, достижение которой определено федеральным законодателем в качестве основной цели информационного обеспечения выборов, включающего в себя как информирование избирателей, так и предвыборную агитацию. При этом принцип осознанного волеизъявления избирателей предполагает их поддержку политической позиции кандидата, политической партии, за которого голосует избиратель, в сочетании с ожиданием реализации предвыборной программы кандидата, партии в случае их избрания, поддержанной избирателями на выборах.

Стратегия «умного голосования» направлена на консолидированное голосование избирателей, не поддерживающих одну из политических партий, за одного «рекомендованного кандидата», определение которого не обусловлено политической программой или иными характеристиками, за исключением одной — выдвижением не от правящей партии. При этом стратегия прямо предполагает возможность выбора в качестве «рекомендованных кандидатов» лиц, не только выдвинутых разными политическими партиями, но и предлагающих в своих предвыборных программах несовместимые, противоречащие друг другу политические цели и задачи, методы их реализации и т.п., чем исключается возможность сотрудничества таких кандидатов в случае их избрания в представительном органе на основе общих позитивных политических целей. При таких обстоятельствах исключается реализация принципа осознанного волеизъявления граждан, поскольку отсутствие определенной позитивной программы исключает возможность политической поддержки такой программы и осознания последствий голосования за определенного кандидата.

Формирование избираемого органа при реализации стратегии «умного голосования» направлено, вопреки изложенным выше принципам, не на формирование и выявление на выборах воли большинства избирателей, поддержавших определенную политическую программу и определивших ее реализацию в качестве политической цели деятельности избранного органа, а его формирование на основе отказа от поддержки одной из предложенных

⁴ Обзор избирательного законодательства и практики государств-участников ОБСЕ. БДИПЧ ОБСЕ. Варшава, 15 октября 2013 г. С. 22 // <https://www.osce.org/ru/odihr/elections/107074?download=true>

⁵ Руководство для внутренних наблюдателей за выборами. ОБСЕ/БДИПЧ. Варшава, 2004. С. 85.

предвыборных программ, одного из участников выборов, который становится единственной общей политической целью, негативной по своему содержанию. Таким образом, вместо позитивной программы, призванной объединить избирателей, придерживающихся схожих взглядов, инициаторы стратегии предлагают в качестве объединительной идеи отрицание одной из программ.

Такой подход не позволяет обеспечить эффективную реализацию избранным органом своих полномочий на основе представительства избирателей, поскольку его формирование осуществлено не на основе воли большинства, поддержавшего определенную политическую программу, и не на основе сформированного по соглашению политических партий с целью эффективного достижения взаимосогласованных политических целей избирательного блока или коалиции, что не согласуется с конституционными принципами представительства электората в избранном органе.

Кроме того, в основе стратегии «умного голосования» фактически лежит попытка подмены агитации против кандидата, предусмотренной Федеральным законом в качестве допустимой формы и даже одной из возможных целей предвыборной агитации, агитацией за одного из кандидатов, выступающего оппонентом кандидата, против которого ведется агитация.

Определяя предвыборную агитацию как деятельность, имеющую целью побудить или побуждающую избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них) (п. 4 ст. 2), и определяя виды деятельности, которые признаются предвыборной агитацией, в частности, призывы голосовать за кандидата, кандидатов, списки кандидатов либо против них (п. 2 ст. 48), Федеральный закон разделяет две формы предвыборной агитации: позитивную, направленную на побуждение избирателя голосовать за кандидата, и негативную, направленную на побуждение избирателя голосовать против кандидата. Такое разделение обусловлено принципом осознанного волеизъявления, которому должна способствовать предвыборная агитация, предполагающим выражение позитивного либо негативного отношения субъекта агитационной деятельности к конкретному кандидату и предложенной им программе. При этом, если в рамках одного избирательного округа агитация против одного из кандидатов, основанная на непринятии его предвыборной программы, в принципе может быть объединена с агитацией за другого кандидата, предлагающего иную предвыборную программу, поддерживаемую субъектами такой агитационной деятельности (что достаточно часто происходит при наличии двух кандидатов в одномандатном округе), то использование такого принципа при агитационной деятельности в разных избирательных округах на основе агитации против представителей одной политической силы и одновременно за представителей разных политических сил, не только фактически призывая голосовать без поддержки предлагаемых ими программ, но и декларируя безразличие к политическим программам, не может быть признано согласующимся с изложенными выше принципами. Такой подход

создает условия для введения избирателей в заблуждение относительно фактически поддерживаемых политических целей инициаторов технологии на соответствующих выборах, поскольку в разных избирательных округах такие цели будут разными.

Таким образом, анализ некоторых правовых аспектов стратегии «умное голосование» как агитационной технологии свидетельствует о том, что она не согласуется с конституционным принципом свободных выборов, прежде всего, конституционной целью выборов, заключающейся в формировании органов публичной власти на основе выявленной на выборах воли народа, принципом осознанного волеизъявления избирателей, иными положениями избирательного законодательства о порядке проведения предвыборной агитации, и может поставить под сомнение выявление в результате выборов действительной воли избирателей.

Стратегия «умное голосование» является одним из новых вызовов времени, обусловленным интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий, позволяющих достаточно эффективно и адресно доводить информацию практически до каждого избирателя. Эта современная технология требует всестороннего научного анализа и принятия мер, направленных на обеспечение демократических принципов организации свободных выборов и соблюдение конституционных прав граждан на участие в управлении делами государством и местном самоуправлении.

Список литературы

1. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный) / Под ред. д.ю.н., проф. В.В. Комаровой. М., 2009. 760 с.
2. Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2013. 560 с.
3. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. М.: «Формула права», 2005. 336 с.
4. Реут Д.А. Информирование избирателей как гарантия реализации активного избирательного права граждан в Российской Федерации: монография. М.: Проспект, 2018. 160 с.
5. Кравченко О.А. Конституционное обеспечение достоверности волеизъявления народа при голосовании: монография. М.: Проспект, 2017. 207 с.
6. Нудненко Л.А. Принцип свободных выборов в реализации пассивного избирательного права в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 11. С. 27–31.
7. Выборы в мире: избирательные блоки и коалиции / И.Б. Борисов, А.Г. Головин, А.В. Игнатов; Под общ. ред. И.Б. Борисова. М.: РОИИП, 2015. 316 с.
8. Зражевская Т.Д. Проблема конституционного закрепления принципов избирательной системы Российской Федерации // Право и власть. 2001. № 1. С. 24–35.

ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ МЕР ПО СТИМУЛИРОВАНИЮ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ: ОПЫТ МОСКВЫ

***Аннотация.** Статья посвящена анализу основных избирательных технологий, способных увеличить явку на выборах. Автор рассматривает ряд политических технологий, использованных на выборах различного уровня в Москве, их целевую аудиторию, а также пытается оценить эффективность их применения. На основе полученных данных автор приходит к выводу, что одной политической мобилизации как основного инструмента формирования мотивации у граждан для участия в выборах недостаточно. Сдерживающими факторами до сих пор остаются сложившаяся в нашей стране государственно-патерналистская ментальность у граждан, отсутствие политической конкуренции, экономической стабильности, недоверие к политическим институтам.*

***Ключевые слова:** политические технологии, политическая мобилизация, выборы, электоральное поведение, электорат, участие в выборах, повышение явки, явка избирателей.*

TECHNOLOGIES OF POLITICAL MOBILIZATION IN THE SYSTEM OF STIMULATION MEASURES OF ELECTORAL ACTIVITY: EXPERIENCE OF MOSCOW

***Abstract.** The article focuses on the analysis of the basic electoral technologies that can increase turnout at the polls. The author offers an insightful look at a number of political technologies that were used during elections at various levels in Moscow, describes their target audience and makes an attempt to estimate their efficiency. Based on the data obtained, the author comes to the conclusion that using political mobilization as the main tool for motivating citizens to take part in elections is not enough. The author admits that such factors as state-paternalistic mentality, lack of political competition, economic instability and public mistrust of political institutions still remain the stumbling block.*

***Keywords:** political technologies, electoral technologies, political mobilization, elections, electoral behavior, electorate, participation in elections, increase in turnout, voter turnout.*

К постановке проблемы

В современных политических системах участие граждан на выборах является основным каналом взаимодействия общества с властью и основной конвенциональной формой политического участия, главной функцией которого выступает способность оказывать влияние на процессы, связанные с формированием и осуществлением контроля над органами власти, а также артикуляцией определенных групповых интересов и требований. Вместе с тем оно составляет основу формирования отношений политического представительства, что в свою очередь предопределяет характер развития демократии. В связи с этим весьма актуальной представляется проблематика активности избирателей.

При рассмотрении специфики электорального поведения столичных избирателей необходимо отметить, что в Москве избирательная явка на выборах всех уровней остается одной из самых низких в стране. Целью данной статьи является анализ эффективности использования политических технологий в качестве основного инструмента формирования мотивации у граждан для участия в выборах. Достижение поставленной цели предусматривает рассмотрение основных политических технологий, использованных на выборах различного уровня, а также изучение данных электоральной статистики о выборах и вторичных данных мониторинговых социологических исследований в Москве, которые были проведены ведущими российскими социологическими центрами — Левада-центром и ВЦИОМ, а также данных, отражающих состояние электоральной активности, представленных в периодических изданиях.

Гипотеза исследования заключается в том, что использование одной политической мобилизации в качестве основного механизма стимулирования электоральной активности недостаточно. Необходимым условием увеличения последней и повышения уровня доверия к институту выборов является дальнейшая работа по созданию открытой и конкурентной политической системы, а также по формированию сознательных мотивов участия и гражданской ответственности у избирателей.

К анализу понятия «электоральная активность»

В политологии и политической социологии электоральная активность представляет собой один из основных и самых распространенных типов социально-политического участия. Отечественный исследователь Д.В. Олшанский под социально-политической активностью понимает «деятельность социальных групп или индивидов, связанную с формулированием и выражением собственных потребностей и интересов, со стремлением изменить существующий политический или социально-экономический порядок и соответствующие политические институты» [1, с. 21]. Тем самым, типы и формы такой деятельности весьма многообразны: она включает в себя как

активные формы поведения политических субъектов, которые связаны с исполнением политических ролей, с участием в политическом дискурсе, так и пассивные формы, а также лояльные и протестные варианты политической активности, направленные на поддержание или на разрушение сложившейся системы политических отношений и политической системы в целом. В этом смысле социально-политическая активность не сводится только к участию в голосовании на выборах, однако данный тип, на наш взгляд, остается наиболее распространенным.

В политической науке до сих пор не сложилось общепринятого концептуального подхода к определению *электоральной активности*. В частности, отечественные исследователи О.М. Карпенко и И.А. Ламанов под электоральной активностью подразумевают «деятельность, связанную с участием в избирательном процессе» [2, с. 142]. Однако при таком подходе трактовка понятия «электоральная активность» пересекается с широкой трактовкой электорального поведения, которая «имеет отношение не только к избирателям, но и к тем, кто организует процесс выборов, принимает то или иное участие в них, а также является заказчиком применения тех или иных технологий» [3]. В более узком смысле термин «электоральная активность» часто не разграничивают с другим явлением — с уровнем явки избирателей на выборах. В этом случае специфика электоральной активности проявляется через активность населения, проявляемую в ходе выборов. В частности, исследователи А.В. Бетехтина и Н.В. Олухов полагают, что мерой электоральной активности является «процент пришедших на избирательный участок и проголосовавших результативно» [4, с. 18].

С учетом вышесказанного электоральная активность представляет собой один из основных типов социально-политической активности, которая включает в себя участие избирателей в голосовании на выборах в органы власти. И в методологическом плане данный термин является более узким по своему содержанию, чем понятие «электоральное поведение».

Следует отметить, что важнейшим показателем, отражающим изменения в электоральной активности, является уровень явки избирателей на выборах, которая определяется как «доля зарегистрированных избирателей, проголосовавших на данных выборах» [5, с. 127]. Этот показатель часто связывают с легитимностью избранных органов власти: высокий уровень явки избирателей является положительным фактором и неким доказательством легитимности существующей политической системы; чем больше избирателей проголосовало за избранного кандидата или партию, тем выше их легитимность. Кроме того, явка может отражать уровень поддержки народа избранного кандидата или партии, тем самым создает «кредит доверия» власти для проведения необходимых преобразований в государстве.

Технологии политической мобилизации

За последнее десятилетие в России наблюдается явная тенденция снижения избирательной явки на выборах всех уровней, что является определенной угрозой для эффективного функционирования демократической системы и дальнейшего развития отношений политического представительства и влечет за собой ряд негативных последствий, связанных, в частности, с падением легитимности выборных органов власти, нарастающим недоверием как к политическому курсу власти, так и к самой политической системе. В связи с этим большую значимость приобретает проблема исследования эффективности влияния различных технологий политической мобилизации на формирование электоральной активности и, соответственно, требует системного анализа.

В политической социологии под мобилизацией понимается «постепенное сосредоточение и использование государственным или негосударственным актором политики различных материальных и человеческих ресурсов с целью достижения своей цели» [6, с. 147]. Саму мобилизацию можно рассматривать с двух сторон. С одной стороны, она представляет собой отрицательное явление, которое непосредственно связано с манипуляцией сознания и пропагандой: правящая власть использует административные ресурсы и другие рычаги влияния для обеспечения лояльности и одобрения проводимой политики со стороны больших масс населения. С другой стороны, как отмечал К. Дойч, «в переходных обществах, переживающих процессы демократизации и модернизации, мобилизация играет особую роль: с помощью мобилизации граждане получают доступ к новым политическим ролям, новым формам социализации» [7, с. 494–495]. Мобилизация может рассматриваться как положительное явление с точки зрения исполнения населением роли выборщиков, оценивающих различные политические силы, программы и политические курсы.

Инструментом реализации политической мобилизации выступают политические технологии, под которыми в широком смысле понимают «совокупность способов, методов и процедур воздействия на человеческие массы с целью изменения их политического поведения в достижении определенных целей, а также решения политических и управленческих задач» [8, с. 140]. Они являются неотъемлемой частью избирательного процесса, широко используются в подготовке, организации и проведении предвыборных кампаний, где называются избирательными. В методологическом плане избирательные технологии являются более узким понятием, так как они имеют более ограниченную цель — способствовать проведению эффективной предвыборной кампании и донесению идей до избирателей. Г.В. Пушкарева отмечает, что избирательные технологии — это «совокупность способов воздействия на массы с целью повлиять на электоральное поведение и побудить их отдать свои голоса за определенного кандидата или

объединение» [9, с. 272]. В подобном контексте избирательные технологии рассматривали Е.А. Малкин и Е. Сучков. В их понимании избирательные технологии, это «методы организации избирательной кампании кандидатов и (или) партий, направленные на достижение успеха на выборах» [10, с. 24]. А.Ю. Морозов под избирательными технологиями понимает три различные группы приемов и процедур: «Во-первых, грубое давление на избирателей с использованием административных рычагов, принуждения, прямых угроз, подкупа, фальсификаций. Во-вторых, использование технологий, связанных с прямым воздействием на подсознание избирателей, лишаящих его свободы воли. В-третьих, технологии, опирающиеся на планомерное и целенаправленное формирование в сознании избирателей положительного образа кандидата или негативных образов его конкурентов» [11, с. 30].

Таким образом, политические технологии могут рассматриваться как совокупность различных приемов и методов воздействия на мотивацию людей, побуждающих избирателей действовать в соответствии с интересами политических субъектов, а также направленных на формирование особых моделей поведения, представлений, новых установок и убеждений. В большинстве случаев на выборах избирательные технологии используются с целью стимулирования граждан к участию в голосовании.

Технологические особенности стимулирования электоральной активности

Как уже отмечалось, показатель избирательной явки является важным для легитимации избранной власти. В России минимальный порог явки был отменен в 2006 году и в настоящий момент выборы признаются состоявшимися при любой явке избирателей. Несмотря на то, что уровень явки не может поставить под сомнения результаты голосования, государственные органы широко используют различные политические и избирательные технологии по стимулированию электоральной активности, пытаясь повысить степень легитимации. Этот подход наиболее характерен для выборов различного уровня в Москве, отличающейся низкой избирательной активностью. В этом отношении особый интерес представляет анализ основных избирательных технологий, применяемых на выборах различного уровня в Москве (выборы Президента Российской Федерации 2018 г., выборы Мэра города Москвы 2018 г., выборы в Московскую Городскую Думу 2019 г.), их целевой аудиторией, а также оценка эффективности их использования как основного механизма по стимулированию участия граждан в выборах.

В столице России в ходе избирательных кампаний на выборах различного уровня активно использовались всевозможные технологии по мобилизации и стимулированию явки избирателей. Так, с точки зрения мобилизации участия граждан в выборах самой масштабной кампанией стали выборы Президента в 2018 году, на которых в основу предвыборной стратегии

повышения явки легла кампания по «тотальному информированию» избирателей. Официальные власти запустили проект «пять касаний», главной целью которого стало информирование и взаимодействие с избирателями в пять этапов. Политтехнолог Г. Казанков, работавший на этих выборах, отмечал, что в стратегии президентской кампании «были прописаны — с поправкой на конкретное учреждение/компанию — все пять шагов информирования россиянина о 18 марта 2018 г.: сначала ему скажут нужное слово влиятельные люди в коллективе, потом начальник, потом эсэмэска придет... Все работало в комплексе...»¹. Главным плюсом проекта «пять касаний» стал высокий уровень информированности среди граждан. Так, по данным опроса, проведенного ВЦИОМ за месяц до начала выборов, 93 процента населения знали о предстоящих выборах Президента России². Однако, здесь есть и слабая сторона, — как признавал и Г. Казанков, количество «касаний» в этот раз могло «оказаться чрезмерным», вызывая раздражение у граждан.

Кроме этого, информационная поддержка президентских выборов осуществлялась компаниями и корпорациями, в число которых входили Торгово-промышленная палата России, фармацевтическая компания «Протек», «Почта России», Российский союз промышленников и предпринимателей, Ростуризм, Сбербанк и госкорпорация «Роскосмос»³. Они не только информировали своих сотрудников о предстоящих выборах, но также попытались включить элемент участия в выборах в корпоративную культуру компании. Основной упор этого проекта делался на стимулирование участия в выборах работников и сотрудников предприятий.

Вместе с тем, применение административного ресурса, а именно организация голосования работников предприятий и учащихся учебных учреждений, является основным механизмом политической мобилизации электорального поведения на российских выборах. Так, по сообщениям отдельных СМИ, руководство «Роснефти» намерено было организовать контроль за явкой своих сотрудников, который включал в себя составление списка персонала с указанием избирательных участков, где сотрудники будут голосовать⁴. В то же время необходимо заметить, что политическая ангажированность источника, в котором приводится соответствующая информация, не обеспечивает высокой степени достоверности последней, поэтому подобные сведения вряд ли могут представляться аналитически значимыми.

¹ См.: Филина О. Все за одно // Коммерсантъ. 26.03.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3577994> (дата обращения: 15.03.2020).

² См.: Кряжев А. ВЦИОМ оценил информированность россиян о выборах президента в 93% // РИА Новости. 14.02.2018. URL: <https://ria.ru/20180214/1514609779.html> (дата обращения: 15.03.2020).

³ См.: Кремль запустил проект по привлечению бюджетников и рабочих на выборы // РБК. 15.02.2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/02/2018/5a83305a9a79475fe1120dfa> (дата обращения: 15.03.2020).

⁴ См.: Антонова Е. «Роснефть» решила выяснить места голосования сотрудников на выборах президента // Дождь. 05.03.2018. URL: https://tvrain.ru/news/rosneft_golosovanie-458892/ (дата обращения: 15.03.2020).

Особую роль в повышении явки на выборах Президента сыграли два крупных проекта под названием «Большие семейные игры» и «Фото на выборах»⁵. В рамках проекта «Фото на выборах» избирателям было предложено сделать селфи на избирательном участке, выложить фото в социальные сети и тем самым принять участие в конкурсе. Победителю конкурса был обещан приз — смартфон. Главной целью проекта являлось стимулирование уровня явки среди граждан от 18 до 39 лет. Однако, данный проект имел корыстную мотивацию, — реальным стимулом участия граждан в этом конкурсе была возможность выиграть материальный приз. Организация спортивных соревнований также стали одним из механизмов политической мобилизации граждан. Главной целью проекта «Большие семейные игры», обозначавшегося как «спортивно-интеллектуальные состязания для родителей и их детей (8–14 лет)»⁶, являлось создание «позитивного фона и атмосферы праздника», а также увеличение явки избирателей, так как сами соревнования проходили на территории школ, являвшихся избирательными участками.

На выборах президента России ставилась задача увеличения избирательной явки среди молодежи. Для реализации этой задачи власти Москвы организовали бесплатные концерты для впервые голосующих на выборах президента людей возрастом от 18 до 25 лет. На избирательных участках молодым избирателям выдавались бесплатные билеты на концерты российских звезд в спорткомплексе «Олимпийский». Конечно, данная политическая технология способна вызвать интерес у молодежи, тем самым повысить уровень явки, однако апелляция к корыстным мотивам эффективно выполняют свою задачу в краткосрочной перспективе, но не решает проблемы абсентеизма среди данной социальной группы в долгосрочной перспективе.

Как мы уже упомянули, главной целью предвыборной президентской кампании было увеличение информированности среди всех граждан, а также попытка заменить административный ресурс в тех случаях, где это возможно, делая упор на сотрудничество с компаниями, предприятиями и учебными учреждениями. Также была выделена молодежь как особый объект политической мобилизации, для стимулирования явки которой были разработаны современные проекты, интересные для данной социальной группы. По итогам выборов Президента Российской Федерации в 2018 году в Москве она составила 60,08 процента, по сравнению с предыдущими выборами президента она увеличилась всего на 2 процента. Однако, несмотря на то, что был принят обширный ряд мер по масштабной мобилизации населения с

⁵ См.: Кремль предложил завлекать на выборы с помощью селфи и семейных игр // РБК. 10.01.2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/01/2018/5a54defa9a79478eb66e9eac> (дата обращения: 15.03.2020).

⁶ См.: Большие семейные игры // Проект «Большие семейные игры» [Официальный сайт]. URL: <http://bigfamilygames.ru/> (дата обращения: 15.03.2020).

целью стимулирования участия граждан в выборах, рост явки по сравнению с предыдущими выборами оказался незначительным.

На выборах Мэра г. Москвы в сентябре 2018 года была запущена информационная кампания, схожая с той, которая проводилась перед президентскими выборами. В государственных банках Сбербанк и ВТБ висели информационные плакаты о грядущих выборах. Сообщение о голосовании было размещено в таких сетевых магазинах как «Пятерочка», где выдавали пакеты с информацией о предстоящих выборах, а в «Азбуке вкуса» висели плакаты. В торговой сети «Ашан» использовались довольно креативные предвыборные плакаты, в которых использовались полотна известных художников: «Прогулка» Марка Шагала, «Крик» Эдварда Мунка, «Голконда» Рете Магритта и другие, информирующие сотрудников и покупателей о предстоящих выборах мэра Москвы⁷.

Для увеличения явки на выборах Мосгордума продлила работу избирательных участков до 22:00, а также в соответствии с поправками, внесенными в Избирательный кодекс Москвы, были открыты 209 дополнительных избирательных участков на дачных комплексах за пределами города. Тем самым москвичи, уехавшие на дачу на выходные, получили возможность проголосовать по месту нахождения. Так, явка «дачников» составила 65,5 процента против 30,96 процента по городу в целом, тем самым дачные участки позволили дополнительно привлечь от 42 до 80 тысяч избирателей. За счет переноса закрытия участков приток избирателей в период с 18:00 до закрытия по сравнению с 2013 годом увеличился на 1,58 процента и составил 7,12 процента, однако сложно оценить, какой части избирателей действительно нужны были дополнительные два часа, а какая — просто воспользовалась возможностью отложить посещение участка на более позднее время.

Для увеличения явки среди молодежи также, как и на выборах Президента, москвичам в возрасте от 18 до 30 лет, принявших участие в выборах Мэра, бесплатно выдавались флаеры со слоганом «Зачем молчать, когда есть голос!» на концерт в спорткомплексе «Олимпийский». По данным пресс-службы Московской городской избирательной комиссии, более 30 тыс. москвичей за первые сутки после выборов зарегистрировались на концерты. Это свидетельствует о том, что данная политическая технология по мобилизации молодого электората оказалась вполне успешной; большое количество молодежи было привлечено к участию в выборах, однако она никак не способствовала формированию их сознательного мотива голосования.

Кроме того, День города и выборы Мэра проходили в столице в один день, — было организовано множество праздничных мероприятий: полевая кухня, концерты и фестивали. Фестиваль «Цветочный джем», включающий в себя конкурс ландшафтных дизайнеров, спортивные игры для всей семьи,

⁷ См.: Маркина Т. Шагал, Мунк и Магритт агитируют за мэра Москвы // The Art Newspaper Russia. 31.08.2018. URL: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/6005/> (дата обращения: 15.03.2020).

дегустацию меда и варенья, располагался в шаговой доступности от жилых домов и проходил рядом с избирательными участками. Как утверждали официальные власти, данные мероприятия не были связаны с выборами, они относились к празднованию Дня Города. Однако, проведение подобных мероприятий рядом с избирательными участками могло заинтересовать определенную группу населения и привлечь их на избирательные участки.

Итоговая явка на выборах Мэра в 2018 году составила 30,96 процента, и была незначительно ниже, чем на выборах того же уровня в 2013 году — 32,03 процента. Таким образом, активная информационная агитация и использование таких административных мер, как продление работы участков и организация «дачных» участков, не смогло обеспечить высокий уровень явки в день выборов и вывести данный показатель на уровень 2013 года. Это еще раз подтверждает тот факт, что одних только механизмов по мобилизации недостаточно, — куда более важным фактором интереса к выборам является, например, наличие реальной политической конкуренции.

Выборы в Мосгордуму проходили 8 сентября 2019 года. Для повышения явки избирателей на выборах впервые было введено электронное голосование с использованием блокчейн-технологии. Из-за свойств самой технологии (она децентрализована, то есть в ней нет единого сервера) ее труднее взломать или изменить данные, попадающие в ее систему. Электронное голосование проводилось в трех избирательных округах на добровольной основе при сохранении традиционного способа голосования. У москвичей впервые появилась возможность проголосовать на выборах не выходя из дома, на сайте mos.ru и, несмотря на то, что у некоторых граждан возникли трудности с электронным голосованием (были перебои в системе), итоговая явка на электронном голосовании была довольно высокой и составила 92,3 процента, в то время как явка на выборах в целом составила 21,77 процента.

На основе анализа этих данных нельзя не согласиться с мнением председателя правления Фонда развития гражданского общества К. Костина о том, что при обычном и электронном голосовании «разница в активности избирателей ... является очень серьезным доводом в пользу дальнейшего развития этой электоральной технологии»⁸. Таким образом, использование технологии электронного голосования на выборах Мэра Москвы сделало процесс голосования более удобным для избирателей, что не только обусловило повышение избирательной явки, но и позволило говорить «о новом уровне открытости и подотчетности избирательных процедур для общества и самого избирателя»⁹.

⁸ См.: Эксперт рассказал, как повысить явку на выборах в России // РИА Новости. 10.09.2019. URL: <https://ria.ru/20190910/1558534252.html> (дата обращения: 15.03.2020).

⁹ См.: Электронные выборы в Московскую городскую Думу // Официальный сайт мэра Москвы. [Официальный сайт]. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/blockchain-vybory/> (дата обращения: 15.03.2020).

Еще одним механизмом политической мобилизации электорального поведения на выборах в Мосгордуму в 2019 году стала стратегия «Умного голосования», предложенная командой оппозиционера А. Навального, целью которой было «консолидировать голоса тех, кто выступает против «Единой России»»¹⁰. Команда А. Навального в каждом из округов отобрала кандидатов, у которых было больше всего шансов победить кандидатов от «партии власти», и советовала голосовать именно за них. В свою очередь каждый избиратель мог зайти на сайт «Умного голосования» и посмотреть, за какого кандидата ему следует проголосовать на своем избирательном участке. По итогам выборов в Мосгордуму, за кандидатов «Умного голосования» суммарно отдали больше голосов, чем за кандидатов от партии «Единая Россия» — 20 из 45 мест получили кандидаты от системной оппозиции против 7 в 2014 году. Таким образом, стратегия «Умного голосования» смогла объединить протестный потенциал в столице, что безусловно оказало влияние на итоги выборов.

Перед выборами в Мосгордуму в 2014 году активистами была проведена интересная акция «Не проспи выборы». Организаторы установили кровать в центре Москвы, в Камергерском переулке. Один из активистов изображал спящего, а другой будил его, призывая посетить выборы. Целью данной акции было привлечение внимания граждан к теме выборов. По фотографиям видно, что прохожие заинтересовались таким нестандартным форматом, однако оценить реальное влияние данной акции на электоральное поведение граждан довольно сложно.

Приложение для знакомств «Вместе на выборы» можно назвать еще одним нестандартным методом политической мобилизации электорального поведения граждан, который использовался для повышения явки среди молодежи на выборах губернаторов в 2017 году. Данную технологию интересно проанализировать с точки зрения ее эффективности: если бы приложение хорошо себя зарекомендовало, то данную технологию использовали бы и для повышения явки на других выборах.

С помощью этого приложения пользователи могли найти себе партнера для участия в выборах. При поиске партнера предлагалось ответить на вопрос: «Пойдешь с ней (с ним) на выборы?»; при совпадении ответов — пользователи получали сообщение: «Похоже, мы понравились друг другу. Мы можем вместе пойти на выборы 10 сентября»; также в приложении можно было найти адрес избирательного участка, удобный для обоих пользователей. Однако, как оказалось, многие из них использовали приложение для знакомств «Мамба» и были озадачены, когда узнавали, что собеседник общается с ним через совершенно другое приложение с целью пойти вместе на выборы. Таким образом, для повышения явки среди молодежи был исполь-

¹⁰ См.: Умное голосование // Умное голосование. [Официальный сайт]. URL: <https://votesmart.appspot.com/> (дата обращения: 15.03.2020).

зован очень интересный метод — сайт знакомств, популярное приложение среди данной группы, однако проведенный политический эксперимент, как показала практика, не удался.

К анализу результатов и обобщению итогов исследования

Проанализировав те технологии, которые уже были применены на выборах различного уровня в Москве, можно заметить, что, во-первых, в последнее время организуется все больше проектов, целью которых является повышение интереса граждан к теме выборов и увеличение информированности граждан о предстоящих выборах за счет использования рекламы и сотрудничества с государственными компаниями. Во-вторых, мобилизация избирателей с использованием административного ресурса является основным методом повышения явки на выборах. В-третьих, основные проекты были целиком или частично ориентированы на молодежь и граждан среднего возраста, имеющие семьи. Акцент на данную социальную группу вполне понятен, так как именно среди этих категорий граждан отмечается высокий уровень абсентеизма. В-четвертых, явка избирателей была поднята за счет проведения различных массовых мероприятий. В-пятых, наблюдается незначительное количество проектов, нацеленных на воспитание политической культуры участия и гражданской ответственности.

Однако, существуют определенный комплекс причин, препятствующих желанию граждан участвовать в голосовании. Так, например, сложившаяся в российской политической традиции система отношений между государством и обществом, основанная на покровительстве, опеке и контроле со стороны власти, в свою очередь сказалась на активной гражданской позиции и личной ответственности граждан за происходящее. Согласно результатам опроса, проведенного в 2019 году «Левада-центром», 54 процента россиян испытывают апатию к политическим процессам и нежелание как-либо в них участвовать, около 41 процента россиян испытывают интерес к политическим событиям, но не принимают активного участия в политической жизни, и только 3 процента респондентов заявили, что активно участвуют в политической жизни страны¹¹.

Кроме того, как свидетельствуют результаты другого опроса, 82 процента респондентов считают, что государство должно заботиться о людях, в то время как только 12 процентов полагают, что люди должны проявлять инициативу и сами о себе заботиться¹². Таким образом, наличие социально-политической апатии у россиян, нежелание участвовать в политической жизни общества и ориентация на опеку со стороны государства связаны с

¹¹ См.: Политическое сознание // Левада-центр. 15.07.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/07/15/politicheskoe-soznanie/> (дата обращения 15.03.2020).

¹² См.: Россияне о демократии, правах и свободах // Левада-центр. 10.08.2012. URL: <https://www.levada.ru/2012/08/10/rossiyane-o-demokratii-pravah-i-svobodah/> (дата обращения 15.03.2020).

тем, что гражданам исторически не приходилось принимать важных решений, — данную функцию всегда выполняло государство.

Становление электорального поведения российских избирателей происходило в ходе овладения практикой первых выборов различных уровней. Внедрение в политическую систему института выборов нового типа должно было способствовать формированию у граждан свободного, рационального, ответственного и осознанного типа электорального поведения. Однако этого не произошло по нескольким причинам. Главной причиной стало то, что не имевшие опыта участия в выборах нового типа граждане были подвержены большому количеству манипулятивных избирательных технологий, «черному» PR. Вместе с тем, заявленные предвыборные обещания не были подкреплены конкретными программами действий, в результате к власти пришли те, кто не был нацелен на защиту интересов общества, а был заинтересован лишь в реализации корыстных личных целей и власти. Другой особенностью избирательных кампаний стало большое количество фальсификаций на выборах и нередкие случаи подтасовки их результатов. Все эти негативные последствия изменений привели к тому, что большая часть общества перестала верить в основные принципы демократии. Как отмечает М.К. Горшков, в России существование демократии для многих не стало очевидным, в том числе и потому, «что идеальный образ демократии, сформированный на начальном этапе реформ, разошелся с реальной практикой социальных преобразований и социальными ожиданиями народа» [12, с. 409–410].

Одной из важных причин нежелания граждан участвовать в выборах является отсутствие экономической стабильности у граждан, которое сохраняется и по настоящий момент. По мнению У. Бека, «только те люди, которые имеют жилье, надежную работу и, следовательно, материально обеспеченное будущее, являются или могут стать гражданами, способными усвоить демократические правила поведения и наполнить демократию жизнью» [13, с. 36]. Так, экономическая стабильность, минимальный уровень социального расслоения населения в стране приводит к тому, что удовлетворение базовых потребностей отходит на второй план, и люди начинают более активно участвовать в политической жизни.

Согласно данным Росстата, уровень бедности в России на конец 2019 года составил 12 процентов — 17,6 млн человек, а доходы самых богатых россиян превышают доходы самых бедных более чем в 15 раз¹³. Согласно докладу консалтинговой компании New World Wealth, Россия занимает одно из последних мест в мире по равномерности распределения доходов: 1 процент населения страны владеет примерно 88 процентов благосостояния страны, в

¹³ См.: Статистики оценили разницу доходов самых богатых и бедных россиян // РБК. 05.07.2018. URL: <https://www.rbc.ru/society/05/07/2018/5b3e01259a7947f36e4d75db> (дата обращения 15.03.2020); Росстат отчитался о квартальном уровне бедности в России // РБК. 30.12.2019. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/12/2019/5e09fbdd9a79479ea482c743> (дата обращения 15.03.2020).

то время как более чем на 99 процентов населения страны приходится лишь 12 процентов национального дохода¹⁴. Так, финансовая нестабильность, высокий уровень социального неравенства в российском обществе не только препятствуют развитию культуры участия у граждан, но и способствуют усилению политической отчужденности, недоверия к власти и ценностям демократии.

Также тормозом развития культуры участия в выборах у российских граждан является убежденность об отсутствии реальной конкуренции политических сил. По своей сути политическая система, основанная на политическом плюрализме и конкуренции, способна представлять интересы различных социальных групп и формировать каналы «обратной связи» для граждан. В этом смысле политическая система не может эффективно работать без конкуренции. Именно поэтому отсутствие политической конкуренции повлияло на формирование отношения российских граждан к политическому представительству, а также к институту выборов как к средству влияния на власть. Так, согласно опросу, проведенному в 2019 году «Левада-центром», самый низкий уровень доверия у россиян наблюдается к политическим партиям, Государственной Думе, то есть к представительным органам власти.

Вместе с тем уровень общественного доверия к выборам как к средству волеизъявления населения и инструменту легитимации власти в значительной мере снижается¹⁵. Среди главных причин нежелания участвовать в выборах Государственной Думы VII созыва респонденты выделяли следующие: «Не верю никому из нынешних политиков, не хочу голосовать не за кого из них» — 30 процентов, «От моего участия и голосования ничего не будет зависеть» — 30 процентов, «Все равно победит “Единая Россия”» — 14 процентов¹⁶. Таким образом, у значительной части россиян потеряна уверенность в то, что выборы могут изменить власть, и, соответственно, изменить их жизнь к лучшему, а сами выборы считаются нечестными и некой формальной процедурой. Все это приводит к общему снижению уровня общественного доверия к выборам как к средству волеизъявления населения и инструменту легитимации власти, то есть снижению интереса россиян не только к выборам, но и к их результатам.

Мерой преодоления указанных выше проблем, на наш взгляд, должна стать работа по созданию открытой и конкурентной политической системы. Политическая конкуренция по своей сути обуславливает эффективное функционирование всей политической системы, а также составляет основу формирования отношений политического представительства, что, в свою

¹⁴ См.: Россия возглавила список стран с неравномерным распределением благосостояния // Коммерсантъ. 01.09.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3078243> (дата обращения 15.03.2020).

¹⁵ См.: Институциональное доверие // Левада-центр. 24.10.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/10/24/institutsionalnoe-doverie-5/> (дата обращения 15.03.2020).

¹⁶ См.: Мотивация участвовать в выборах // Левада-центр. 12.07.2016. URL: <https://www.levada.ru/2016/07/12/motivatsiya-uchastvovat-v-vyborah/> (дата обращения 15.03.2020).

очередь, обуславливает характер развития демократии. Поэтому наличие политического плюрализма и сменяемости политической власти становится важнейшим фактором в формировании мотивации у граждан принимать участие в голосовании и повышении уровня общественного доверия к выборам. Вместе с тем сама политическая система должна быть заинтересована в развитии культуры участия у граждан. Органам власти в большей степени необходимо сфокусироваться на создании различных образовательных программ и проектов, целью которых является формирование у граждан определенных знаний о существующей избирательной системе и развитии гражданской ответственности. Другой важной мерой в повышении интереса граждан к выборам могут стать инициативы вовлечения граждан, различных сообществ в процесс принятия политических решений. Однако важно помнить, что культура участия не может быть выработана за один электоральный цикл, а является «итогом длительного и многофакторного процесса» [14, с. 37].

* * *

Несомненно, механизмы политической мобилизации являются неотъемлемым фактором повышения интереса граждан к выборам, однако они не способны полностью решить проблему низкой избирательной явки. Используемые политические технологии политической мобилизации, направленные на повышение избирательной явки, в большей степени апеллируют к корыстным мотивам избирателей и в меньшей степени направлены на формирование сознательных мотивов голосования, на развитие политической культуры участия и гражданской ответственности. Такие механизмы выполняют свою задачу в краткосрочном периоде, и не решают проблему абсентеизма среди граждан в долгосрочной перспективе. Как показал анализ политических технологий, использованных на выборах различного уровня в г. Москве, одной политической мобилизации как основного инструмента формирования мотивации у граждан для участия в электоральном процессе недостаточно. Сдерживающими факторами до сих пор остаются подданные традиции политической культуры, отсутствие политической конкуренции и недоверие к политическим институтам, в частности, негативный имидж института выборов в сознании граждан.

Список литературы

1. Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. М.: Академический проект, 2002. 573 с.
2. Карпенко О.М., Ламанов И.А. Молодежь в современном политическом процессе в России. М.: Изд-во Современного гуманитарного университета, 2006. 560 с.

3. Римский В.Л. Клиентелизм как фактор электорального поведения российских граждан // Решение есть всегда. Сборник трудов Фонда ИНДЕМ, посвященный десятилетней годовщине его деятельности / Ред.-сост.: Г. Сатаров, Д. Шмерлинг, Т. Кузнецова. М.: Фонд ИНДЕМ, 2001. С. 251–259.
4. Бетехтина А.В., Олухов Н.В. Электоральное поведение молодежи: почему молодежь не ходит на выборы? // Вопросы управления. 2012. № 3. С. 12–20.
5. Разинская А.И. Электоральный процесс в России: его особенности и возможности влияния на развитие демократии в стране // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 4. С. 122–133.
6. Кремень Т.В. Политическая мобилизация: объекты и субъекты // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5. С. 146–149.
7. Deutsch K.W. Social Mobilization and Political Development // The American Political Science Review. Vol. 55. No. 3. 1961. P. 493–514.
8. Демидченко В.В. Понятие политических технологий: сущность, формы и виды // Власть. 2015. № 12. С. 140–142.
9. Пушкарева Г.В. Избирательная кампания: как это делается // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 2. С. 267–285.
10. Малкин Е., Сучков Е. Основы избирательных технологий и партийного строительства. М.: Русская панорама, 2003. 480 с.
11. Морозов А.Ю. Избирательные технологии на Западе и в современной России // Преподавание истории в школе. 2000. № 10. С. 30–37.
12. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформаций: мифы и реальность (Социологический анализ). 1992–2002. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. 512 с.
13. Карпова Н. В. Социология политической культуры современной России. М.: ООО НИЦ «Инженер», 2012. 168 с.
14. Карпова Н. В. Электоральная культура как индикатор отношений политического представительства // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 2 (16). С. 24–39.

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОКРУГА В СВЕТЕ ОПТИМИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются изменения в федеральном законодательстве о местном самоуправлении, внесенные в мае 2019 года. Федеральным законом от 1 мая 2019 г. № 87-ФЗ введен новый вид муниципального образования — муниципальный округ. Анализ указанных изменений позволяет говорить, что субъекты Российской Федерации могут использовать одноуровневую модель местного самоуправления на той части территории субъекта, где применение двухуровневой модели является неэффективным. Однако в положениях Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ не закрепляются критерии, ограничивающие свободу усмотрения субъектов Федерации в возможности разграничения их территорий исключительно между городскими и муниципальными округами, что может привести к отказу от поселенческого уровня местного самоуправления.*

***Ключевые слова:** местное самоуправление, муниципальный округ, городской округ, одноуровневая модель, поселенческий уровень.*

MUNICIPAL DISTRICTS IN THE LIGHT OF OPTIMIZATION OF THE TERRITORIAL ORGANIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA

***Abstract.** The paper examines changes in the Federal legislation on the local self-government, which were introduced in may, 2019. Federal legislation of 1 may, 2019 № 87-FZ introduced a new type of municipal settlement — municipal district. Analysis of the specified changes makes it possible to state that subjects of the Russian Federation could use singular level model of the local self-government at the parts of the subject of the Russian Federation where the usage of a two-tier model is ineffective. However, the Federal legislation of the 6 october, 2003 does not establish the criteria, which limits the discretion of the subjects of the Russian Federation for the division of its territory exclusively between urban and municipal districts. It might lead to the rejection from the settlement level of the local self-government.*

***Keywords:** local self-government, municipal district, urban district, singular level model, settlement level.*

Изменения, внесенные в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ (далее — Федеральный закон № 131-ФЗ) в сфере территориальной организации местного самоуправления за последние пять лет направлены на изменение и совершенствование правового статуса городских округов и корректировку форм участия населения муниципального образования в производстве муниципально-территориальных изменений.

Рассмотрение практики производства муниципально-территориальных изменений в России в последние годы позволяет выявить тенденцию, связанную с укрупнением муниципальных образований². В научной литературе подчеркивается, что укрупнение муниципальных образований производится без должного научного исследования предпосылок и последствий производства подобных муниципально-территориальных изменений [1, с. 20].

Федеральным законом от 1 мая 2019 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»³ (далее — Федеральный закон № 87-ФЗ) введен новый вид муниципального образования — муниципальный округ. В положениях Федерального закона № 131-ФЗ муниципальный округ определяются как несколько объединенных общей территорией населенных пунктов (за исключением случая, предусмотренного Федеральным законом № 131-ФЗ, а именно п. 3.4 ч. 1 ст. 11 Федерального закона № 131-З, предусматривающим, что в соответствии с законом субъекта Российской Федерации данное требование может не применяться на территориях с низкой плотностью сельского населения, а также в отдаленных и труднодоступных местностях), не являющихся муниципальными образованиями, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления, которые могут осуществлять отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

Муниципальный округ не входит в состав муниципального района (п. 14 ч. 1 ст. 11 Федерального закона № 131-ФЗ). Перечень вопросов местного

¹ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 8 октября.

² См.: 1) Информационно-аналитические материалы о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2016 г. — начало 2017 г.) // Министерство юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/press/news/monitoring-razvitiya-sistemy-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 20.09.2019). 2) Информационно-аналитические материалы о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2018 г. — начало 2019 г.) // Министерство юстиции РФ. URL: <https://minjust.ru/razvitie-federativnyh-otnosheniy-i-mestnogo-samoupravleniya/doklad-o-sostoyanii-i-osnovnyh> (дата обращения: 20.11.2019).

³ Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 8 мая.

значения муниципального округа совпадает с кругом вопросов местного значения городского округа.

Анализ положений законодательства позволяет говорить, что категория «муниципальный округ» используется в муниципальном законодательстве для обозначения нескольких публично-территориальных образований. В положениях Федерального закона № 131-ФЗ муниципальный округ — это один из видов муниципальных образований. В законодательстве городов федерального значения муниципальный округ рассматривается в качестве разновидности внутригородского муниципального образования города федерального значения⁴. Таким образом, в законодательстве о местном самоуправлении категория «муниципальный округ» используется в нескольких значениях.

Федеральным законом № 87-ФЗ скорректировано определение понятия «городской округ», закрепленное в апреле 2017 года⁵, и установлены дополнительные требования к границам и составу его территории:

Во-первых, к доле населения проживающего в городах и (или) городских населенных пунктах, входящих в состав городского округа, оно должно составлять не менее двух третей населения городского округа.

Во-вторых, установлены требования к площади городского округа. Закон допускает вхождение в состав территории городского округа кроме города и (или) городских населенных пунктов также территории сельских населенных пунктов и территорий, предназначенных для развития его инфраструктуры, размер которых не может превышать в два и более раза площадь территорий городов и (или) городских населенных пунктов, входящих в его состав.

В-третьих, закреплено требование к плотности населения, проживающего на территории городского округа, которая должна в пять и более раз превышать среднюю плотность населения в России.

Федеральным законом № 87-ФЗ устанавливается, что городские округа, которые не соответствуют вышеуказанным требованиям, должны быть наделены статусом муниципального округа. Законом установлен переходный период до 1 января 2025 года.

Следовательно, Федеральным законом № 87-ФЗ устранены недостатки введенного определения понятия «городской округ» в апреле 2017 года в части уточнения требований к границам и составу его территории и закреплены ограничения для включения в его состав сельских населенных пунктов.

⁴ См.: 1) ст. 3 Закона г. Севастополь от 3 июня 2014 г. № 17-ЗС «Об установлении границ и статусе муниципальных образований в городе Севастополе» // Севастопольские известия. 2014. 4 июня. 2) ч. 2 ст. 2, ст. 7 Закона Санкт-Петербурга от 25 июля 2005 г. № 411-68 «О территориальном устройстве Санкт-Петербурга» // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. 2005. № 8. 3) ч. 2 ст. 1 Закона г. Москвы от 6 ноября 2002 г. № 56 «Об организации местного самоуправления в городе Москве» // Ведомости Московской городской Думы. 2002. № 12. Ст. 276.

⁵ Федеральный закон от 3 апреля 2017 г. № 62-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 15 (Часть I). Ст. 2137.

Частью 10 статьи 13 Федерального закона № 131-ФЗ предусматривается, что городские округа, которые не соответствуют требованиям к границам и составу его территории, должны быть наделены законом субъекта Российской Федерации статусом муниципального округа. Поэтому созданные «квазигородские округа» на базе муниципальных районов в некоторых субъектах Российской Федерации (в Московской, Сахалинской, Магаданской, Калининградской областях и других регионах⁶) должны быть наделены статусом муниципального округа.

Однако даже с учетом внесенных изменений, определение понятия «городской округ» вступает во внутрисистемные противоречия с некоторыми положениями Федерального закона № 131-ФЗ. В положениях части 2 статьи 11 Федерального закона № 131-ФЗ прямо закрепляется, что статусом городского округа может быть наделено городское поселение при соблюдении ряда критериев. В определении понятия «городской округ» городское поселение не упоминается и, исходя из дефиниции, статусом наделяется один или несколько населенных пунктов, объединенных общей территорией, которые не обладают статусом муниципального образования.

Анализ новелл федерального законодательства о местном самоуправлении позволяет говорить, что с учетом внесенных изменений можно прогнозировать формирование в субъектах Российской Федерации различных моделей территориальной организации местного самоуправления. Представляется, что могут быть сформированы три модели.

Первая модель: территория субъектов Российской Федерации состоит из городских округов и муниципальных районов (объединяют несколько поселений или поселений и межселенных территорий, объединенных общей территорией).

Вторая модель: территория субъектов Российской Федерации состоит из городских, муниципальных округов и муниципальных районов (объединяют несколько поселений или поселений и межселенных территорий, объединенных общей территорией).

Третья модель: территория субъекта Российской Федерации разграничивается между городскими и муниципальными округами. Такая модель в частности, может быть сформирована в субъектах, в которых на сегодняшний день территория региона распределена между городскими округами (Магаданская, Сахалинская, Калининградская, Московская области).

В течение 2019 года в Красноярском, Пермском, Приморском краях, Тверской, Кировской, Кемеровской областях были приняты законы об образовании муниципальных округов. Например, в Пермском крае было

⁶ Информационно-аналитические материалы о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2018 г. — начало 2019 г.) // Министерство юстиции РФ. URL: <https://minjust.ru/razvitie-federativnyh-otnosheniy-i-mestnogoupravleniya/doklad-o-sostoyanii-i-osnovnyh> (дата обращения: 20.11.2019).

создано 12 муниципальных округов⁷. В декабре 2019 года в Красноярском крае было принято два закона, предусматривающие создание муниципальных округов на базе Пировского и Шарыповского районов⁸.

Исходя из внесенных изменений можно сказать, что в системе территориальной организации местного самоуправления появляются элементы вариативности. Субъекты Российской Федерации могут использовать одноуровневую модель местного самоуправления на той части своей территории, где применение двухуровневой модели является не эффективным; где это допустимо, например, в малонаселенных, отдаленных и труднодоступных местностях, Федеральный закон № 131-ФЗ закрепляет несколько способов создания муниципальных округов: во-первых, посредством объединения всех поселений, входящих в состав муниципального района, и наделения вновь образованного муниципального образования статусом муниципального округа (ч. 3.1-1 статьи 13 Федерального закона № 131-ФЗ). По своей сути указанная процедура создания муниципального округа, представляет собой один из вариантов преобразования муниципальных районов в городские округа, которые сложились ранее в практике субъектов [2, с. 41–42]. Например, в сентябре 2019 года в Приморском крае таким способом был создан Чугуевский муниципальный округ⁹; во-вторых, изменение статуса городского округа в связи с наделением его статусом муниципального округа (ч. 7.3 ст. 13 Федерального закона № 131-ФЗ). В декабре 2019 года в Кировской области городские округа Богородский и Санчурский были наделены статусом муниципального округа¹⁰.

В положениях Федерального закона № 131-ФЗ не закрепляются критерии ограничивающие свободу усмотрения субъектов Российской Федерации в возможности разграничения их территорий исключительно между городскими и муниципальными округами, что приведет к отказу от поселенческого уровня местного самоуправления. Поэтому возможен полный переход от двухуровневой к одноуровневой модели организации местного самоуправления.

⁷ Информационный бюллетень местного самоуправления. 2019. 24 декабря. № 19 (480).

⁸ См.: 1) Закон Красноярского края от 19 декабря 2019 г. N 8-3522 «Об объединении всех поселений, входящих в состав Шарыповского района Красноярского края, и наделении вновь образованного муниципального образования статусом муниципального округа» // Наш Красноярский край. 2019. 27 декабря. 2) Закон Красноярского края от 5 декабря 2019 г. N 8-3431 «Об объединении всех поселений, входящих в состав Пировского района Красноярского края, и наделении вновь образованного муниципального образования статусом муниципального округа» // Наш Красноярский край. 2019. 25 декабря.

⁹ Закон Приморского края от 16 сентября 2019 г. № 570-КЗ «О Чугуевском муниципальном округе» // Ведомости Законодательного Собрания Приморского края. 2019. 16 сентября.

¹⁰ См.: 1) Закон Кировской области от 20 декабря 2019 г. № 330-ЗО «О наделении Санчурского городского округа Кировской области статусом муниципального округа» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата публикации: 24.12.2019). 2) Закон Кировской области от 20 декабря 2019 г. № 329-ЗО «О наделении Богородского городского округа Кировской области статусом муниципального округа» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата публикации: 24.12.2019).

Однако поселенческий уровень территориальной организации местного самоуправления в соответствии с частью 1 статьи 131 Конституции Российской Федерации является первичным, на что обращается внимание в науке муниципального права [3, с. 118; 4, с. 47–48]. По словам И.В. Бабичева, «обустройство местного самоуправления на поселенческом уровне — один из основополагающих конституционных принципов устройства местного самоуправления... Законодательное институтирование поселенческого уровня как обязательного уровня местного самоуправления — концептуальное и выдающееся достижение муниципальной реформы 2003 года» [4, с. 47–48].

В практике конституционного правосудия отмечается особая роль поселенческого уровня местного самоуправления. В своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал правовую позицию, согласно которой «на первичном (базовом) уровне местное самоуправление осуществляется в поселениях, создаваемых с учетом естественного расселения людей и поэтому являющихся наиболее близкими к населению публично-территориальными единицами, главная задача которых — удовлетворение его основных жизненных потребностей, т.е. непосредственное решение вопросов местного значения»¹¹.

Доступность местного самоуправления для жителей упраздненных поселений, ранее входивших в состав муниципального района, на территории которого создан муниципальный округ, может быть обеспечена за счет создания территориальных органов местной администрации. Частью 4 статьи 2 Федерального закона № 87-ФЗ допускается возможность образования территориального органа местной администрации муниципального округа, на который возлагается осуществление на соответствующих территориях части функций местной администрации при образовании муниципального округа путем объединения всех поселений, входящих в состав муниципального района, и наделения вновь образованного муниципального образования статусом муниципального округа.

Для жителей вновь образованных муниципальных округов сокращается возможность участия в муниципальных выборах в органы местного самоуправления. Если ранее население поселений участвовало в выборах глав поселений и представительных органов, то после создания муниципального округа жители участвуют в муниципальных выборах представительного

¹¹ См.: 1) Постановление Конституционного Суда РФ от 18 мая 2011 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 части 4 и части 5 статьи 35 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н.М. Савостьянова» // Российская газета. 2011. 3 июня. 2) Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. 2015. 14 декабря.

органа муниципального округа. Исследование регионального законодательства позволяет утверждать, что субъекты Российской Федерации отдают предпочтение избранию глав муниципальных округов не на муниципальных выборах, а закрепляют модель избрания главы муниципального округа представительным органом муниципального округа из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса. Например, в Кировской области главы четырех муниципальных округов, созданных на базе муниципальных районов, избираются именно таким способом¹². В Приморском крае используется указанная модель при формировании глав муниципальных округов¹³. В Пермском крае главы муниципальных округов избираются представительным органом из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, при условии, что муниципальный округ соответствует одному из двух критериев, закрепленных в законе¹⁴.

В данном случае следует согласиться с утверждением Е.С. Шугриной, что на территории образованного муниципального округа возрастает потребность в институтах территориального общественного самоуправления и сельских старост, которые пришли на замену муниципальным выборам [5, с. 37]. По ее мнению, «в этом смысле институты гражданского общества восполняют временный вакуум, связанный с отсутствием институтов власти на конкретной территории» [5, с. 38].

Следовательно, можно говорить об изменении концептуальных положений Федерального закона № 131-ФЗ в сфере территориальной организации местного самоуправления, в части возможного перехода в отдельных субъектах Российской Федерации от двухуровневой к одноуровневой модели организации местного самоуправления.

Федеральный закон № 87-ФЗ дополнил положения Федерального закона № 131-ФЗ новыми видами муниципально-территориальных изменений. Закон закрепляет опосредованные формы участия населения муниципального образования в производстве данных муниципально-территориальных изменений. Согласие/мнение населения муниципального образования выражается исключительно представительными органами муниципальных

¹² Закон Кировской области от 20 декабря 2019 г. № 331-ЗО «О преобразовании некоторых муниципальных образований Кировской области и наделении вновь образованных муниципальных образований статусом муниципального округа» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата публикации: 24.12.2019).

¹³ Закон Приморского края от 18.11.2014 № 495-КЗ «О сроке полномочий представительных органов и глав муниципальных образований Приморского края, порядке формирования представительных органов муниципальных районов и порядке избрания глав муниципальных образований Приморского края» // Приморская газета. 2014. 21 ноября.

¹⁴ Закон Пермского края от 26.11.2014 № 401-ПК «О порядке формирования представительных органов муниципальных образований Пермского края и порядке избрания глав муниципальных образований Пермского края» // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. 2014. № 47. 1 декабря.

образований. Участие населения муниципального образования в производстве подобных муниципально-территориальных изменений, в случае преобразования муниципальных образований ограничивается только обязательным проведением публичных слушаний в соответствии с пунктом 4 части 3 статьи 28 Федерального закона № 131-ФЗ.

Стоит отметить, что подобное правовое регулирование учитывает тенденцию в федеральном законодательстве о местном самоуправлении, направленную на замену формы получения согласия населения муниципального образования при производстве муниципально-территориальных изменений с использованием институтов непосредственной демократии на выражение согласия населения представительными органами муниципальных образований [5, с. 37; 6, с. 49].

Например, в части 3.1-1 статьи 13 Федерального закона № 131-ФЗ предусмотрено, что в случае объединения всех поселений, входящих в состав муниципального района, влекущее надделение вновь образованного муниципального образования статусом муниципального округа согласие населения преобразуемых муниципальных образований выражается представительными органами муниципальных образований.

Подобное правовое регулирование форм участия населения муниципального образования в производстве муниципально-территориальных изменений не учитывает правовую позицию Конституционного Суда, высказанную в определении от 6 марта 2008 года № 214-О-П, согласно которой выражение мнения населения муниципального образования по вопросам муниципально-территориальных изменений представительным органом муниципального образования допустимо только при производстве муниципально-территориальных изменений, которые напрямую не затрагивают интересы большинства населения муниципального образования¹⁵.

Таким образом, введение Федеральным законом № 87-ФЗ нового вида муниципального образования — муниципального округа говорит о том, что в системе территориальной организации местного самоуправления появляются элементы вариативности. Субъекты Российской Федерации могут использовать одноуровневую модель местного самоуправления на той части своих территорий, где применение двухуровневой модели является нецелесообразным. Поэтому в субъектах могут быть сформированы различные модели территориальной организации местного самоуправления. Существенным недостатком указанных новелл является отсутствие в положениях Федерального закона № 131-ФЗ критериев, ограничивающих свободу усмотрения субъектов Российской Федерации в возможности разграничения их территорий исключительно между городскими и муниципальными.

¹⁵ Определение Конституционного Суда от 6 марта 2008 г. № 214-О-П «По жалобе гражданина Севашева Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 12 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 5.

ципальными округами, что приведет к отказу от поселенческого уровня местного самоуправления.

Список литературы

1. Маркварт Э., Соснин Д. Территориальные реформы местного самоуправления: оценка предпосылок и эффектов // Местное право. 2018. № 4. С. 19–34.
2. Худолей Д.М., Худолей К.М. Муниципальный район или городской округ? // Российский юридический журнал. 2015. № 5. С. 37–47.
3. Васильев В.И. Еще раз о территориальных уровнях местного самоуправления // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 110–118.
4. Бабичев И.В. О некоторых актуальных тенденциях и задачах развития местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 3. С. 46–54.
5. Нарутто С.В., Шугрина Е.С. Муниципальная демократия: от теории к практике: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 272 с.
6. Бялкина Т.М. Представительные органы в структуре органов местного самоуправления: правовые основы и практические проблемы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 4 (35). С. 43–54.

М.Е. РОДИОНОВА

ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ГОСУДАРСТВАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РОССИИ

***Аннотация.** В статье исследуется гендерное измерение политического представительства в государствах Европейского союза и России с точки зрения сравнительного подхода. В работе использованы статистические данные, характеризующие доли женщин-парламентариев, спикеров, министров; продемонстрирована динамика изменений политического представительства женщин в странах Европы (в том числе женщин-депутатов) за последние 25 лет. Отдельное внимание уделено сравнительному анализу политического представительства женщин в Европе и России. Отмечен сохраняющийся тренд высокого гендерного разрыва и наличия стереотипов по отношению к женщинам, препятствующий доступу в получении высоких должностей в политической сфере. Изменение вектора гендерной культуры можно рассматривать как особый механизм построения новой системы политического образа и национального самосознания России.*

***Ключевые слова:** гендерное измерение, политическое представительство, индекс гендерного равноправия, представительство в парламентах и министерствах, гендерные асимметрия и равенство.*

GENDER MEASUREMENT OF POLITICAL REPRESENTATION IN THE EUROPEAN UNION AND IN RUSSIA

***Abstract.** The article examines the gender dimension of political representation in the states of the European Union and in Russia in terms of a comparative approach. The article uses statistical data characterizing the representation of women parliamentarians, speakers, and ministers; the dynamics of changes in the political representation of women in Europe (including women deputies) over the past 25 years is demonstrated. Special attention is paid to a comparative analysis of the political representation of women in Europe and in Russia. The continuing trend of a high gender gap and the presence of stereotypes in relation to women, which impedes access to gaining high positions in the political sphere, is noted. Changing the vector of gender culture can be considered as a special mechanism for building a new system of political image and national identity of Russia.*

РОДИОНОВА Марина Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, директор по PR и GR Celebrium-Labs, г. Москва

***Сведения о поддержке.** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00519.*

Keywords: *gender dimension, political representation, gender equality index, representation in parliaments and ministries, gender asymmetry and equality.*

В настоящий момент в мире формируется новый гендерный порядок. Разработкой одной из его концепций активно занимается российский социолог, автор концепции гендерной социологии как частной социологической теории, профессор Г.Г. Силласте, в работах которой дается определение и анализ этого общественного феномена, излагаются особенности его развития в России. По ее мнению, современный гендерный порядок представляет собой новый порядок жизни и деятельности (в том числе в сфере политики), социального и межличностного взаимодействия мужчин и женщин как системообразующих социально-демографических общностей на основе принципа гендерного равноправия. В то же время этот порядок подразумевает пересмотр ряда прошлых норм: юридических и нравственных, социальных и моральных, связанных с социально-правовыми регуляторами гендерного взаимодействия в обществе и в мир-системе в целом. Поэтому изменение традиционного (по меркам прошлого столетия) социального положения женщин как гендерной общности повлекло за собой цепочку социальных и политических коррекций и вновь поставило в фокус внимания идеологию равенства и равноправия [1].

Феминистская теория политики проблематизирует гендерные отношения через противопоставление интересов женщин и мужчин в обществе. Теоретики феминизма (Дж. Батлер [2, 3], В. Брайсон [4], А. Дворкин [5] и др.) вводят понятие личного как политического, что дает возможность поставить вопрос о противопоставлении и конфликтном характере взаимодействия публичной и приватной сфер в современном обществе, сформулировать ключевую для анализа потенциала общественно-политической и социально-экономической активности женщин проблему — совмещение профессиональных и семейных ролей [6].

Борьба женщин за свои права продолжалась в течение многих столетий. До конца XVIII — начала XIX века она мало в чем оборачивалась успехом, — женщины не только не были услышаны, многие из них понесли наказание — были казнены или арестованы. Первые шаги к официальному закреплению политических прав и обязанностей женщин были сделаны во времена Великой Французской революции. Тогда были приняты три важных документа: «Декларация прав женщин и гражданки», «В защиту прав женщин» и «Декларация чувств», которые содержали в себе определенный комплекс требований по изменению существующего законодательства, лишавшего женщин по всему миру политических прав. Многие страны последовали примеру Франции и стали подходить к вопросу закрепления нормативно-правовой базы в отношении женщин более либерально. Дискриминационное отношение к женщинам, к их роли в семье, сфере образования и труда

постепенно начало сходить на нет, но в политическом пространстве вплоть до середины XX столетия отношение к женщине оставалось несерьезным.

* * *

Для изучения политической активности женщин в странах Евросоюза и России нами использованы сравнительный, статистический и социологический методы. В рамках исследования проанализированы соответствующие официальные документы, регулирующие гендерную политику, в том числе «Пекинская декларация», «Билль о правах женщин», «Декларация развития тысячелетия», «Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации женщин», Распоряжение Правительства Российской Федерации № 410-р от 8 марта 2017 года «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2020 годы».

Практическая часть работы основана на статистическом и сравнительном методах. В качестве основного материала использованы данные о числе женщин-парламентариев, спикеров, министров по всему миру из документарной базы Межпарламентского союза, социологическое исследование Трансперенси Интернешнл–Россия, также сведения о квотах для женщин, занимающихся политикой.

Проведено также социологическое исследование с использованием передовых нейротехнологий компании «Celebrium-X» об отношении к женщинам на руководящих постах в политической деятельности, гендерной политике и политической активности женщин в целом в странах Европы и России (исследование проведено преимущественно среди молодежи). Цель работы заключалась в анализе восприятия истинного отношения к политической активности женщин с точки зрения подсознательного текстового восприятия для разных групп респондентов. Методика изучения проблематики заключалась в удаленном сборе сведений с помощью мобильного устройства, учитывая при этом когнитивные и эмоциональные компоненты оценки информации.

Исследование включало в себя 23 вопроса с распределением выборки на 4 категории: пол, возраст, образование и тип занятости. Для получения наиболее достоверных данных в методику анализа была включена оценка ответов респондентов по шкале уровня уверенности при принятии решений, благодаря которой нам удалось получить информацию о том, где респондент при ответе на вопрос знает, что хочет и уверен в своем выборе, а где сомневается или пытается скрыть правду.

Наблюдается гендерный перекося в самом интересе к тематике: мужчины любого возраста ею не интересуются (показатели у некоторых групп ниже 40), тогда как внимание женщин к данной проблематике проявляется очевидным образом. Явный интерес к гендерным вопросам прослеживается у женщин 18–25 лет. При этом практически все опрошенные лица соглашаются, что

сама тема политической активности женщин на высших должностях актуальна в современном мире.

Респонденты не до конца уверены, что женщины достигают высоких должностей в политических институтах, хотя уверенность женщин возрастной категории 35–45 лет по данному пункту достигает 85 (достаточно высокий уровень). Женщины всех возрастов и мужчины 18–25 лет считают, что гендерное неравенство в политической сфере существует, остальные мужчины с этим не согласны. В том, что женщины более эффективны в качестве руководителей, не уверены ни женщины, ни мужчины. Но женщины хотят видеть увеличение процента женщин в высших государственных органах, мужчины — однозначно нет. Женщины убеждены, что России и государствам Европы необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу по регулированию роли женщины в политике, мужчины — нет.

Респонденты полагают, что гендерная политика Европейского союза и Российской Федерации в настоящее время неэффективна. Но только женщины 18–25 лет считают, что в нашей стране необходимо ввести гендерные квоты для женщин, они же хотят видеть женщину на посту премьер-министра России или на других ведущих должностях в политике; для остальных категорий респондентов данный вопрос не представляет особого значения.

Практически для всех опрошенных граждан (кроме группы старших возрастов старше 45-и лет) приемлема ситуация, когда женщина возглавляет ведущие политические партии, является руководителем фракций, комитета Государственной Думы или занимает пост председателя Правительства Российской Федерации.

В рамках исследования было выявлено, что все группы респондентов одинаково согласны с утверждением «Женщины могут эффективно трудиться в политике», однако при этом утверждение «Женщина в политике более эффективна, чем мужчина» не вызывает такого единодушия (выделяется лишь группа женщин 18–25 лет). И для женщин, и для мужчин ситуация, когда женщина занимает пост президента Российской Федерации, министра обороны, внутренних дел или генерального прокурора, неприемлема, только женщины 18–25 лет придерживаются своей общей по всем вопросам убежденности в отношении гендерного равноправия. Женщины и мужчины уверены, что доля женщин на руководящих политических должностях Российской Федерации и Европейского Союза в ближайшие 5 лет будет увеличиваться, обратная ситуация наблюдается только в группах женщин 18–25 и мужчин 35–45 лет.

Среди женщин 18–25 лет студенты, в отличие от работающих женщин этой же возрастной среды, имеют максимальные оценки (высокая оценка уверенности респондентов в ответе составляет 93).

Представители розничной торговли наиболее заинтересованы и лояльны к теме политической активности женщин. И только данная группа уверена, что женщина в политике более эффективна, чем мужчина. Безработные

мужчины в возрасте 25–45 считают, что доля женщин на руководящих должностях в политике в ближайшие 5 лет будет увеличиваться.

По мнению представителей образовательной деятельности/НИИ, женщина в политике менее эффективна, чем мужчина, и гендерные квоты не стоит увеличивать. Для них ситуация, когда женщина возглавляет ведущие политические партии, является руководителем фракции, комитета Государственной Думы, или занимает пост председателя Правительства Российской Федерации, не приемлема.

Распределение выборки по полу и возрасту (в %)

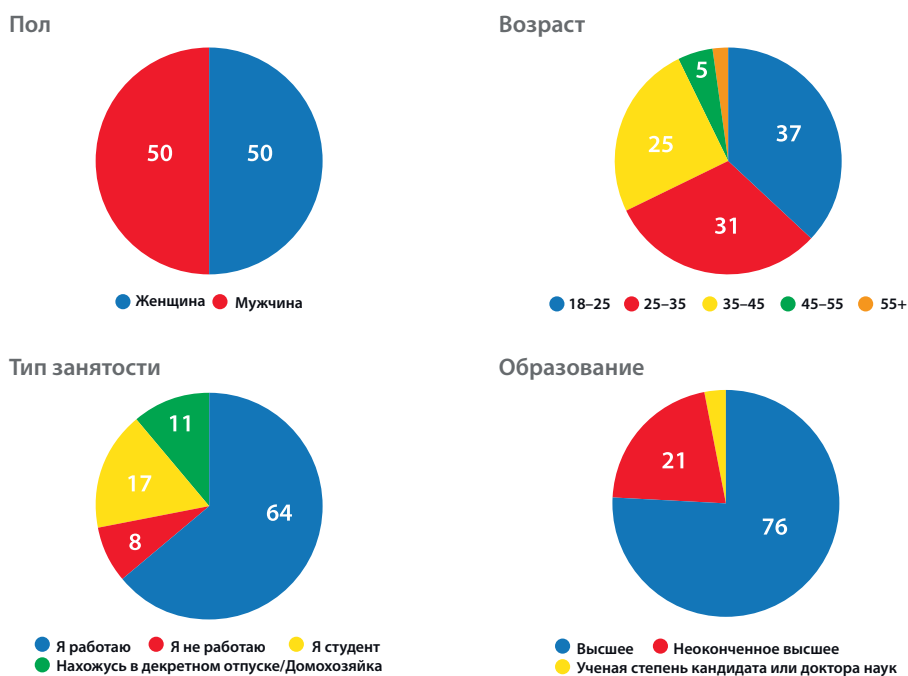

Рис. 1. Распределение выборки по полу и возрасту (единицы измерения в %)

Нами были отдельно изучены и проанализированы контентные основных новостных источников стран Европейского союза и России, посвященные женщинам в политической сфере (BBC Newline Ticker, Cable News Network и отечественные источники – РБК, ТАСС, РИА Новости и REGNUM).

Нормативно-правовой анализ гендерной политики в ЕС и России

В 1952 году ООН была принята «Конвенция о политических правах женщин» по регулированию свободного доступа женщинам к участию в выборах, их права занимать любые государственные должности, в том числе

права избираться в парламент, на должность министра, спикера и даже главы государства. Позже состоялись международные конференции «Всемирная конференция по правам человека» (1993) и «Пекинская декларация и Пекинская платформа действий» (1995) с конструктивным и результативным исходом. Уже на стыке веков был принят новый документ «Региональное подготовительное совещание по вопросу о проведении в 2000 году обзора осуществления Пекинской платформы действий» (январь 2000). В общей сложности ООН было принято 9 конвенций, 2 декларации и 1 рекомендация; к ним же относится доклад НКО под названием «Институциональные механизмы улучшения положения женщин в странах Центральной и Восточной Европы»¹.

В Указе Президента Российской Федерации от 4 марта 1993 года № 337 «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» ставилась задача обратить внимание общественности на необходимость привлечения женщин к участию в государственной и общественной деятельности страны². В нашей стране первым обстоятельным документом, посвященным роли женщины политике, считается постановление Правительства Российской Федерации от 8 января 1996 года № 6 «Концепция улучшения положения женщин в Российской Федерации». Оно определило общую стратегию государственной политики в отношении женщин, в том числе в сфере их участия в государственных делах. В «Концепции» подчеркивается важность обеспечения равного доступа женщин к государственной службе, так как при высокой избирательной активности женщин на высоких должностях их число, по сравнению с мужчинами, значительно меньше.

По рассматриваемой тематике в России в было принято 8 официальных документов: «Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 года» (1996), «Концепция законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» (1997), «Пятый периодический доклад Российской Федерации о мерах по реализации положений Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (1994–1998), «Национальный механизм улучшения положения женщин» (1999), «Национальный доклад о выполнении в Российской Федерации платформы действий» (2000), «Гендерная стратегия Российской Федерации» (2002) и другие документы. Самый главный нормативно-правовой документ страны —

¹ Перечень документов по правам женщин [Электронный ресурс]: URL: <http://www.owl.ru/win/docum/>.

² Указ Президента РФ от 4 марта 1993 г. № 337 «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» [Электронный ресурс]: URL: <https://base.garant.ru/6150171>.

Конституция Российской Федерации — также содержит в себе положения, закрепляющие права женщин в разных сферах общественной жизни³.

Нормативно-правовой анализ документов стран Европейского союза показал важность реализации политических и гражданских прав женщин по нескольким причинам. Женщины начали задумываться над тем, чтобы принимать активное участие в политике еще в XIX веке. «Декларация чувств» от 19 июля 1848 года подчеркивает, как несправедливо было отнимать у женщин возможность голосовать наравне с мужчинами, иметь возможность влиять на судьбу государства через исполнительные и законодательные органы⁴. «Пекинская декларация» демонстрирует, как распространены гендерное неравенство и стереотипы в отношении женщин даже на этапе демократизации общества⁵. Такая тенденция проявляется в том, что многие женщины не могут получить места на высоких уровнях государственного управления, в министерствах, органах законодательной, исполнительной и судебной власти. Несмотря на то, что женщины показывают значительные способности в сфере руководства и управления, консервативный уклад многих государственных структур и политических партий препятствует их участию в политической жизни общества.

«Конвенция о политических правах женщин» подчеркивает важность избирательного права женщин, их права занимать высшие государственные должности и принимать активное участие в политике наравне с мужчинами⁶. «Венская декларация и программа действий» в отличие от других документов напрямую призывает высшие государственные органы и международные организации упростить женщинам доступ к политике, допускать их к руководящим постам и способствовать более широкому их участию в данной области⁷.

По мере демократизации общества гражданская активность женщин растет, но историческое преимущество мужчин в профессиональной деятельности преграждает им путь к серьезной карьере. Для решения данной проблемы в указанном постановлении было предложено привлечь средства массовой информации, организовать курсы и финансовую помощь, предоставить свободный доступ ко всем государственным должностям,

³ Там же.

⁴ «Декларация чувств» от 19 июля 1848 г. [Электронный ресурс]: URL: https://en.wikisource.org/wiki/Declaration_of_Sentiments.

⁵ «Пекинская декларация» и «Пекинская платформа действий» от 4–15 сентября 1995 г., п. 181–189 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.owl.ru/win/pecin/index.htm>.

⁶ «Конвенция о политических правах женщин» открыта для подписания и ратификации резолюцией 640 (VII) Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1952 г., ст. 3 [Электронный ресурс]: URL: http://www.owl.ru/win/docum/un/pol_con.htm.

⁷ «Всемирная конференция по правам человека. Венская декларация и программа действий» от 1993 г., ч. 3 п. 43 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.owl.ru/win/docum/vienna/progr.htm#Правное>.

обеспечивать поддержку не только отдельным женщинам, но и различным женским организациям⁸.

Новейшим документом, регулирующим права и место женщины в политике, является уже упомянутое Распоряжение Правительства Российской Федерации № 410-р от 8 марта 2017 года «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2020 годы». Для ликвидации неравенства в доступе к политически важным постам между мужчинами и женщинами данный документ гарантирует обеспечение паритета между ними для получения должностей в государственных органах, привлечение женщин не только к политической сфере, но и к сектору экономики государства [7]. Во имя реализации этих целей предлагается повысить конкурентоспособность женщин на рынке труда и при устройстве в государственный сектор, сократить разницу в оплате труда между ними и мужчинами, предоставить им возможность пройти необходимые курсы повышения квалификации⁹.

Необходимо отметить, что несмотря на широкую нормативно-правовую базу и поставленные государствами цели и задачи по улучшению положения женщин, по всему миру многие из них до сих пор сталкиваются с трудностями при получении должности в политике.

Политическое представительство женщин в государствах Европы

На сегодня ни одна страна юридически не ограничивает участие женщин в работе парламента, хотя социальные и экономические барьеры по-прежнему препятствуют им в достижении равных условий с мужчинами. Почти во всех регионах за исключением Европы имеется одна верхняя или нижняя парламентская палата, в которой женщины занимают менее 5 процентов мест. По данным межпарламентского союза, в мире в целом 57 женщин председательствуют в одной из 192 палат парламента, 79 из которых являются двухпалатными. Таким образом, женщины занимают лишь 20,5 процента от общего числа 278 должностей председателей парламента или одной из его палат¹⁰. В 1995 году в 10 странах мира вообще не было женщин в единственной верхней или нижней палате парламента. К 2020 году Тихоокеанский регион является единственной территорией, где женщины не состоят в членстве парламента. По статистике за последние 25 лет доля женщин в парламентах мира увеличилась на 13,6 процента.

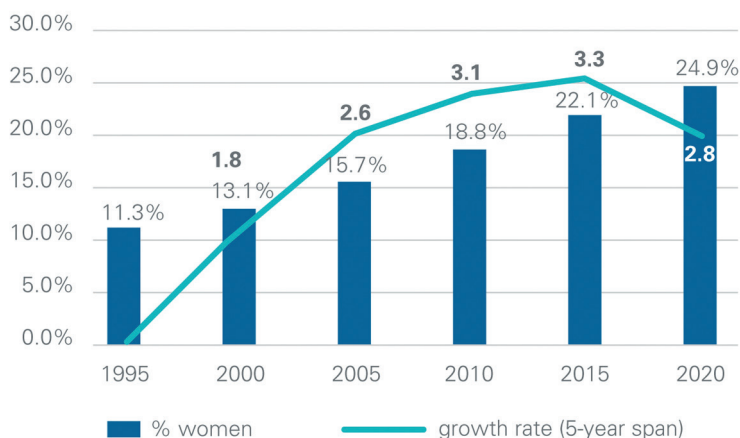
⁸ «Концепция улучшения положения женщин в Российской Федерации» от 8 января 1996 г. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.owl.ru/win/docum/rf/koncept.htm>.

⁹ Распоряжение Правительства РФ №410-р от 8 марта 2017 «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017-2020 годы» [Электронный ресурс]: URL: <http://static.government.ru/media/files/njlkIvH7WCvOIYRmcucV4jdNihEmTOUe.pdf>.

¹⁰ Статистика женщин в национальных парламентах на 2020 г. // Inter-Parliamentary Union — Woman speakers of national parliaments: 2020 [Электронный ресурс]: URL: <http://archive.ipu.org/wmm-e/speakers.htm>.

В 1995 году в них лишь 11,3 процента мест занимали женщины, 2015 году этот показатель составил 22,1 процента. Несмотря на замедление темпов прогресса по данному показателю за последние пять лет, уже в 2020 году доля женщин в национальных законодательных органах приблизилась к 25 процентам (рис. 2).

Women in national parliaments, world average 1995–2020

Source: Inter-Parliamentary Union (IPU) data for single and lower houses; figures correct as of 1 January each year, except for 1995 (1 July).

Рис. 2. Женщины в национальных парламентах по всему миру (1995–2020)

В частности, страны Европейского союза в целом добились увеличения числа женщин в национальных парламентах в 2020 году, достигнув в среднем по региону относительно высокого показателя 29,9 процента. Такую тенденцию можно считать как прогрессом, если сравнить ее с другими государствами (в том числе с Российской Федерацией), так неудачей в общем плане представленности женщин. В 1995 году 8 из 10 европейских стран показывали наиболее высокий уровень представленности женщин в мире (Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания, Нидерланды, Австрия, Германия, Исландия). Но в 2020 году в данном списке остались только две европейские страны — Швеция и Андорра. Нужно сказать, что в 2020 году в Европе по данному направлению развития по-прежнему лидируют скандинавские государства (43,9 процента представительства женщин в парламенте— рис. 3)¹¹.

¹¹ Всемирная статистика женщин в парламентах по всему миру на февраль 2020 г. // Inter-Parliamentary Union — Women in national parliaments: 2020 [Электронный ресурс]: URL: <http://archive.ipu.org/wmn-e/classif.htm>.

Women in national parliaments, Europe, 1995–2020

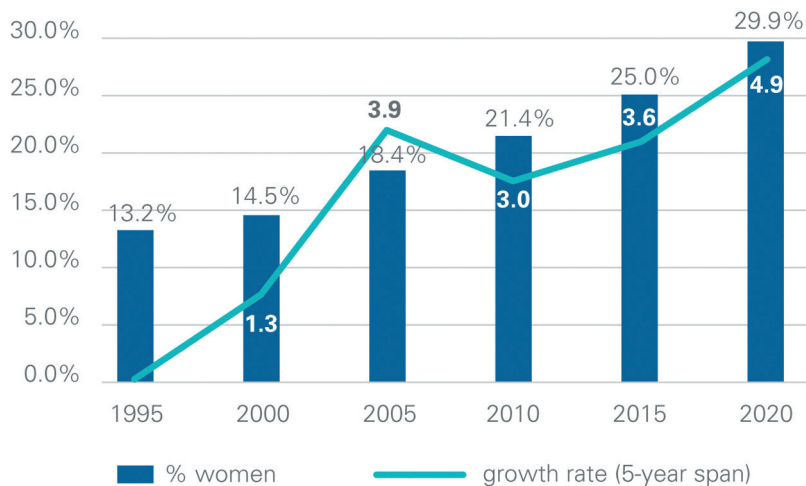

Рис 3. Средние показатели представленности женщин в парламентах Европы

Отметим, что среди нижних палат парламентов Монако обогнал все европейские страны, которые провели выборы в 2018 году: в его парламенте с 20,8 до 33,3 процента мест занимают женщины¹². В Латвии за последние 25 лет также произошел существенный рост доли женщин в парламенте — с 19 процентов до 31 процента, и это, несмотря на снижение доли женщин в качестве кандидатов в парламент, которая в 2014 году составляла 33 процента. Италия, где доля женщин в парламенте увеличилась с 28,4 до 35,7 процента, показала лучшие результаты среди крупных европейских государств¹³. Данную тенденцию во многом можно объяснить новым избирательным законом, принятым в Италии в 2017 году, который при участии в выборах в парламент женщинам предоставляет более высокие квоты.

По итогам выборов в 2018 году в рассматриваемом направлении наибольшие неудачи в Европе потерпела Словения, в которой количество женщин в парламенте снизилось с 35,6 до 24,4 процента¹⁴. В преддверии выборов многие политические партии с целью изменить условия предоставления квот требовали вмешательства как избирательной комиссии, так и Верховного суда Словении. Подобную тенденцию можно заметить в Чешской Республике, где доля женщин в верхней палате снизилась с 18,8 до 16 процентов, из-за того, что в 2018 году было избрано на две женщины меньше.

До конца 1990-х годов в относительно небольшом числе европейских стран женщины занимали должности спикеров парламента. Однако в пери-

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

од с 2005 по 2015 год доля женщин на данном посту увеличилась от 8,3 до 15,6 процента. На 2020 год количество женщин-спикеров по всему миру уже составляет 20,5 процента. С 2015 года некоторые государства назначили первых в своей истории женщин-спикеров (Непал, Намибия, ОАЭ и другие — рис. 4).

Progress of women Speakers, 1995–2020

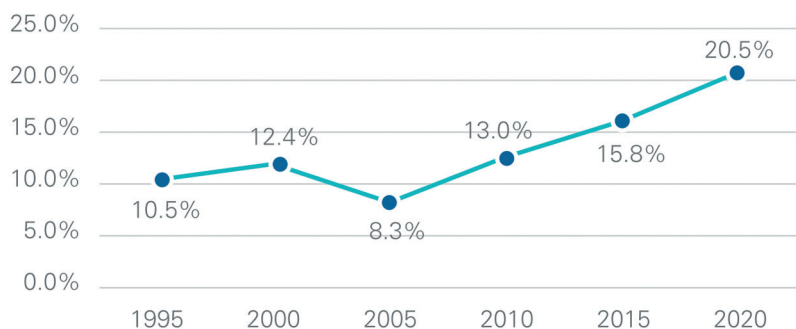

Рис. 4. Увеличение числа женщин-спикеров по всему миру с 1995–2020 год

Роль женщин в Европе на министерских должностях достаточно высока: в Испании и Финляндии на 1 января 2020 года доля женщин от общего числа на таких постах составляет 60 — 69,9 процента. Для сравнения можно отметить, что в передовых в данном смысле странах мира — Австралии и Канаде — количество женщин на постах министров ранжируется от 50 до 59,9 процента.

Если говорить о роли женщин в парламентских комитетах, то данные по 167 парламентским палатам представляют собой довольно противоречивую картину. В настоящее время женщины возглавляют 26 процентов комитетов по иностранным делам, обороне, финансам, правам человека и гендерному равенству. Этот показатель варьируется в зависимости от типа комитетов: свыше 73 процентов женщин занимают руководящие должности в комитетах по гендерной политике, в то время как чуть более 10 процентов женщин участвуют в управлении комитетов по вопросам обороны. Между тем, женщины возглавляют треть комитетов по правам человека, пятую часть комитетов по иностранным делам и 13 процентов финансовых комитетов.

Если говорить о мировой специфике по гендерным квотам, то до 1995 года только Аргентина и Непал применяли их в рамках законодательства. Однако за последние 25 лет квоты распространились на все регионы мира, что привело к увеличению представительства женщин в парламентах. Сегодня выборы в высшие государственные органы проводятся в 81 стране в соответствии с законами, предусматривающими гендерные квоты. В 2019 году две страны

приняли новые правовые меры: в Объединенных Арабских Эмиратах был издан президентский указ, предписывающий гендерный паритет, а в Бенине было введено новое конституционное положение, которое предусматривало квоты в новом законе о выборах. В то же время в Гвинее гендерная квота для кандидатов была пересмотрена в сторону повышения с 30 до 50 процентов¹⁵. Благодаря квотам, принятым в законодательном либо в добровольном порядке, в 40 парламентских палатах женщины в среднем получили 30,3 процента мест; опять же для сравнения: в 28 палатах, в которых квоты не были предусмотрены, места получили только 17,9 процента женщин¹⁶. В настоящее время гендерных квот нет на таких обширных территориях, как Россия, США, Гренландия, Иран, Сирия, Индия и так далее.

Политическое представительство женщин в России: сравнительный анализ с Европой

Официально законодательство Российской Федерации не запрещает вести женщинам политическую деятельность, нет гендерного неравенства и в выдвижении женщинами своих кандидатур на выборные должности. Несмотря на эти условия, по статистике Мирового экономического форума, на 2020 год Россия находится на 122 месте по гендерному разрыву и входит в число 85 стран, где последние 50 лет женщина не являлась главой государства. Для сравнения скажем, что в соседней Европе на данный момент 9 государств возглавляют женщины.

Анализ представительства российских женщин в парламенте на этот год по сравнению со странами Европейского союза показал довольно низкий результат. Женщин-министров в Российской Федерации всего лишь 12,9 процента¹⁷, а в Европе количество женщин на данной должности ранжируется от 35 процентов¹⁸. Сравнительный анализ представительства российских женщин в политике 1993 и 2017 годов показал следующие данные: в 1995 году доля женщин в Совете Федерации составляла 11,4 процента¹⁹, в 2017 году — 17 процентов²⁰; в Государственной Думе в 1995 году — 13,6 процента²¹, в 2017 году — 15,6 процента²². В то же время в Европе последний показатель составляет 29,9 процента. На основе этих данных можно сделать вывод, что

¹⁵ Единая база гендерных квот// International IDEA 2020 [Электронный ресурс] :URL: <https://www.idea.int/data-tools/data/gender-quotas>.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Индекс России по глобальному гендерному разрыву 2020 г.// World Economic Forum — Global Gender Gap Report 2020 [Электронный ресурс] :URL: <https://www.weforum.org/reports/gender-gap-2020-report-100-years-pay-equality>.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «Концепция улучшения положения женщин...»

²⁰ Распоряжение Правительства РФ № 410-р...»

²¹ «Концепция улучшения положения женщин...»

²² Распоряжение Правительства РФ № 410-р...»

за 22 года в Российской Федерации не произошло существенных изменений в росте политической активности женщин.

За 2017 год количество женщин, выдвигавших свою кандидатуру в региональные парламенты России, составило 26 процентов, победу одержали лишь 2 процента из них. Таким образом, женщинам, зарегистрировавшим свою кандидатуру, все реже удается попасть на должность в законодательные органы субъектов Российской Федерации. Но даже если женщинам удастся войти в парламенты, то, как правило, они в них не занимают вышестоящие должности. Данное утверждение подтверждает статистика количества российских женщин-спикеров, которых до выборов 8 сентября 2019 года было всего 9; в 2020 году их доля составила 16 процентов (в Европе — 20,5 процента)²³.

Последние выборы в Московскую государственную думу показали следующие результаты: уровень женщин, победивших по результатам выборов составляет 40 процентов. Если провести сравнительный анализ с выборами в Мосгордуму 5-летней давности, то существенного отличия не наблюдается. В то же время общее количество женщин в участковых избирательных комиссиях по стране — не меньше 70 процентов от всего состава избирателей. В общей сложности по всей стране в состав участковых избирательных комиссий входит около 800 тыс. человек, из них женщин — больше 600 тыс.

В Российской Федерации также наблюдается довольно большой разрыв представительства женщин в парламенте на региональном уровне. По данным за 2019 год наибольшее число женщин в представительном органе Чукотского автономного округа — 46,7 процента, в то время как в Московской области — их всего 14 процентов. В нашей стране есть территории, где женщины в парламенте вовсе не представлены (Чеченская республика и Магаданская область).

* * *

Итоги авторского социологического исследования по отношению к политической активности женщин в Российской Федерации и странах Европейского Союза среди мужчин и женщин оказались любопытными. Начнем с того, что в целом данная тема респондентам не так интересна. Они согласны с тем, что тема политической активности женщин на высших должностях актуальна в современном мире, но, по мнению мужчин, женщины не могут достигать высоких должностей в политических институтах. Женщины придерживаются другой точки зрения: они показывают уверенный ответ относительно существования гендерного неравенства в политической сфере и хотят видеть увеличение процента женщин в высших государственных органах ЕС и России.

²³ Женщины в региональных парламентах 2019 г. // Трансперенси Интернешнл — Россия [Электронный ресурс]: URL: <https://transparency.org.ru/special/womenassembly>.

Опрошенные считают, что женщины могут эффективно трудиться в политике, но никто из них не думает, что женщины более эффективно трудятся на руководящих должностях, чем мужчины. Респонденты-женщины в большей степени уверены в том, что России и государствам Европы необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу по регулированию роли женщины в политике. Для всех опрошенных неприемлема ситуация, когда женщина занимает пост президента Российской Федерации, министра обороны, внутренних дел или генерального прокурора. Также женщины, в отличие от мужчин, уверены, что доля женщин на руководящих должностях в политике России и в ЕС в ближайшие 5 лет будет увеличиваться.

Исследование показало, что в России в отношении женщин на руководящих должностях до сих пор существует гендерная дискриминация, — большая часть опрошенных мужчин не готовы видеть женщину в политике. В то же время при участии в данном опросе женщины показали высокую заинтересованность, подтверждая мнение о том, что тема гендерной политики и роста политической активности женщин актуальна в современном мире [8].

Несмотря на то, что российское общество предоставляет женщинам широкий доступ к образованию и некоторым сегментам рынка труда, высокий гендерный разрыв и наличие стереотипов по отношению к женщинам мешает большинству из них получить доступ к должностям в политической сфере. Разрыв в процентных соотношениях женщин в политике между Европой и Россией объясняется многими факторами. *Во-первых*, западное общество более толерантно и либерально, когда как в консервативном российском обществе роль женщины в политике по-прежнему всерьез не воспринимается. *Во-вторых*, в странах Европейского союза присутствует более широкая нормативно-правовая база по регулированию прав женщин, в том числе в политике, в то время как в России подобного рода законодательных актов крайне мало. *В-третьих*, для женщин Европейского Союза предусмотрено большое количество различных квот, что дает им возможность принимать активное участие в политической деятельности страны. В Российской Федерации квоты для женщин не распространены, следовательно, многим женщинам трудно рассчитывать на высокую должность в политике. Тем не менее необходимо помнить, что Россия — страна с самым ярко выраженным женским лицом и по гендерному «паспорту», и по реальному национальному портрету [8].

Несмотря на большое количество актуальных проблем, российская гендерная политика не получает дальнейшего развития, что может быть связано с низкой культурой населения, выражающейся в стереотипных ролях, предписываемых как мужчинам, так и женщинам, с низкой осведомленностью населения о гендерных проблемах (лишь 24% россиян считают данную проблему актуальной), отрицанием европейских ценностей и трансформацией политического смысла таких праздников, как 8 марта — Международный женский день — и 23 февраля — День защитника Отечества.

В то же время изменение вектора развития гендерной культуры можно рассматривать как особый государственный механизм построения новой системы политического образа и национального самосознания в России. С начала XXI века в официальном дискурсе стали звучать речи о самобытности России, отрицающие западные тенденции и ценности, в том числе и гендерную политику европейского образца. В политической культуре происходит популяризация традиционных ценностей, исключая современных подходов к вопросу гендерного равенства. На государственном уровне проводятся усилия по «восстановлению идеи маскулинности», что связано с политикой позиционирования России как сильного государства.

Список литературы

1. Силласте Г.Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 2. С. 3–16.
2. Батлер Дж. Гендерное беспокойство (гл. 1. Субъекты пола/гендера/желания) // *Антология гендерной теории*. Сб. пер. / Сост. и комментарии Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 297–346.
3. Батлер Дж. Психика власти. Теории субъекции. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. 168 с.
4. Брайсон В. Гендер и политика времени. Феменистская теория и современные дискуссии. Казань: Центр учебной литературы, 2011. 248 с.
5. Dworkin A. Right-wing women: The politics of domesticated females. London: Women's Press, 1983. 254 p.
6. Кашина М.А., Василенко Л.А. Фрактальность гендерных отношений и использование гендерного ресурса государственной политики и управления в современной России // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 2. С.17–31.
7. Чепель С.Л. Динамика электоральной активности и проблемы консолидации «новых демократий» в посткоммунистических странах // *Гуманитарные науки*. Вестник Финансового университета. 2019. № 9 (5). С. 6–14.
8. Силласте Г.Г. Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка, его социальные риски // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 3. С. 4–13.

РАСШИРЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА ВОСТОК В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки, основные теории и этапы расширения Европейского союза на восток, выявлены основные геополитические и экономические проблемы и последствия каждого этапа расширения европейского интеграционного поля, связанные с принятием новых государств-членов и трансформацией политической системы Евросоюза в современных условиях. Определены ближайшие перспективы расширения ЕС и возможные последствия новых этапов расширения для углубления интеграции. Исследуются перспективы принятия в ЕС Турции и стран Западных Балкан.

Ключевые слова: расширение на восток, Европейский союз, интеграционные процессы ЕС, политическая и экономическая интеграция, эволюция политической системы ЕС.

THE EXPANSION OF THE EUROPEAN UNION TO THE EAST IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION OF THE POLITICAL SYSTEM OF UNITED EUROPE

Abstract. The article considers the prerequisites, basic theories and stages of the European Union's eastward expansion, identifies the main geopolitical and economic problems and the consequences of each stage of the expansion of the European integration field associated with the adoption of new member states and the transformation of the political system of the European Union in modern conditions. The immediate prospects for EU enlargement and the possible consequences of new stages of expansion for deepening integration are identified. The prospects of admitting Turkey and the countries of the Western Balkans to the EU are being investigated.

Keywords: eastward expansion, European Union, EU integration processes, political and economic integration, evolution of the EU political system.

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью рассмотрения процесса расширения европейского интеграционного поля и его последствий для европейской интеграции в целом. В начале XXI века Европейский союз пережил несколько этапов расширения: в 2004 году в него вступили

сразу 10 стран, в 2007 – к нему присоединились Болгария и Румыния, а в 2013 – Хорватия. Далее в очереди стоят страны Западных Балкан и Турция.

Объектом исследования является процесс расширения европейского интеграционного поля, а также этапы расширения как Европейских сообществ, так и Европейского союза. Предметом исследования выступает влияние процесса расширения европейского интеграционного поля на развитие Евросоюза и анализ влияния вступивших в ЕС стран на углубление европейской интеграции.

Цель данной работы – рассмотреть влияние процесса расширения европейского интеграционного поля на углубление европейской интеграции и процессы перестройки политической и институциональной системы Европейского союза.

Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: рассмотреть основные этапы расширения Европейских сообществ и Европейского союза; выявить степень влияния этапов расширения на трансформацию политической и институциональной системы Евросоюза; определить перспективы расширения ЕС и последствия новых этапов расширения европейского интеграционного пространства.

Европейский союз насчитывает в настоящее время 27 стран-членов и считается самой большой и развитой интеграционной группировкой мира. На протяжении существования и функционирования в Евросоюзе неизменно прослеживаются две взаимосвязанные друг с другом тенденции и два политических стремления: к усилению сложившегося объединения суверенных государств и к его постоянному расширению. В научной литературе небезосновательно рассматривается процесс постоянного расширения Союза как одна из его фундаментальных и ключевых черт и особенностей.

Нужно отметить, что процесс расширения пользуется определенной поддержкой не только среди правящих кругов Евросоюза, но и со стороны населения. Социологические исследования, проведенные в 2008 году, свидетельствуют о том, что вступление в Союз Боснии и Герцеговины поддерживало 39 процентов западноевропейского населения, вступление Хорватии – 51 процент, а Турции – всего лишь 30 процентов¹.

Каковы же основные причины и мотивы, обуславливающие сам процесс расширения географических и иных границ Евросоюза и проводимой им в данной сфере политики. В данном отношении существуют три ключевых теории, сформулированные западными исследователями, объясняющие и анализирующие причины и мотивы, лежащие в основе расширения Европейского союза.

Первой из них, объясняющей притягательность интеграционного объединения для новых государств-членов, выступает суждение, согласно которому Евросоюз представляется в виде прагматичного феномена, активность

¹ Еремина Н. Распад или расширение: что ждет Евросоюз в 2020 году. URL: <https://eurasia.expert/chto-zhdet-evrosoyuz-v-2020-godu/>.

которого направлена на разрешение экономических проблем и реализацию материальных интересов государств, входящих в него.

Вторая теория получила название «этико-политическая», рассматривающая Европейский союз в виде главного носителя общеевропейских ценностей. Основные причины и факторы, которые обуславливают политику расширения Евросоюза, данная теория усматривает в том, что «это дело не только и даже не столько материального интереса, сколько общеевропейской идентичности и общеевропейских ценностей» [1].

Третьей идеей, объясняющей «притягательность» Евросоюза по отношению к государствам-членам и третьим государствам, выступает моральная теория-предположение, согласно которой причины, ассоциирующиеся с процессом расширения Союза, заключаются в его приверженности к «универсальным принципам прав человека и принципам демократии» [1].

Наряду с названными теориями, объясняющими причины и мотивы вступления новых государств-членов в Евросоюз, в западной научной литературе выдвигаются и другие факторы, политического, финансового и иного характера. Рассмотрим эволюцию политической системы Евросоюза в процессе его разрастания на восток с момента его основания и до наших дней.

Расширение Европейского союза — это процесс увеличения числа государств-членов, явившийся следствием успешного создания Европейских сообществ. Многих государств-кандидатов привлек именно новый порядок, основанный на господстве права и демократии. Процесс начался с шести первых стран-основательниц, подписавших в 1951 году договор о создании Европейского объединения угля и стали.

Важным шагом в направлении западноевропейской интеграции стало подписание в июле 1957 года Римских договоров о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом), которые вступили в силу с января 1958 года. Поэтапно создавался общий рынок [1].

ЕЭС обеспечило странам, подписавшим соглашение, экономический подъем, повышение уровня жизни, сохранение мира в Западной Европе, а также согласованную экономическую и социальную политику, свободное обращение товаров, капиталов и рабочей силы в пределах общей территории. Были созданы такие важнейшие наднациональные органы, как Парламентская ассамблея и Суд Европейских сообществ [2].

Учреждение ЕЭС, предполагавшее более тесную интеграцию, имело большое значение. Одну из современных классификаций стадий интеграции ЕС предложил американский ученый Бела Балаша в 1961 году. Он выделил пять основных этапов интеграции:

– зона свободной торговли, предполагавшая отмену таможенных пошлин, квот и других ограничений в торговле между государствами-членами при сохранении их автономии в таможенной и торговой политике по отношению к третьим странам;

– таможенный союз с введением общего внешнего таможенного тарифа и переход к единой торговой политике в отношении третьих стран;

– общий внутренний рынок: свободное движение услуг, капиталов и рабочей силы;

– экономический и валютный союз — общий рынок, дополненный гармонизацией и координацией экономической политики государств-членов на основе совместно принятых решений и контроля за их выполнением, замена национальных валют единой валютой и единая валютная и денежная политика Европейского союза;

– политический союз, предполагавший передачу национальными правительствами надгосударственным институтам всех ключевых политических полномочий [3].

В апреле 1965 года в Брюсселе был подписан Договор о слиянии, вступивший в силу 1 июля 1967 года, учреждавший для всех европейских сообществ Совет и Комиссию. Институты трех европейских сообществ, Совет и Комиссия ЕС, Европейский парламент и Верховный суд образовали единую структуру Сообществ. В этом же году произошло создание Европейского сообщества (ЕС) путем слияния ЕОУС, ЕЭС и Евратома.

В октябре 1970 года Европейское сообщество приняло «план Вернера» (премьер-министра Люксембурга), который предусматривал создание полного экономического и валютного союза с единой валютой. К сожалению, этот план не был реализован. «Главную роль в этом сыграли внешние факторы: а) отказ Вашингтона в 1971 году от золотого паритета доллара, приведший к расстройству большинства европейских валют, б) четырехкратное повышение цен на нефть из-за сокращения добычи государствами-партнерами в 1973–1974 годах» [3].

Необходимо отметить, что в 1970-х годах происходила постепенная политизация самого процесса западноевропейской интеграции. Так, в 1972 году на встрече стран ЕС президент Жорж Помпиду упомянул в качестве перспективной цели Европейского сообщества его самотрансформацию в Европейский союз, способный выступать как единое целое по отношению к внешнему миру [3]. В основе создания Европейского совета лежала идея президента Франции Шарля де Голля о проведении неформальных встреч лидеров государств Европейского союза, что должно было препятствовать снижению роли национальных государств в рамках интеграционного образования. В этом же году в ЕС вступают Великобритания, Ирландия и Дания.

В 1979 году состоялись первые выборы в Европейский парламент, и это стало очередным шагом вперед по пути политизации ЕЭС. В 1981 году происходит расширение ЕЭС, за счет вступления в него Греции, а в 1986 году в его состав официально входят Испания и Португалия.

Заключая Парижский, а затем и два Римских договора, шесть государств-основателей ЕС не должны были принимать какие-то условия членства в Европейском союзе, — они сами вправе были определять эти условия. В ином

положении находились государства, вступившие в ЕС позднее. Они должны были в процессе переговоров с институтами Сообщества и государствами-членами ЕС договариваться о процедуре и условиях своего вступления в ЕС с учетом сложившегося права сообществ.

* * *

Процедура присоединения нового государства к ЕС включает следующие этапы: страна-кандидат направляет свое заявление в Совет; Комиссия высказывает свое предварительное мнение, в котором рекомендует государствам-членам либо начать переговоры, либо не начинать их до тех пор, пока страна-кандидат не выполнит определенные условия, необходимые для начала переговоров; в случае положительного мнения Комиссии начинаются переговоры о присоединении, целью которых является выработка проекта договора, призванного определить условия приема государства-кандидата в ЕС и те изменения, которые должны быть внесены в основополагающие документы. После завершения переговоров и согласования проекта договора он представляется на подписание представителями государств-членов и страны-кандидата.

Далее имеет место консультация с Комиссией, которая должна представить мнение относительно подписанного договора; парламент также одобряет либо налагает вето относительно заявления о присоединении; положительное решение принимается большинством голосов всех членов Европейского парламента; следующий шаг — одобрение договора Советом, который действует на основе принципа единогласия. Во многих случаях решение Совета оказывается чистой формальностью.

Последним шагом для страны-кандидата во вступление в ЕС выступает ратификация принятого решения подписавшими договор государствами в соответствии с конституционным порядком. Со стороны государств-членов ЕС действует правило единогласия: если хотя бы в одном из них договор не ратифицируется, присоединение страны-кандидата блокируется.

Членство в ЕС является бессрочным, но может быть приостановлено. Добровольный выход из Европейского союза также не предусмотрен основополагающими договорами.

* * *

Новая фаза углубления экономической и политической интеграции в Западной Европе началась с одобрения проекта договора о Европейском союзе в Маастрихте на сессии Европейского совета в декабре 1991 года, подписание которого состоялось в 1992 году. Договор базировался на трех «китах»: на реформированном Европейском сообществе; Общей внешней политике и политике безопасности (ОВСПБ); и на сотрудничестве в области внутренней политики и юстиции. В нем были закреплены важнейшие принципы организации объединенной Европы: принцип единого гражданства (не отменяя гражданство каждой отдельно взятой страны), приверженность

к единой политике в области образования, культуры и здравоохранения, а также согласованной региональной и природоохранной политике; сформулированы фундаментальные права граждан ЕС, в том числе, с предоставлением им права свободного проживания в любой из стран ЕС и участия в выборах в Европарламент по месту жительства [1].

Страны, подписавшие Договор о Европейском союзе, одобрили критерии, которым должны соответствовать государства, вступающие в Европейский и валютный союз:

- темпы инфляции не должны превышать более чем на 1,5 процента средний показатель в странах-членах с наименьшим ростом цен;
- процентные ставки по долгосрочным кредитам не должны превышать более чем на 2 процентных пункта соответствующий средний показатель для трех стран с наименьшим ростом цен;
- дефицит госбюджета не должен быть более 3 процентов ВВП;
- государственный долг не должен быть более 60 процентов ВВП;
- в течение двух лет валюта не должна девальвироваться, и ее обменный курс не должен выходить за пределы колебаний, установленных Европейской валютной системой².

Договор также определил процедуру введения единой валюты — евро — к 1999 году и предусматривал создание Европейского Центробанка (ЕЦБ), имеющего исключительное право санкционировать эмиссию банкнот.

Очередное расширение Евросоюза произошло в 1995 году, когда к первоначальным странам-участницам присоединились Испания и Португалия, что в немалой степени обусловило процесс разработки и внесения изменений в учредительные документы ЕС. Для этой цели в 1996 году была созвана межправительственная конференция, которой было поручено разработать текст нового учредительного акта, призванного усовершенствовать структуру и функционирование Евросоюза. Новый договор был подписан в Амстердаме в 1997 году и вступил в силу в 1999 году. Он предусматривает следующие положения: осуществление мер, обеспечивающих свободное передвижение граждан государств-членов в рамках ЕС; обязательство государств-членов соблюдать принципы демократии, прав человека и законности; активизацию социальной политики ЕС; формирование общей политики безопасности и обороны; повышение роли Европарламента в принятии решений и формировании законодательства ЕС [9].

Также в новом договоре появились положения о возможности наложения санкций на государство-участника ЕС, допускающее серьезное неоднократное нарушение основополагающих начал построения и функционирования Евросоюза.

Амстердамский договор вносит ряд изменений в механизм осуществления совместной внешней политики и политики безопасности, детализирует

² Четвериков А.О. Договор, учреждающий Европейское Сообщество. URL: <http://eulaw.ru/content/2010>.

порядок определения общей позиции принятия совместных решений и их реализации. Предусматривается корректировка правового статуса аппарата, обеспечивающего исполнение решений во внешнеполитической сфере, создается Политический комитет, объединяющий руководителей соответствующих департаментов министерств и ведомств иностранных дел государств-членов и учреждается пост Верховного председателя Евросоюза по вопросам общей внешней политики и политики безопасности.

Таким образом, Договор содержал важнейшие положения, направленные на углубление и расширение сотрудничества государств-участников Европейского союза. К сожалению, в нем не упоминалась институциональная реформа, столь необходимая в связи с грядущим расширением ЕС. Кроме того, в ходе обсуждения Амстердамского договора между странами-участницами выявились серьезные разногласия по вопросу реформирования организации. Для их преодоления была созвана новая межправительственная конференция, главной задачей которой являлась подготовка договора, изменяющего институциональную структуру Евросоюза до вступления в него новых членов.

29 марта 2000 года в Ницце (Франция) был подписан новый Договор, в котором были решены некоторые назревшие проблемы институциональной реформы: установлена численность и состав институтов ЕС после завершения очередного расширения, распределение голосов в Совете, порядок применения принципа квалифицированного большинства и др.

Ратификация Договора затянулась на 2 года в связи с тем, что он был отвергнут на референдуме в Ирландии. Повторное голосование по этому вопросу состоялось в октябре 2002 года и дало положительный результат, что сделало возможным вступление Ниццкого договора в силу в начале 2003 года. Кроме того, в октябре 2002 года в Брюсселе состоялось заседание Европейского совета, которое окончательно обозначило сроки пятого расширения ЕС, в результате которого к Сообществу должны были присоединиться 10 новых государств Центральной и Восточной Европы. Решение подобного расширения было ожидаемым, так как еще во второй половине 1990-х годов официальные заявки на вступление в Европейский союз подали десять стран Центральной и Восточной Европы (Венгрия, Польша, Чехия, Румыния, Словакия, Латвия, Литва, Эстония, Болгария, Словения).

Пятое расширение Европейского союза качественно отличается от всех предыдущих — ранее к ЕС одновременно присоединялись не более трех новых членов, теперь же речь шла об удвоении численности стран-членов ЕС, что, несомненно, создавало огромную нагрузку на институциональную систему Сообщества.

Во-первых, существенно усложняется механизм принятия решений, а следовательно, и необходимое для принятия решений время, а данный этап интеграции требовал ускорения и упрощения нормотворческого процесса. Во-вторых, усиливается разнородность Сообщества, что требует отступ-

ления от «метода Сообществ» для осуществления некоторых видов политики и внедрения возможностей дифференциации. В-третьих, увеличение числа государств-членов и неизбежное укрупнение институциональной структуры ставят под угрозу, прежде всего, интересы малых стран, которые очень дорожат принципом равенства и правом направлять своего гражданина в состав Комиссии и регулярно председательствовать в Европейском совете. Однако одновременно возникает угроза и интересам крупных государств-членов, так как большинство кандидатов — малые страны. Ведь при неизменной норме представительства эти государства, где проживает большинство населения ЕС, могли бы оказаться во власти возможных коалиций государств, представляющих меньшинство граждан Европейского союза. В-четвертых, в результате прошлых четырех расширений, территория и население ЕС росли постепенно, а сейчас они должны будут увеличиться сразу на одну треть, что неизбежно создаст большую нагрузку на службы Сообщества и инфраструктуру Европейского союза. В-пятых, в состав Сообщества вступали государства с более-менее одинаковым уровнем социально-экономического развития и идентичными моделями политического и социально-экономического устройства. Другое дело пятое расширение. Оно охватывает относительно отсталые страны, находящиеся в процессе системной трансформации.

Причиной относительной отсталости стран-кандидатов, по нашему мнению, являются особенности их истории. Ареал пятого расширения Европейского союза отличался огромной пестротой этнического состава, религиозных верований, уклада жизни и традиций различных народов. Тем не менее, их объединяют несколько важных общих черт, позволяющих их рассматривать как особый регион Европы:

1. Во всех этих странах в силу географических и социальных условий преобладал экстенсивный способ экономической деятельности, что привело к ряду существенных последствий. В странах региона не укоренился институт частной собственности, все они имеют слабую рыночную экономику, гражданское общество и политическую демократию.

2. Ни в одной из стран региона не было традиции сильной, непрерывной и жизнеспособной государственности. Так как этот регион территориально находился между крупными агрессивными державами, то часто превращался в арену соперничества, а населявшие его народы становились объектами иностранного господства.

3. В то же время в регионе соперничали различные религии — католичество, православие и ислам. Часть территории пятого расширения, которая была сферой преобладания православия и ислама, была изолирована от крупных общественных сдвигов в Западной Европе, ставших вехами в становлении капиталистического способа производства. Также ни в одной из стран региона не получил широкого распространения протестантизм, что явилось и следствием, и причиной социально-экономической отсталости.

1 мая 2004 года десять стран Центральной и Восточной Европы, включая Мальту и Кипр (греческую часть острова), официально вступили в Европейский союз. В 2007 году к ним присоединились Румыния и Болгария, завершив тем самым пятое расширение, которое было наибольшим по территориальным и людским показателям за всю историю существования Евросоюза.

В дальнейшем вступление в Сообщество было объявлено открытым для любой страны, соответствующей Копенгагенским критериям, принятым в 1993 году. Механизм вступления основывается на соответствии страны-кандидата конкретным требованиям: соблюдение основных прав и свобод человека, установление демократического режима, развитие рыночной экономики и другие [4].

1 июля 2013 года Хорватия стала 28 членом Европейского союза, что, к сожалению, не решило ее финансовых проблем, не сократило государственный долг и безработицу. Выйдя из общего соглашения государств Центральной и Восточной Европы по свободному товарообмену, страна потеряла часть рынков сбыта, а конкурентоспособность хорватских товаров значительно снизилась из-за введения пошлин.

* * *

Особого внимания заслуживает вопрос интеграции Турции в Европейский союз, которая длится уже более 20 лет. Первая официальная заявка на «ассоциированное членство» в ЕЭС Турция подала в июле 1959 года. Именно с этого момента и до отказа ей во вступлении в 1989 году можно считать первым этапом во взаимоотношениях сторон. В этот период была заложена основа отношений и обозначен круг важнейших обязательств для дальнейшего развития сотрудничества.

Можно выделить ряд факторов, повлиявших на развитие отношений между Турцией и ЕЭС в то время. Во-первых, страны, входившие в Сообщество, были основными поставщиками товаров в Турцию. Соглашение дало бы возможность турецким товарам выйти на европейский рынок и способствовало бы привлечению иностранных инвестиций. Во-вторых, Турцию привлекала возможность включения ее сельского хозяйства в сферу приоритетов Римского договора. В-третьих, она нуждалась в финансировании по совершенствованию и модернизации своей внутренней социально-экономической инфраструктуры [5].

Заявка о вступлении в Евросоюз подавалась Турцией несколько раз: в 1961, 1962 и 1963 годах; и только в 1964 году вступило в силу соглашение о предоставлении ей статуса ассоциированного члена, которое стало отражением стратегических интересов обеих сторон на взаимное сближение. Договор обозначал основные цели сотрудничества: укрепление торгово-экономических отношений и создание Таможенного союза.

В первые годы действия соглашения Турция и ЕЭС вышли на качественно новый этап развития отношений: турецкая экономика становилась частью европейского хозяйства и появились новые рабочие места благодаря притоку инвестиций. Однако интервенция Турции на Кипр летом 1974 года и вмешательство военных в политическую жизнь страны практически полностью блокировали процесс интеграции вплоть до конца 1980-х годов.

В апреле 1987 года премьер-министр Турции Тургут Озал подал официальную просьбу о приеме Турции в ЕЭС, которая оказалась для правительств государств-членов Сообщества настолько неожиданной, что на составление отчета Еврокомиссии ушло 30 месяцев. В представленном в декабре 1989 года Отчете, в частности, отмечалось, что экономическая и политическая ситуация в Турции не убедила Комиссию, что она сможет преодолеть все сложности присоединения, требуемый уровень демократических свобод не был достигнут, а также во внимание принимались и негативные последствия споров между Турцией и Грецией и ситуация на Кипре [6].

Следующим этапом интеграции Турции в ЕС стало вступление страны в Таможенный союз в 1995 году. А в 1998 году Еврокомиссия приняла «Европейскую стратегию для Турции», предусматривающую внедрение правовых стандартов Евросоюза и распространение условий Таможенного союза на секторы услуг и сельского хозяйства Турции. В октябре 1999 года Европейским парламентом была принята резолюция, в которой говорилось, что «вступление Турции станет важным вкладом в дальнейшее развитие ЕС, а также в укрепление мира и стабильности в Европе» [7]. При этом подчеркивалась необходимость соответствия Турции Копенгагенским критериям Евросоюза. И, наконец, на саммите Европейского совета в декабре 1999 года в Хельсинки было принято решение о предоставлении Турции статуса страны-кандидата на вступление в Европейский союз.

Осенью 2002 года к власти в Турции пришла исламистская Партия справедливости и развития во главе с Реджепом Эрдоганом, который курс на вступление в ЕС обозначил как приоритетное направление для страны.

29 июня 2005 года Европейская комиссия обнародовала официальное предложение начать переговоры с Турцией по вопросу ее вступления в Европейский союз. Несомненно, этому способствовала заинтересованность Евросоюза в задействовании политических, социально-экономических и гуманитарных средств для нейтрализации таких угроз, как исламский фундаментализм, терроризм, нелегальная миграция и др.

В том же году произошла стагнация переговорного процесса. Уровень влияния ЕС на внутривнутриполитические процессы в Турции обрел нисходящую траекторию, что проявилось в сфере свободы слова и печати, а также защиты прав человека. Позицию Брюсселя по отношению к Турции в то время именовали не иначе, как политическим отчуждением, которому способствовали «усталость» ЕС от пятого расширения 2004–2007 годов и спад в мировой экономике. Существовали и внутренние причины стагнации процесса ев-

роинтеграции Турции. Одним из наиболее весомых факторов был вектор трансформации правящей партии в сторону авторитарных тенденций и укрепление идеи о том, что цель проводимых преобразований — отнюдь не вступление Турции в Европейский союз, а повышение уровня жизни граждан безотносительно к перспективам вступления в объединенную Европу.

Во второй половине 2000-х годов Турция начала наращивать свое влияние в регионе Ближнего и Среднего Востока. Возросшие амбиции регионального лидерства и уверенность в своих экономических успехах привели к тому, что привлекательность вступления Турции в ЕС заметно ослабла. Немаловажное значение имеет и неразрешенный спор о принадлежности островов и части берегового шельфа Эгейского моря, «курдский вопрос», оккупация части Кипра и так далее.

Поскольку ни одна из проблем не решаема в ближайшей перспективе, у переговоров, растянувшихся на десятилетия, конечный пункт не просматривается. Несмотря на то, что Турция на сегодняшний день является стратегически важной страной и долгосрочным евроатлантическим союзником, у Европейского союза нет политической воли для оживления процесса вступления Турции в ЕС, особенно в условиях экономического кризиса, охватившего мир в условиях распространения пандемии коронавируса.

* * *

В настоящее время странами-кандидатами на вступление официально названы Сербия и Черногория после представления Еврокомиссией в феврале 2020 года новой политики расширения Европейского союза, где подчеркивается, что геостратегической целью сообщества является принятие в состав ЕС стран Западных Балкан. Предполагается, что новая политика даст возможность отменять переговоры о вступлении в Евросоюз государств, не выполняющих необходимые условия.

Как говорится в заявлении Еврокомиссии, «для придания большей динамичности переговорному процессу Европейская комиссия предлагает сгруппировать переговоры по шести тематическим блокам. Это — фундаментальные основы, внутренний рынок, конкурентоспособность и инклюзивный рост, экологическая повестка дня и устойчивые связи, ресурсы и сельское хозяйство, внешние связи»³.

По нашему мнению, возможности дальнейшего расширения вызывают вопросы, так как существует комплекс нерешенных задач, оказывающих негативное влияние на возможности реализации политики расширения.

Во-первых, очевидно, что не все страны-члены Европейского союза выступают за присоединение новых государств; весьма настороженно относятся к новой политике расширения ЕС во Франции, Дании и Нидерландах.

³ Еремина Н. Распад или расширение: что ждет Евросоюз в 2020 году. URL: <https://eurasia.expert/chto-zhdet-evrosouz-v-2020-godu/>.

Во-вторых, проблема Brexit сохраняет свое воздействие на все аспекты интеграционного движения, особенно, если учесть, что она развивается на фоне замедления темпов экономического роста интеграционной группы и сохранения проблем в еврозоне. Помимо финансовых проблем, связанных с выходом из Евросоюза Великобритании, Brexit обозначил поворот к идеям национализма, приоритету национальных интересов и государственного суверенитета.

В-третьих, включение новых государств в интеграционный процесс в большинстве из них не привело к экономическому прорыву и показало, что страны-члены ЕС неспособны справиться с нарастающим объемом разнообразных проблем, среди которых особо выделяется проблема миграции и интеграции новоприбывших иммигрантов из Северной Африки и Ближнего Востока.

В-четвертых, судя по опросам общественного мнения, граждане Евросоюза скептически относятся к его расширению, так, в 2019 году 47 процентов опрошенных высказались против его расширения⁴.

Таким образом, стабильность расширительного процесса в современных условиях, отягощенных экономическим кризисом в условиях пандемии, в некотором роде оказывается иллюзией. Поэтому нам представляется, что в ближайшей перспективе лидеры стран-членов Европейского союза и наднациональные деятели будут склоняться к обсуждению различных альтернатив полноценному членству. И не исключено, что подобный сценарий будет опробован на странах Западных Балкан в ближайшем времени.

Список литературы

1. Актуальные проблемы Европы: проблемно-тематический сборник статей. М., ИНИОН РАН, 2017. 302 с.
2. Никонов В.А. Европейская интеграция и движение к единой Европе // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 49. С. 6–26.
3. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Европейский Союз: настоящее и будущее. М., 2017. 525 с.
4. Документы Европейского союза: Договоры, утверждающие Европейские сообщества / ред. Ю.А. Борко. М.: Право, 2017. 388 с.
5. Спиридонова Т.В. Проблемы интеграции Турции в экономическое пространство Европейского Союза: дис. ... к. экон. наук. М., 2015. 183 с.
6. Иванов И.Г. Место Турции в создании Евроатлантического сообщества безопасности [Электронный ресурс] // URL: https://carnegieendowment.org/files/WGP_Turkey_RUS.pdf.
7. Лавровский Б.Л. Современная политика сплочения в ЕС: замыслы и итоги // Вестник Новосибирского государственного университета. 2018. № 2. С. 34–46.

⁴ Ежемесячный Бюллетень ЕС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://europa.eu.int/abc/doc/off/bull/en/bullset.htm>.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ОРГАНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация. В статье проводится анализ контента социальных сетей государственных организаций на примере ЦИК России и исследуется актуальный инструментарий, предлагаемый социальными сетями для построения коммуникативной связи «власть-гражданин» и формирования имиджа государственной организации. При проведении исследования использованы метод контент-анализа и мониторинговые системы «Интегрум» для сбора статистической информации о реакции российских интернет-пользователей на деятельность ЦИК России. В связи с развитием алгоритмов социальных сетей и увеличением их пользователей существует запрос на исследования, описывающие актуальные процессы и изменения в обществе. Специфика современного общества состоит, в том числе в формальном стирании границ и упрощении взаимодействия между государством и гражданином. При этом подразумевается, что этот процесс носит взаимовыгодный характер. Власть получает новый инструмент воздействия на граждан и новые возможности для формирования положительного имиджа, граждане — канал для выражения мнения и прямого диалога с властными структурами. Особенно это касается выражения недовольства на реагирование власти на социальные и политические запросы общества.

Ключевые слова: социальные сети, политическое восприятие, имидж, политический образ, ЦИК России, массовые коммуникации, контент-анализ.

SPECIAL ASPECTS AND PROBLEMS OF IMAGE FORMATION OF THE PUBLIC AUTHORITY IN SOCIAL NETWORKS

Abstract. The article covers analysis of the social networks content created by governmental entities using the example of the Central Election Commission (CEC) of the Russian Federation, also there is an analysis of actual instruments offered by social networks and used for forming a communicative link between state and society and creating a positive image of a state entity. The method of content analysis was used as well as monitoring statistical systems (Integrum) for analysing people's reactions on the CIC activities and self-presentation. Algorithms of social networks are constantly changing and the number of users of them is growing, therefore there is a demand on studying and describing these

processes for building more effective strategies of governmental entities presence in social networks. One of the key features is that the process of borders erasing and state-society communication simplifying is only a formal one, but it is implied that the process should be win-win for both parties. State has a new instrument of citizens persuasion and creating a positive image of itself, while social networks for citizens is a channel for direct dialog with the governmental entities and opinion expression, especially it is useful to express their dissatisfaction with governmental social policy and reaction on political demands.

Keywords: *social networks, political perception, image, political image, self-presentation, Central Election Commission of the Russian Federation, mass communication, content analysis.*

Использование социальных сетей для решения политических вопросов — актуальная тема исследований в России и за рубежом. Этот раздел политической науки является одним из самых молодых, и находится на стадии накопления и обработки эмпирического материала. В данной работе исследуется присутствие Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в социальных сетях (были выбраны официальные страницы, ссылки на которые можно найти на сайте ЦИК России¹), анализируются публикуемый контент и стратегия самопрезентации государственного органа с точки зрения эффективности в построении положительного политического имиджа и взаимодействия с аудиторией. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью выявления и изучения влияния социальных сетей на формирование имиджа государственных органов Российской Федерации. В качестве гипотезы было принято утверждение, что выбранная стратегия по формированию положительного имиджа государственных органов малоэффективна.

В работе рассматривается полугодовой период с 01.05.2019 по 31.10.2019 как период наиболее активной электоральной фазы и этап подведения итогов. В рамках статьи предпринимается попытка выявления новых трендов политического восприятия массовым сознанием государственных организаций под влиянием использования социальных сетей. Методологической базой исследования являются контент-анализ сообщений пользователей выбранных социальных сетей с упоминанием ЦИК России и ситуационный анализ ее имиджа.

Первая задача данной работы — провести демаркацию таких понятий как «образ» и «имидж», которые часто ошибочно употребляются как взаимозаменяемые. Важно не только подобрать адекватное определение для понятийного аппарата, но и проследить источники формирования образа и имиджа, основных акторов, участвующих в формировании имиджа.

Вторая исследовательская задача — описание содержательных компонентов политического имиджа ЦИК России и его политического образа в период с мая по октябрь 2019 года.

¹ Официальный сайт ЦИК России. Доступ: URL <http://www.cikrf.ru> (проверено 01.02.2020).

Статистическая информация о пользователях социальных сетей

Социальные сети стали важными платформами не только для межличностной коммуникации между пользователями, но и площадками для взаимодействия власти с гражданами. Согласно данным, приводимым в статистическом сборнике Высшей школы экономики, 78 процентов российских пользователей Интернета присутствует в какой-нибудь социальной сети².

По данным исследования Digital³ в 2018 году в среднем люди в мире проводили в социальных сетях 6,5 часа. Показатели России незначительно отличаются от среднемировых; согласно исследованию, наши граждане проводят в социальных сетях чуть больше 6 часов в день.

Несомненно, такая популярность новых коммуникационных каналов не могла не заинтересовать власть в качестве еще одной платформы для взаимодействия с гражданами. Согласно Распоряжению Правительства «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти»⁴, гласность процесса принятия решений — один из элементов повышения качества государственного управления. Следуя этой концепции, практически все государственные органы представлены в одной или нескольких социальных сетях. Это способствует повышению прозрачности деятельности органов власти и должно служить упрощению и улучшению качества взаимодействия граждан с органами власти. Кроме того, присутствие в социальных сетях официальных представительств упрощает отслеживание мнений и настроений общества.

Ядро аудитории социальных сетей составляют мужчины и женщины в возрасте 25–34 года, вторая по активности группа: 18–24 года⁵. По данным ВЦИОМ, в 2018 году средний возраст проголосовавших на выборах президента России составил 45–60 лет⁶. Результаты опросов и исследований свидетельствуют о том, что наиболее активная часть пользователей социальных сетей проявляет низкую избирательную активность. Возможно, именно эта причина подтолкнула государственные органы создавать собственные аккаунты в социальных сетях с целью наладить коммуникацию с наименее активной частью электората.

² «Цифровая экономика: краткий статистический сборник» Высшей школы экономики (ВШЭ) за 2019 г., С. 26 Доступ: URL: <https://www.hse.ru/data/2018/12/26/1143130930/ice2019kr.pdf> (проверено: 23.10.2019).

³ Отчет международного исследовательского агентства We are social «Digital 2019» Доступ: URL: <https://wearesocial.com/blog/2019/01/digital-2019-global-internet-use-accelerates> (проверено: 15.01.2020).

⁴ Российская Федерация. Распоряжение. «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти» [Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 № 93-р] Доступ: URL:<http://government.ru/docs/10122/> (проверено: 28.08.2019).

⁵ Каждому возрасту — свои сети//Данные опросов ВЦИОМ, № 3577, 12.02.2018 [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691> (дата доступа: 27.08.2019).

⁶ ВЦИОМ назвал средний возраст большинства проголосовавших на выборах Доступ: URL: <https://ria.ru/20180318/1516645631.html> (проверено: 15.01.2020).

О том, что решение зарегистрировать представительство государственного органа в социальных сетях было единым и целенаправленным, свидетельствуют даты регистрации в социальных сетях. По данным площадок, ЦИК России зарегистрировала свои аккаунты в «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Twitter, Instagram и Youtube в период с 31 июля по 1 августа 2017 года.

Низкую явку избирателей на выборах можно объяснить несколькими причинами: в том числе разочарованием во внутренней политике, недоверием к избирательной системе России в целом и из-за сложившегося негативного образа Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в частности. Именно на искоренение второй причины направлена активность ЦИК России в социальных сетях. В нашей работе представлен анализ формирования имиджа данной организации в социальных сетях в 2019 году на примере анализа упоминаний в Twitter, Вконтакте и Telegram.

Разграничение понятий «образ» и «имидж»

Одной из причин гетерогенности отечественных исследований в области имиджологии и политического восприятия является использование одновременно понятия «образ» и заимствования понятия image (англ., имидж, образ). Среди западных исследований политического образа и имиджа стоит выделить работы Р.Дж. Далтона [1], В.М. Фарела [2], А. Сандерса [3] и И.А. Маккалестера [4]. Достижения отечественной науки отражены в работах Е.Б. Шестопал [5], О.В. Гаман-Голутвиной [6], О.А. Подгорновой [7], И.С. Палитая [8], Т.Н. Пищевой [9].

Е.Б. Шестопал разделяет понятия «имидж» и «образ» следующим образом: имидж — это целенаправленно и сознательно конструируемое представление о политическом объекте, в то время как образ формируется спонтанно [10, с. 13]. Здесь стоит добавить, что на формирование имиджа и образа влияют разные акторы (активные участники процесса формирования имиджа, формирующие контент). Формирование имиджа осуществляется непосредственно заинтересованными лицами, здесь очень важны фигуры идеологов и непосредственно личности исполнителей. В то время как спонтанность формирования образа подразумевает коллективное участие тех, кто формирует контент, и тех (акторы), кто эту информацию воспринимает (акцепторы). С одной стороны, коллективность способствует деперсонализации процесса создания образа, с другой, — итоговый образ организации складывается для каждого участника коммуникации лично, и здесь на первый план выходит личное политическое восприятие акцепторов.

Выделяют 5 групп факторов, которые влияют на формирование политического образа объекта в сознании индивида: объектные, субъектные,

пространственные, темпоральные, коммуникативные [11, с. 33]. В рамках нашего исследования мы сфокусируем внимание исключительно на понятии политического имиджа и его основных характеристиках: целенаправленность и осознанность.

Уровни ответственных за формирование имиджа ЦИК России лиц

Для того, чтобы описать влияние социальных сетей на формирование имиджа, нам предстоит определить: круг тех лиц, кто оказывает влияние на имидж (акторы); аудиторию (акцепторы), для которых используется инструментарий социальных сетей; а также площадки и инструменты, с помощью которых происходит взаимодействие акторов и акцепторов.

В странах Западной Европы и Северной Америки широко распространена персонификация политического процесса [12] — формирование имиджа и образов происходит за счет ключевой фигуры (обычно рассматриваются лидеры политических партий или государственные деятели). Схожий подход практикуется и в отечественных исследованиях [13, 14, 15]. Нам представляется целесообразным использовать подход, при котором политический процесс персонифицируются, а формирование имиджа организации рассматривается через призму анализа ключевых фигур, вовлеченных в процесс создания имиджа. Было выделено несколько уровней участников-акторов, влияющих на имидж ЦИК России.

Акторы. В случае с таким федеральным государственным органом как Центральная избирательная комиссия Российской Федерации можно говорить одновременно о нескольких уровнях, на которых ведется целенаправленная работа с имиджем организации.

Первый уровень — «элитарный», включает в себя 15 членов ЦИК России. Этот уровень отличается высокой персонификацией политических процессов, т.к. зачастую деятельность Комиссии ассоциируется с личностями Председателя Центральной избирательной комиссии Российской Федерации Э.А. Памфиловой или ее заместителя Н.И. Булаева. В социальных сетях ссылки на их выступления, фотографии или видеозаписи используются при создании как официального, так и пользовательского контента (выражение личного мнения, комментарии к событиям, создание мемов, шуток и крылатых фраз). Группа этих акторов имеет широкий функционал, на соответствующем уровне ведется идеологическая работа по выбору направления развития имиджа ЦИК России.

Второй уровень — экспертный, до 28 февраля 2020 года включал в себя Научно-экспертный совет при ЦИК России⁷. На данном уровне сохраня-

⁷ Научно-экспертный совет при ЦИК России, образованный в ноябре 2018 года, был упразднен постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации № 240/1791-7 от 28 февраля 2020 года.

лись высокая степень персонификации, но здесь это связано не столько с высоким статусом членов Совета в иерархии Комиссии, сколько с тем, что они действовали в некотором смысле отдельно и самостоятельно. Члены Научно-экспертного совета работали не на постоянной основе, а проектно, то есть привлекались к процессу деятельности организации для учета общественного и экспертного мнения при решении вопросов, связанных с развитием избирательной системы Российской Федерации. Поскольку лица, входившие в состав Совета занимают высокие должности в образовательных учреждениях, изданиях и широко известны в профессиональных сообществах (юристов, экономистов, политологов, журналистов и т.д.), то их выступления, мнения и высказывания имеют высокое значение для пользователей в социальных сетях и также могут быть использованы для создания пользовательского контента. Однако эти лица регулярно не участвовали в проектировании направления развития самопрезентации ЦИК России в социальных сетях, а привлекались к процессу согласования материалов только в случае, если он касался их деятельной позиции.

Третий уровень — профессиональный, состоит из руководителей пресс-службы ЦИК России, ФЦИ (Федерального центра информатизации при ЦИК России) и РЦОИТ (Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России). На этом уровне резко падает персонифицированность процессов. Ответственность за принятие решения все еще возлагается на конкретные лица, личности которых широкому кругу пользователей неизвестны. Однако именно на третьем уровне теоретические идеологические решения трансформируются в прикладные, выбираются площадки, идентифицируется целевая аудитория и методы взаимодействия с ней.

Четвертый уровень — линейный, в него входят работники пресс-службы ЦИК России, ФЦИ при ЦИК России и РЦОИТ при ЦИК России, а также сторонние эксперты в области социальных сетей (мониторинг, копирайт, дизайн). На этом уровне персонификация достигает минимальных показателей из-за низкой степени ответственности за принятые решения. Однако именно здесь ведется прикладная работа по формированию имиджа ЦИК России в социальных сетях: изучаются интересы аудитории, подбирается максимально адекватный для выбранной аудитории инструментарий социальных сетей, адаптируется материал для понимания целевой аудитории, отслеживаются реакции аудитории на подаваемый материал.

Пятый уровень — скрытый. К нему относятся работники избирательных комиссий России всех уровней, которые напрямую не связаны с созданием имиджа федерального органа, однако взаимодействуют лично с избирателями и кандидатами, поэтому их действия влияют на имидж организации в целом.

Аудитория социальных сетей ЦИК России и проблемы взаимодействия с ней

Акценторы. В исследуемый период с социальными сетями ЦИК России сложилась парадоксальная ситуация несоответствия ожидаемой аудитории (в соответствии с анализом контента, рубрик и графической составляющей) и реальной. Содержание страниц ЦИК России и попытки геймифицировать контент, сделав его более интерактивным (опросы, тестовые задания, комиксы, инфографика), говорят о том, что подаваемая информация предназначается для молодой аудитории (18–35 лет), так называемых поколений Y и Z, в то время, как анализ реальной аудитории свидетельствует, что настоящие подписчики ЦИК России в социальных сетях относятся к более взрослой аудитории (35–44 года). Такой разрыв может быть связан с тем, что кроме создания интерактивного контента никакой другой инструментарий продвижения каналов не использовался, а основная масса подписчиков — члены избирательных комиссий России разных уровней и работники самого органа.

Площадки и инструменты. Данные ВЦИОМ⁸ позволяют составить следующий рейтинг популярности социальных сетей у россиян в 2018 году: «ВКонтакте» — 28 процентов, «Одноклассники» — 19 процентов, Instagram — 14 процентов, Google+ — 7 процентов, Facebook и «Мой мир» — по 4 процента, Twitter и «Живой журнал» — по 1 проценту.

На 15.01.2020 ЦИК России имеет аккаунты на следующих площадках: Twitter⁹ (2489 подписчиков), Youtube¹⁰ (15 000), Facebook¹¹ (1353), Instagram¹² (3278), «Одноклассники»¹³ (23 176) и «ВКонтакте»¹⁴ (19 850 подписчиков); то есть охватывает самые популярные площадки, на которых представлена целевая аудитория.

В качестве инструментов взаимодействия с аудиторией используется стандартный набор, который также может использоваться любым пользователем — как компанией, так и частным лицом: опросы, голосования, рубрика «Вопрос-ответ», инфографика, онлайн-трансляции и репортаж с

⁸ Каждому возрасту — свои сети//Данные опросов ВЦИОМ, №3577, 12.02.2018 [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691> (дата доступа: 27.08.2019).

⁹ Аккаунт ЦИК России в Twitter [Электронный ресурс] URL: <https://twitter.com/cikrussia> (дата доступа: 27.08.2019).

¹⁰ Аккаунт ЦИК России в Youtube [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/c/CIKRussia> (дата доступа: 27.08.2019).

¹¹ Аккаунт ЦИК России в Facebook [Электронный ресурс] URL: <https://www.facebook.com/CIKRussia/> (дата доступа: 27.08.2019).

¹² Аккаунт ЦИК России в Instagram [Электронный ресурс] URL: <https://www.instagram.com/cikrussia/> (дата доступа: 27.11.2019).

¹³ Аккаунт ЦИК России в «Одноклассники» [Электронный ресурс] URL: <https://ok.ru/group/54619485372669/> (дата доступа: 27.08.2019).

¹⁴ Аккаунт ЦИК России в «ВКонтакте» [Электронный ресурс] URL: <https://vk.com/cikrussia> (дата доступа: 27.08.2019).

мероприятий (Единый день голосования 08.09.2019, заседания Центральной избирательной комиссии Российской Федерации).

Уникальный инструмент взаимодействия с аудиторией — комиксы, в которых наглядно объясняются избирательные процессы для электората (рис. 1).

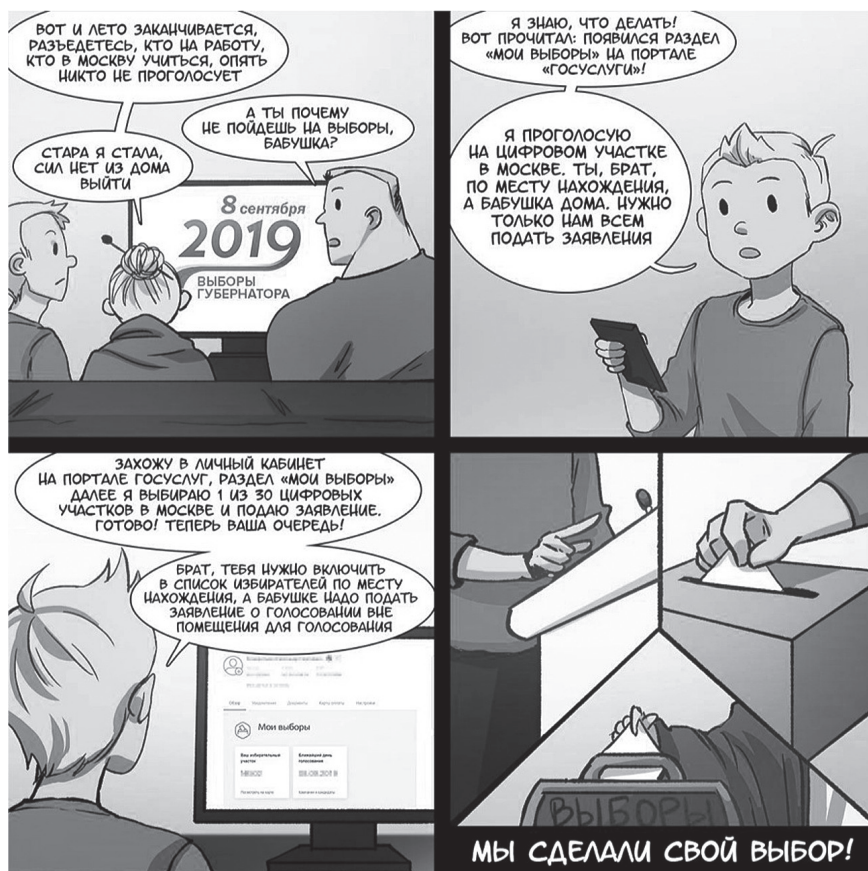

Рис. 1. «Голосование вне избирательного участка»¹⁵

Однако контент-анализ социальных сетей ЦИК России позволил выделить сразу несколько проблем. Главная — игнорирование актуальных новостных поводов, как, например, протесты в Москве 27 июля 2019 года против отказа Московской городской избирательной комиссией зарегистрировать часть кандидатов в депутаты в Московскую городскую Думу. Кроме того, не удалось найти информацию по теме «муниципального фильтра» — необходимости сбора подписей депутатов представительных органов

¹⁵ Аккаунт ЦИК России в Instagram [Электронный ресурс] URL: <https://www.instagram.com/cikrussia/> от 02.09.2019 (дата доступа: 27.11.2019).

муниципальных образований в поддержку кандидатов на должности глав регионов. Основные сюжеты для инфографики и комиксов — освещение в положительном ключе нововведения ЦИК России: механизм «Мобильный избиратель», экспериментальный проект дистанционного электронного голосования в Москве и цифровые избирательные участки в Москве, адаптация избирательных участков для маломобильных граждан.

Избегание тем, способных вызвать полемику, подкреплено ограничениями в комментировании постов на части платформ («ВКонтакте», «Одноклассники», Youtube). Там, где комментарии не закрыты (Facebook и Instagram), диалога с пользователями не происходит, вопросы остаются без ответа или удаляются. Такой подход к коммуникации с пользователями противоречит цели ведения социальных сетей как инструмента взаимодействия с аудиторией, а также демонстрирует номинальность этого инструмента, что не может позитивно отразиться на имидже организации.

Позитив/Негатив	Всего	Всего, %
Нейтральный	117312	74,69
Негатив	38785	24,69
Позитив	968	0,62

Рис. 2. «Количество и тональность упоминания ЦИК России в социальных сетях»

Данный вывод подкрепляется результатом эмпирического исследования общедоступных публикаций в социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники», Livejournal, Twitter, Instagram и Telegram), в которых в той или иной форме упоминается ЦИК России. Исследование упоминаний было проведено с помощью мониторинговой системы «Интегрум». Результаты тональности упоминаний приведены на рисунке № 2, а количественные показатели в процентном соотношении по площадкам — на рисунке № 3:

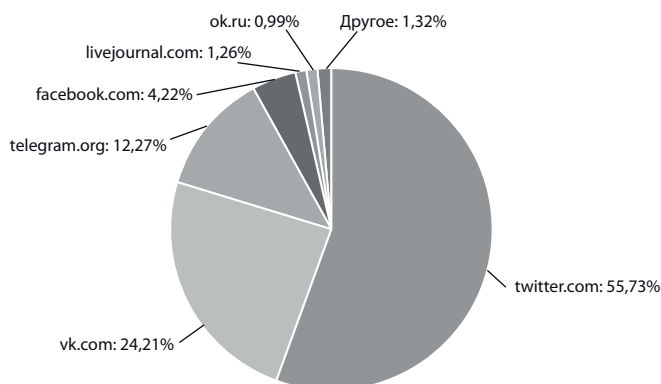

Рис. 3. «Распределение упоминаний по площадкам социальных сетей»

Исследования показывают, что около четверти всех сообщений негативные. При этом система «Интегрум» к негативным упоминаниям относит лишь те сообщения, которые содержат оскорбительные и ярко негативно эмоционально-окрашенные части речи, и не способна маркировать сарказм и иронию как негатив. Можно предположить, что реальные показатели негативных упоминаний значительно выше приведенных в данной работе.

Вывод

Гипотеза о том, что выбранная стратегия ЦИК России поведения в социальных сетях оказалась недостаточно эффективной, оправдалась. Автор выделяет несколько ошибок в стратегии построения положительного имиджа государственного органа. Среди ключевых причин — отсутствие глубокого понимания того, как можно эффективно выстраивать коммуникацию с избирателями, которые проявили себя неактивно на выборах. Опыт частных компаний по выстраиванию общения между пользователями/клиентами и органом игнорируется.

В данной работе вопрос о причинах ошибок не изучался подробно, но есть предположение, что не были изучены причины низкой явки избирателей — целевой аудитории, или не были учтены их желания.

Вследствие непонимания коммуникационных процессов производится лишь формальная часть работы с аудиторией: внедряются интерактивные инструменты, сложная информация преподносится в упрощенном графическом виде (комиксы и инфографика), практическая работа не ведется. Выбранная стратегия самопрезентации ЦИК России не является эффективной, поскольку нарушаются базовые принципы взаимодействия с аудиторией — как механические (размещение информации, рубрики публикаций и подбор релевантных визуальных материалов), так и коммуникационные (работа с комментариями, негативными упоминаниями, наличие обратной связи и реакцией на запросы аудитории).

Ошибок много, но часть из них может быть устранена в ускоренном порядке:

– размещение информации в настоящее время не систематизировано, публикации размещаются по готовности. Современные алгоритмы социальных сетей устроены так, что лишь часть подписчиков видит публикацию в своей ленте новостей, этот показатель можно увеличить за счет интересного пользователям контента и реакции на него (отметки «нравится», сохранения в закладки, размещением публикации в сообщениях или на своей странице). Чем чаще человек реагирует на публикации сообщества, тем больше публикаций этой страницы он видит; чем больше реакций пользователей на публикацию, тем больше охват — больше число пользователей, которые увидят эту информацию. Таким образом, публикуя одновременно несколько однотипных интерактивных текстов, например опросов, ЦИК

России лишает себя части аудитории, так как часть публикаций активные подписчики просто не увидят. Если же внедрить расписание размещения публикаций разных рубрик, то проблему можно избежать.

– адаптировать визуальные материалы под формат социальной сети. «ВКонтакте», Facebook и Instagram имеют различные требования к разрешению картинок и видео. Пренебрежение этими правилами ведет к созданию негативного впечатления у пользователей, так как часть публикаций на странице отображается некорректно (пропадает часть текста на картинке). Особенно эта проблема актуальна для Instagram, где важен общий вид страницы. Механические проблемы могут быть решены на уровне линейных исполнителей, ответственных за создание текстового и графического контента страниц ЦИК России, в то время как проблемы коммуникационного характера требуют согласования, а значит, и понимания более высоких уровней лиц, ответственных за формирование имиджа.

Таким образом, требуется разработать иную стратегию взаимодействия с пользователями и комментариями. Практика частных компаний показывает, что наличие обратной связи и реакции на действия пользователей повышает их лояльность к организации. В случае с ЦИК России можно разделить работу с пользователями на несколько сегментов:

– работа с негативной реакцией: удалять сообщения, содержащие немотивированную агрессию, нецензурную лексику и спам в режиме 24/7, а не только в рабочие часы сотрудников ЦИК России; отвечать на мотивированную критику и релевантные вопросы.

– отслеживание трендов в информационном поле и предугадывание запросов пользователей. Это касается острых проблемных вопросов, например, реакции граждан на отказ зарегистрировать кандидатов. В данном случае социальные сети можно использовать как площадки для антикризисных мер, когда сложные для понимания граждан процедуры могли бы объясняться доступным для понимания широким кругом лиц способом, — например, в формате инфографики, который сегодня активно применяется ЦИК России.

– видео-формат используется в качестве трансляций заседаний ЦИК России без обработки этой информации, которая бы упростила пользователям взаимодействие с ней (на Youtube¹⁶ канале отсутствует разбивка по темам видео и заседаний, как и навигация по видео: нет тайм-лайна — информации о происходящем на видео со ссылками в описании).

Использование социальных сетей автоматически не ведет к повышению лояльности избирателей, особенно если актуальные темы отсутствуют и пользователь не получает ощущения близости к власти и возможности влиять на политические процессы даже путем высказывания своего мне-

¹⁶ Аккаунт ЦИК России в Youtube [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/c/CIKRussia> (дата доступа: 02.02.2020).

ния в комментариях. Однако данный канал взаимодействия с аудиторией (в случае с ЦИК России — с избирателями) имеет высокий потенциал стать полезным инструментом, способствующим формированию позитивного имиджа организации.

Список литературы

1. Dalton R.J., Farrell D.M., McAllister I. Political Parties and Democratic Linkage: How Parties Organize Democracy. Oxford. UK: Oxford University Press. 2011. 272 p.
2. Dalton R.J., Wattenberg M.P. Parties Without Partisans: Political Change in Advanced Industrial Democracies. Oxford. UK, 2002. 286 p.
3. Sanders A. The Meaning of Party Images // The Western Political Quarterly. 1988. Vol. 41. No. 3. P. 583–599.
4. McAllister I. The Personalization of Politics // Oxford Handbook of Political Behavior. New York: Oxford University Press, 2007. P. 571–591.
5. Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: РОССПЭН, 2012. 423 с.
6. Гаман-Голутвина О.В. Российские партии на выборах: картель «хватай-всех» // Полис, 2004. № 1. С. 22–25.
7. Зенкова О.А. (Подгорнова О.А.) Имидж политических партий и их лидеров в массовом сознании российской молодежи // Актуальные проблемы отечественной политической теории и практики: Сб. статей. М., 2004. С. 63–73.
8. Палитай И.С. Образ политических партий накануне выборов: коллективный портрет // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 1. С. 106–107.
9. Пищева Т.Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // Полис. 2011. № 2. С. 47–52.
10. Шестопал Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций и лидеров. М., 2008. С. 8–24.
11. Смутькина Н.В. Факторы, влияющие на восприятие кандидатов в Президенты в российской избирательной кампании // Вестник Томского государственного университета. Философия, Социология. Политология. 2013. № 3. С. 30–36.
12. Hermansson J. The Personalization of Party Politics: The Voters' Perspective. 2011. Доступ: URL: <http://www.uio.no/english/research/interfaculty-research-areas/democracy/news-and-events/events/seminars/2011/papers-roma-2011/>.
13. Касамара В.А., Сорокина А.А. Персонифицированное лидерство: политические лидеры глазами российских и французских студентов // Общественные науки и современность. 2012. № 4. С. 81–94.
14. Палитай И.С., Задонских А. В. Особенности восприятия современных политических партий // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2012. № 2. С. 83–95.
15. Шестопал Е.Б. Образы власти в постсоветской России. М., 2004. 535 с.

ОТСТРАНЕНИЕ ЧЛЕНА УЧАСТКОВОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ОТ УЧАСТИЯ В ЕЕ РАБОТЕ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ МЕРА КОНСТИТУЦИОННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

***Аннотация.** В статье исследованы теоретические и практические проблемы применения меры конституционной процессуальной ответственности в виде отстранения члена участковой избирательной комиссии от участия в работе данной комиссии. Рассмотрены вопросы конкуренции норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в данной сфере. Рассмотрены процедурные вопросы отстранения члена участковой избирательной комиссии от участия в работе данной комиссии с возможностью его последующего удаления. Представлены предложения по внесению изменений в законодательство о выборах и референдумах.*

***Ключевые слова:** конституционно-процессуальная ответственность, конституционный деликт, административная ответственность, член участковой избирательной комиссии, отстранение от работы, удаление из помещения для голосования.*

DISMISSAL OF A MEMBER OF A PRECINCT ELECTION COMMISSION FROM PARTICIPATING IN ITS WORK AS A PROCEDURAL MEASURE OF CONSTITUTIONAL RESPONSIBILITY

***Abstract.** The article discusses the theoretical and practical problems of applying the measure of constitutional procedural responsibility in the form of dismissal of a member of a precinct election commission from participation in the work of this commission. The author explores the issues competition of the norms of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses and the Federal Law «On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in the Referendum of Citizens of the Russian Federation» in this area. The article discusses the procedural issues of dismissal of a member of a precinct election commission from participation in the work of this commission with the possibility of its subsequent removal. The author also presented proposals for amending the electoral law.*

***Keywords:** constitutional procedural responsibility, constitutional offense, administrative responsibility, member of the precinct election commission, dismissal from work, removal from the polling station.*

Электоральное законодательство постоянно совершенствуется, в него вносятся те или иные изменения, большая часть которых направлена на повышение доверия к избирательному процессу, усиление действия принципов открытости, гласности и коллегиальности в деятельности избирательных комиссий. Одним из важных шагов в данном направлении стали изменения, внесенные в электоральное законодательство в 2016 году¹, согласно которым отстранение члена участковой избирательной комиссии от ее работы реализуется исключительно на основании решения суда. Значит, осуществление данной процедуры на основании акта участковой избирательной комиссии стало невозможным.

Между тем, в результате апробации нововведений данные позитивные изменения породили актуальные теоретические и практические вопросы, которые и являются предметом настоящего исследования. Объектом исследования выступают электоральные правоотношения, возникающие в процессе привлечения члена участковой избирательной комиссии к ответственности соответствующей отраслевой принадлежности.

Использование аналитического, сравнительно-правового, формально-юридического, структурно-функционального, системного методов анализа способствовало достижению цели выявления юридической сущности привлечения к ответственности члена участковой избирательной комиссии посредством такой меры, как отстранение его от работы данной комиссии. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: исследование правовой природы статуса члена участковой избирательной комиссии; анализ основных мер конституционной и административной ответственности, применимых за совершение членом участковой избирательной комиссии деликта на избирательном участке в день голосования; а также выявление оснований их возникновения, разграничения и реализации.

Согласно пункту 12 статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Федеральный закон об основных гарантиях) член участковой избирательной комиссии может быть немедленно отстранен от участия в ее работе, если он нарушает законодательство Российской Федерации о выборах и референдумах (электоральное законодательство). Решение о реализации указанного положения может быть принято исключительно судом по месту нахождения соответствующей комиссии. Функции по исполнению данного судебного решения возложены на правоохранительные органы, которые также обеспечивают в соответствии с федеральными законами безопасность граждан и общественный порядок

¹ Подпункт «в» пункта 112 статьи 1 Федерального закона от 15.02.2016 № 29-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статью 33 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в части деятельности наблюдателей».

в помещении для голосования и на территории избирательного участка, участка референдума.

Действительно, по сравнению с ранее действовавшей редакцией вышеуказанного положения, согласно которой решение об отстранении того или иного члена комиссии могло быть принято участковой или вышестоящей избирательной комиссией самостоятельно, в новой редакции процедура привлечения правонарушителя к ответственности и реализации предусмотренной законом санкции значительно усложнена.

Вместе с тем, участковые избирательные комиссии в настоящее время нередко прибегают к данной мере и инициируют отстранение члена комиссии в судебном порядке, при этом в последующем, как правило, его также удаляют из помещения для голосования.

Чаще всего участковая избирательная комиссия обращается в суд вследствие совершения ее членом следующих действий: проведение фото- и видеосъемки конфиденциальной информации, предвыборной агитации, опросов в помещении для голосования; невыполнение распоряжений председателя комиссии. На практике основная масса отстранений приходится на долю членов комиссий с правом совещательного голоса.

В научной литературе отстранение члена комиссии от участия в ее работе традиционно признается мерой конституционной ответственности [1, с. 57–58; 2, с. 120; 3, с. 143–144]. Отмечая процессуальный характер нормы, закрепляющей санкцию с данной мерой, тем не менее полагаем, что для целей настоящего исследования такое позиционирование не вызывает возражений и является приемлемым.

Ряд возможных действий члена комиссии, описанных нами ранее, подпадает также и под составы правонарушений, перечисленных в отдельных положениях Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП), к примеру, в статье 5.10 (проведение предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума вне агитационного периода и в местах, где ее проведение запрещено законодательством о выборах и референдумах), статье 5.69 (вмешательство в осуществление избирательной комиссией, комиссией референдума полномочий, установленных законодательством о выборах и референдумах, либо создание помех участию избирателей, участников референдума в голосовании), статье 13.11 (нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных) и иных.

Возникает закономерный вопрос о квалификации правонарушения в части его отраслевой принадлежности: по соответствующим статьям КоАП как административного правонарушения либо в соответствии с Федеральным законом об основных гарантиях как конституционного деликта, влекущего применение такой процессуальной меры ответственности, как отстранение от работы избирательной комиссии. Также возникает вопрос о возможности применения нескольких санкций одновременно, к примеру, административ-

ного штрафа по соответствующей статье КоАП и отстранения от работы комиссии на основании судебного решения согласно пункту 12 статьи 64 Федерального закона об основных гарантиях в порядке, установленном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС).

Стоит дополнительно отметить, что уже изначально установление судом факта нарушения членом участковой избирательной комиссии законодательства о выборах и референдумах на основании норм КоАП порой вызывает у теоретиков сомнения с точки зрения соответствия отраслевой природы процессуального порядка применения мер принуждения их конституционно-правовой сущности [4, с. 36]. При этом можно встретить и иные взгляды, согласно которым для большей эффективности оправдано использование мер принуждения, предусмотренных как КоАП, так и Федеральным законом об основных гарантиях и КАС одновременно [5, с. 16]. В данном случае неизбежно возникает вопрос риска наступления двойной ответственности за одно и то же правонарушение.

В связи с этим стоит подробнее рассмотреть сущность и правовую природу самого института членов участковых избирательных комиссий (особенно с правом совещательного голоса), а также исследуемых мер ответственности различной отраслевой принадлежности.

Непосредственно для обеспечения прозрачности деятельности комиссий и соблюдения принципа равенства кандидатов и избирательных объединений последним предоставлено право назначения членов комиссий с правом совещательного голоса [6, с. 20]. При этом партийная или иная составляющая (воля кандидата или инициативной группы референдума) является характерной чертой не только механизма назначения, но и статуса членов избирательной комиссии с правом совещательного голоса, что вытекает из самого способа их назначения, природы осуществляющего такое назначение субъекта, а также из целей данного института, который, в том числе, представляет собой способ взаимодействия государства и гражданского общества в конституционном механизме обеспечения народовластия в Российской Федерации [7, с. 16]. Фактически в день голосования на избирательном участке, участке референдума присутствие члена комиссии с правом совещательного голоса в помещении для голосования, помимо прочего, отчасти имеет целью наблюдение за законностью хода избирательного процесса.

Другой немаловажной функцией указанных субъектов избирательного процесса является обеспечение реализации и защита избирательных прав граждан, осуществление подготовки и проведения выборов в статусе члена участковой избирательной комиссии как коллегиального органа. Таким образом, он не только выполняет функцию по защите интересов назначившего его кандидата, но и осуществляет защиту избирательных прав граждан в целом, участвует в организации выборов, а равно несет ответственность за данные действия [8, с. 78].

В отличие от членов избирательной комиссии с правом совещательного голоса, пребывание членов избирательной комиссии с правом решающего голоса в помещении для голосования ограничивается исключительно целями их рабочих функций в данном коллегиальном органе, что также будет нами учтено при рассмотрении вопроса удаления упомянутых субъектов из помещения для голосования.

Как показывает практика, процедура судебного разбирательства по отстранению члена участковой избирательной комиссии от ее работы завершается результатом в пользу комиссии. К примеру, в ходе муниципальной избирательной кампании 2019 года в Санкт-Петербурге решениями соответствующих районных судов были отстранены от работы 22 члена участковых избирательных комиссий². Как усредненное значение количества удалений в том или ином регионе данные показатели представляются довольно значительными, при этом в описываемом случае не исследуются административные производства, рассмотрение дел в которых было прекращено либо завершено не в пользу участковой избирательной комиссии.

Несмотря на данную статистику в пользу участковых избирательных комиссий, немаловажным представляется ряд нюансов, касающихся как общего порядка применения и реализации данной процедуры, так и порядка действий участковой избирательной комиссии.

Во-первых, одного факта составления участковой избирательной комиссией акта, в котором фиксируются нарушения, допущенные членом данной комиссии, и представления его в суд — недостаточно. Поскольку судебное разбирательство в данном случае проходит в процедурном порядке, установленном КАС, то в данном случае играет роль часть 1 статьи 62 КАС, согласно которой лица, участвующие в деле, обязаны доказывать обстоятельства, на которые они ссылаются как на основания своих требований или возражений. Значит, необходимо предоставление материалов, подтверждающих прямую причинно-следственную связь между совершенными членом комиссии действиями и наступившими негативными последствиями, помимо играющего безусловно важную роль акта о правонарушении³. Такими материалами могут быть показания свидетелей, видео- и аудиозаписи противоправного деяния.

Во-вторых, отсутствует законодательно регулируемый упрощенный порядок подачи искового заявления, дополнительных материалов, уведомления нарушителя, ведения судопроизводства для данной категории дел. Все это затрудняет и делает более продолжительной работу комиссии в данном направлении. Можно также отметить, что участковые избирательные комиссии ввиду скоротечности совершаемых действий в день голосования порой не представляют в суд оригинал составленного акта о правонарушении со сто-

² URL: http://ombudsmanspb.ru/09_09_2019_aleksandr_shishlov_sistema_vydvizhenija.html (дата обращения: 17.04.2020).

³ См., например: решения Фрунзенского районного суда Санкт-Петербурга по административным делам от 8 сентября 2019 года № 2а-7880/2019, № 2а-7881/2019, № а-7884/2019.

роны члена избирательной комиссии помимо его копии, которая судами не принимается как надлежащее доказательство (как правило, представленная копия редко бывает заверенной).

В-третьих, сам смысл судебного разбирательства исчезает после того, как член участковой избирательной комиссии, совершивший правонарушение в помещении для голосования (а оно в данном случае чаще всего бывает длящимся), покидает данное помещение для того, чтобы принять участие в судебном заседании. С указанного момента правонарушитель уже не мешает нормальному ходу избирательного процесса и не может выполнять возложенные на него обязанности.

В-четвертых, участковая избирательная комиссия и суд могут располагаться на значительном расстоянии друг от друга, что затрудняет процесс подачи искового заявления и своевременного рассмотрения дела.

В-пятых, перед участковой избирательной комиссией неизбежно возникает вопрос о возможности дальнейшего присутствия отстраненного члена комиссии в помещении для голосования в том случае, если данный субъект не желает его покидать и при этом им прекращено совершение противоправных действий.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что мера конституционной ответственности, предусмотренная пунктом 12 статьи 64 Федерального закона об основных гарантиях, прежде всего, имеет целью ограничение соответствующего конституционно-правового статуса члена избирательной комиссии, а именно лишение его возможности пользоваться корреспондирующими данному статусу правами в ходе конкретной избирательной кампании в день голосования.

Поскольку пунктом 12 статьи 64 Федерального закона об основных гарантиях не предусмотрено удаление члена избирательной комиссии с избирательного участка (в отличие от наблюдателя), он поражается в своих правах лишь в той части, которая напрямую связана с осуществлением каких-либо функций в рамках работы самой комиссии, при этом, согласно буквальному толкованию указанной правовой нормы, ему не запрещено в случае отстранения оставаться на территории помещения для голосования и осуществлять функции по «наблюдению» за избирательным процессом.

Тем не менее, зачастую после принятия судом решения о немедленном отстранении члена участковой избирательной комиссии от участия в ее работе, этот член комиссии также незамедлительно силами правоохранительных органов удаляется из помещения для голосования, что противоречит буквальному прочтению предписаний пункта 12 статьи 64 Федерального закона об основных гарантиях.

Данные действия в большинстве случаев представляются оправданными, поскольку отстранение связано с действиями члена комиссии, нарушающими нормальный ход избирательного процесса (съемка персональных данных избирателей, опрос, агитация и прочее), в то время как согласно части 11¹

статьи 64 Федерального закона об основных гарантиях председатель участковой избирательной комиссии обязан следить за порядком в помещении для голосования и предпринять все возможные действия для быстрого пресечения любых потенциально опасных, незаконных и провокационных действий со стороны участников избирательного процесса.

Вышеуказанная вариативность реализации возможности удаления справедлива в отношении членов комиссии с правом совещательного голоса. Полагаем, что в случае отстранения от работы члена участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса его удаление из помещения для голосования необходимо, поскольку иных оснований оставаться в данном помещении у него не имеется, функционально роль данного субъекта избирательного процесса исчерпана.

Целью применения норм КоАП, перечисленных нами в начале исследования, является защита установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности. В данном случае меры административной ответственности подлежат применению к члену участковой избирательной комиссии как отдельному субъекту-правонарушителю без корреляции с его статусом и принадлежностью к работе коллегиального органа.

Учитывая целевую направленность данных норм считаем, что использование как в совокупности, так и отдельно статей КоАП (чаще всего, статьи 5.69) и административного задержания (что нередко встречается на практике) недопустимо, если правонарушение было совершено членом комиссии в момент непосредственного выполнения им своих должностных обязанностей (к примеру, работы со списками избирателей) и направлено на прекращение именно этой деятельности.

Недопустимым также представляется одновременное использование меры ответственности, предусмотренной пунктом 12 статьи 64 Федерального закона об основных гарантиях, и мер ответственности, предусмотренных КоАП, в том случае, если в целях пресечения противоправной деятельности члена участковой избирательной комиссии достаточно одной из них. В данном случае определяющим является соблюдение принципа соразмерности совершенного противоправного деяния и последовавшей ответственности.

В иных случаях, учитывая важность охраняемых общественных отношений и особенность сроков избирательного процесса, вариативное применение норм различной отраслевой принадлежности может быть оправданным, однако оно возможно строго в соответствии с их целями. Для участковых избирательных комиссий в данной ситуации нет готовой и единственно правильной формулы, а принятие решения должно происходить быстро и с оценкой всех сопутствующих факторов и обстоятельств.

Подводя итог анализу всех вышеизложенных возможностей для привлечения к юридической ответственности члена комиссии за нарушение

законодательства о выборах и референдумах, сложно не отметить многообразие норм и возникающие коллизии в их применении.

На наш взгляд, такая мера конституционной процессуальной ответственности, как отстранение члена комиссии от работы данной комиссии, должна применяться только в том случае, если вследствие совершенных участником избирательного процесса деяний невозможно без вреда для нормального хода голосования его дальнейшее осуществление функций, прав и обязанностей, направленных именно на обеспечение деятельности участковой избирательной комиссии. Поскольку круг лиц, имеющих право находиться на избирательном участке с определенной целью, обозначен Федеральным законом об основных гарантиях, член комиссии с правом решающего голоса после вынесения судом решения о его отстранении должен быть удален с избирательного участка, а вопрос об удалении члена комиссии с правом совещательного голоса должен решаться дополнительно в зависимости от возможности либо невозможности его дальнейшего нахождения на участке с целью «наблюдения» за ходом избирательного процесса без ущерба для порядка на данном избирательном участке, участке референдума. В иных случаях применению подлежат соответствующие нормы КоАП с возможным последующим удалением нарушителя из помещения для голосования в целях пресечения осуществления им противоправной деятельности, не связанной с осуществлением функций, направленных на обеспечение деятельности участковой избирательной комиссии.

Поскольку процесс обращения участковой избирательной комиссии в суд и самого судебного разбирательства требует определенных затрат времени и ресурсов, целесообразно применять такую предварительную меру, как вынесение в адрес нарушителя со стороны комиссии предупреждения о недопустимости нарушения законодательства о выборах и референдумах в порядке пункта 5¹ статьи 20 Федерального закона об основных гарантиях. В настоящее время данная мера применяется комиссиями крайне редко, хотя ввиду особенностей сроков в избирательном процессе и загруженностью комиссий в день голосования, может быть довольно эффективной. При этом в целях потенциально возможного использования данного факта в судебном разбирательстве предупреждение целесообразно оформлять в виде отдельного акта комиссии.

Поскольку, согласно действующей редакции пункта 5¹ статьи 20 Федерального закона об основных гарантиях, предупреждение может быть вынесено только кандидату, избирательному объединению, инициативной группе по проведению референдума, предлагается расширить круг субъектов, на которых данная норма может распространяться, изложив указанный пункт в следующей редакции: «5.1. В случае нарушения настоящего Федерального закона соответствующая комиссия вправе вынести в адрес лица, совершившего нарушение, предупреждение, которое оформляется в

виде решения комиссии и доводится до сведения избирателей, участников референдума через средства массовой информации либо иным способом.».

Таким образом, вопросы реализации такой процессуальной меры ответственности, как отстранение члена участковой избирательной комиссии от участия в ее работе, а равно вопросы соотношения данной меры с мерами, предусмотренными отраслью административного права, нуждаются в дальнейшем теоретическом осмыслении, совершенствовании как законодательной регламентации, так и практического применения.

Список литературы

1. Астафичев П.А. Конституционно-правовая ответственность субъектов избирательных правоотношений // Право и власть. 2001. № 1. С. 57–58.
2. Кондрашев А.А. Избирательно-правовая ответственность в российском конституционном праве. Актуальные проблемы российского права. 2016. № 6 (67). С. 112–123.
3. Матейкович М.С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов. 2003. 452 с.
4. Кичатов Н.В., Шишкина О.Е. И вновь об удалении наблюдателей из помещения для голосования: проблемы правовой природы и порядка реализации (с учетом опыта избирательной кампании 2016 года) // Избирательное законодательство и практика. 2016. № 4. С. 33–37.
5. Аргамошкин М.Н., Чистобородов И.Г. Об удалении наблюдателей и иных лиц, нарушающих закон о выборах, референдумах, из помещения для голосования в порядке, установленном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации и Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях // Избирательное законодательство и практика. 2016. № 2. С. 13–16.
6. Миронов Н.М. Конституционно-правовая институционализация системы избирательных комиссий в свете международных стандартов // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 10. С. 19–23.
7. Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Демократия и управление избирательным процессом: отечественная модель // Журнал российского права. 2011. № 11. С. 5–20.
8. Верзилина И.Г. К вопросу о совершенствовании правового статуса членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 2. С. 75–79.

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР В УСЛОВИЯХ РЕФЕРЕНДУМА КАК ПАРТИЦИПАТИВНОГО МЕХАНИЗМА ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

***Аннотация.** В данной статье рассматривается влияние социально-экономических, политических и иных факторов на электоральный выбор и формирование общественного мнения на референдумах. Институт референдумов рассматривается как передовой механизм современного государственного управления, который носит в себе основные характеристики партисипативности. Рассматривая референдумы в ключе трансформаций парадигмы современного публичного управления, важно изучать возможность влияния или каких-либо манипуляций с общественным мнением и как итог — общественным выбором. Материалы и методы исследования заключаются в изучении зарубежной и отечественной литературы в сфере проведения референдумов и влиянии стейкхолдеров на электоральный выбор в рамках исследуемых актов партисипативного государственного управления. В рамках исследования были рассмотрены конкретные референдумы, имевшие место быть в странах с развитой демократической практикой и имеющих институциональную схожесть с Российской Федерацией.*

***Ключевые слова:** актор, государственное управление, референдум, стейкхолдеры, управление, электоральный выбор, электорат.*

FACTORS OF INFLUENCE ON ELECTORAL CHOICE IN A REFERENDUM AS A PARTICIPATORY MECHANISM OF PUBLIC ADMINISTRATION

***Abstract.** This article discusses the impact of socio-economic, political and other factors on the electoral choice and the formation of public opinion in referenda. The Institute of Referendums is considered as the advanced mechanism of modern public administration, which carries the main characteristics of participativeness. Considering the referenda in terms of transformations of the paradigm of modern public administration, it is important to study the possibility of influence or any manipulations with public opinion and, as a result, public choice. Materials and methods they consist in the study of foreign and domestic literature in the field of referenda and the influence of stakeholders on the electoral choice in the framework of the investigated acts of participatory state administration. Results of*

research pacific referenda that took place in countries with developed democratic practices and having institution similarities with the Russian Federation were examined.

Keywords: actor, public administration, referendum, stakeholders, management, electoral choice, electorate.

К постановке проблемы

Референдум как одна из старейших форм непосредственной демократии представляет собой прямое участие граждан в обсуждении любого нормативно-правового акта или любых других «делах особой важности» так, что государство должно принимать во внимание мнения граждан перед принятием решения. Данный инструмент непосредственной демократии подразумевает сосуществование суверенных представительных органов (собраний) и процедуры прямого народного вмешательства в решение государственных вопросов [1].

Несмотря на большое количество положительных характеристик институтов прямого волеизъявления граждан, существует серьезная проблема в виде различных факторов, способных влиять на электоральный выбор и приводить к процессам манипулирования общественным мнением и, соответственно, принятию решений, не поддерживаемых большинством. Кроме этого мы сталкиваемся с практикой использования неэтичных и дискредитированных в глазах общественности инструментов управления общественным мнением, способных нанести непоправимый вред по уязвимым слоям населения и привести к их маргинализации, что в дальнейшем, во-первых, может отражаться на всей общественности и, во-вторых, стать очередной преградой на пути к становлению гражданского общества. Изучение факторов влияния на общественный выбор, их классификация и создание в будущем механизмов по их контролю либо предотвращению является на сегодняшний день одной из общественно и политически важных проблем. Референдум как средство представительной демократии способен стать желанным и необходимым дополнением к процессам принятия решений в условиях нынешнего кризиса доверия избирателей к политическим институтам и политическим партиям. По своим характеристикам референдумы могут быть отнесены к механизмам партисипативного управления; они являются составной частью современного публичного управления благодаря созданию практики со-управления [2; 3].

Целью данной статьи является анализ влияния внешних и внутренних факторов на общественный выбор на референдумах. Для ее достижения поставлен ряд задач: проанализировать зарубежный опыт проведения референдумов и выявить факторы, влияющие на выбор акторов; дать авторскую классификацию явлений, сказывающихся на выбор избирателей.

Объектом исследования выступает электоральный выбор граждан, а предметом — изучение факторов, влияющих на этот выбор на референдумах.

Методология исследования заключается в изучении зарубежной и отечественной литературы в сфере проведения референдумов и воздействии стейкхолдеров (заинтересованных сторон) на электоральный выбор в рамках исследуемых актов партисипативного государственного управления. Рассматриваются конкретные референдумы, имевшие место в странах с развитой демократической практикой, обладающих институциональную схожесть с Российской Федерацией.

Анализ зарубежного опыта

Институты прямых демократических процессов в виде референдумов создают почву для становления гражданского общества и развивают институт соучастия в государственном управлении. То есть индивиды наделяются полномочиями, сопоставимыми с полномочиями общественных институтов или государства. Тем самым создается практика, когда актор встает в один ряд с государством или институтами гражданского общества, что объясняется антропосоциетальностью (сочетанием трех неразрывных компонентов — взаимодействующих индивидов, культуры и социальности) современного общества [4; 5]. Частые избирательные процессы и высокий уровень электоральной активности повышают осведомленность, эффективность и уровень участия в политической жизни и даже общий уровень счастья граждан. Хотя известны исследования, доказывающие прямое влияние результатов референдума на «стресс меньшинства», который в свою очередь может привести к негативным последствиям для психического здоровья населения. Существует мнение, что особенно чувствительным отношением к институтам голосования и референдумов отличаются маргинализованные группы населения и разного рода меньшинства. Процент самостигматизированного населения в данном случае уменьшается в зависимости от уровня развития социальной структуры государства и уровня оказываемой информационной и психологической помощи [6; 7; 8; 9].

Считается, что иногда правительства используют свой контроль над референдумами, чтобы не высказываться по сложным вопросам. Но практика показывает, что попытки подобного контроля чаще терпят неудачи. Практикой использования референдумов в манипулятивных целях пользуются также политические партии. Примером может служить семь референдумов на национальном уровне, организованных в посткоммунистической Румынии в период с 1991 по 2012 годы. Они в основном использовались в качестве избирательных стратегий в целях легитимации или для увеличения популярности инициаторов и их основных сторонников. В отдельных случаях референдумы были ориентированы на других конкурентов [10; 11; 12]. Поэтому важно наладить независимую и самостоятельную работу избирательной системы, которая сможет исключить политически негативное влияние или ввод в заблуждение населения.

В большинстве случаев избиратели голосуют на референдумах исходя из курса и интересов поддерживаемой ими партии, ставя на второй план собственное мнение. Данный вывод может подтвердить исследование, проведенное в 2012 году во Франции, где избирателям было предложено выбрать вариант системы голосования, который, по их мнению, больше подходит для государства. Результаты эксперимента говорят о том, что избиратели предпочитают системы голосования, более выгодные для поддерживаемого ими кандидата, партии или политической силы. Это может объяснить низкий уровень политических знаний у электората, — граждане попросту не знают, как голосовать по выдвинутому вопросу, и доверяют свой выбор компетентным, по их мнению, партиям, которых они поддерживают [13; 14; 15].

Хотя политические партии по-прежнему являются ключевыми участниками кампаний по проведению референдума, ряд факторов ослабляет их позиции. Неоднозначная реплика, внутреннее несогласие, избирательная нестабильность и ограниченное влияние на первичные источники информации граждан снижают влияние политических партий. Крупные центристские политические партии не обладают достаточными мобилизационными ресурсами для побуждения избирателей следовать рекомендациям партии, в то время как немногочисленные по составу, но идеологически сильные партии оказываются более успешными в идентификации своих избирателей с партийной политикой [16].

Прямая демократия позволяет гражданам контролировать волю своих избранных представителей. Тем не менее, хотя электорат имеет решающее право голоса на референдумах, политические партии находятся в привилегированном положении, так как они могут влиять на восприятие избирателями вопроса в бюллетене. Основными поставщиками информации в кампаниях референдумов являются политические партии, которые способны воздействовать на формирование электорального мнения или электоральной неопределенности, посредством механизмов влияния на составление формулировки вопроса, выносимого на референдум [17].

Стоит отметить наличие, во-первых, зависимости между социально-экономическими характеристиками и социальными ценностями голосующих и их выбором, во-вторых, особенностей большого количества голосующих из средних слоев населения страны. Сохраняется взаимосвязь между социально-экономическим статусом и участием в выборах, — самые богатые и самые бедные реже участвуют в электоральных процессах [18; 19].

Различные исследователи склонны по-разному толковать итоги референдумов. Так, одни исследователи Британского референдума 2016 года (Брексит) приводят ряд факторов, влияющих на выбор голосующих, — образование, возраст, иммиграция и этническое разнообразие [20], а по итогам анализа других моментов наибольшее влияние на выбор голосующих оказали познания на основе идентичности [21].

Исследователи Конституционного референдума 2016 года, состоявшегося в Италии, указывают на то, что выбор электората на голосовании можно объяснить как систематическим, так и эвристическим способами обработки информации. Согласие респондентов с содержанием реформы (систематический режим) и положительная оценка кабинета Маттео Ренци (эвристический режим) сыграли наибольшую роль в процессе формирования выбора голосующих [22].

Положительная или негативная позиция публичных лиц, правительства, политиков и политических партий имеет большое влияние на выбор избирателей, так как они ориентируются на мнение авторитетов. Важно отметить, что здесь имеется в виду не позиция поддерживаемой избирателем политической силы по вопросу референдума, а мнение авторитетных лиц (с точки зрения избирателя) по тем или иным вопросам [23].

Образованная часть населения, разбирающаяся в политических, социально-экономических процессах и социетальных трансформациях, может руководствоваться затратами и выгодами альтернативных результатов голосования и общей ориентации на риск при выборе той или иной позиции, вынесенной на референдум. В электоральных процессах политическая система страны и ее институциональная обстановка имеют весомое значение для выбора населения. Следовательно, формирование общественного мнения сильно зависит от данных факторов. Население может более доверительно относиться к вопросам, с которыми оно сталкивается в повседневной деятельности и чувствует к ним институциональную близость. Исходя из этого и формируются движения «да» или движения «нет» [24; 25].

В эпоху информации весомое воздействие на выбор электората и даже на выставляемые на референдум вопросы оказывают средства массовой информации [26]. Так же значимо и влияние социальных сетей на формирование общественного мнения относительно того или иного вопроса, так как в актуальной действительности население уделяет все больше внимания виртуальному общению и чаще сталкивается с контентом, преподносимым на площадках данного рода.

В последние годы сайты социальных сетей стали одним из важнейших медийных каналов для предвыборных кампаний. Это создает обеспокоенность из-за низкого уровня государственного контроля над их информационным содержанием. Распространяя информативные и мобилизующие сообщения, эти сети могут способствовать негативному развитию социально-политических факторов, которые вызывают тревогу и отражаются на распространении дезинформации, разрыве информации и политической поляризации. Создается ситуация, где онлайн-рейтинги, «троллинг» и логика волатильности управляют общественным сознанием и манипулируют формированием общественного мнения. В современном мире репутационная война протекает не только между противоборствующими кандидатами, но и вопросами, предоставляемыми на общественное решение [27; 28; 29].

Несмотря на существующие отрицательные стороны использования социальных сетей в электоральных процессах, посредством онлайн-общения и сетевого контента увеличивается общая электоральная активность населения и политическое участие в целом. Данное обстоятельство особенным образом отражается на настроениях молодежи и является для нее стимулирующим фактором к политическому участию. Молодые люди более подвержены влиянию интернет-блогов в процессе формирования своего личного мнения относительно того или иного вопроса, что сказывается на их выборе при участии на референдумах и голосованиях [30; 31; 32].

В данном контексте особое влияние на общественный выбор приобретает использование государственного присутствия в Интернете. Использование электронных механизмов государственного управления может иметь серьезное воздействие на формирование общественного мнения. Как отдельную технологию, способную влиять на общественный выбор на референдуме, можно выделить институт онлайн-голосований и опросов по важным для общества вопросам с открытой публикацией результатов исследования. Практика опубликования результатов способна в дальнейшем сильно повлиять на участников выборов, зависящих от общественного мнения, и тем самым навредить выявлению реального общественного выбора и уровня социальной поддержки на референдуме. Практика онлайн-голосований по важным для общества вопросам показывает количество граждан, высказывающихся «за» тот или иной вопрос, его рассмотрение, решение, и людей, выступающих «против». Она демократична и демонстрирует мнение большинства [33], по крайней мере, активного большинства, которое ориентировано на участие в общественной жизни. Существует мнение, что подобная практика возникла вследствие кризиса представительной демократии, а плебисцитарные методы прямой демократии в большинстве своем служат в роли манипулятивных механизмов в руках правых политических организаций и растущего числа популистов [34]. Отчасти, это является правдой, но прибегать к тем или иным демократическим механизмам может любая политическая сила или любое движение. На данный момент эта технология зарекомендовала себя как действенный партисипативный механизм, выражающий прямое мнение большинства акторов и оказывающий воздействие на настроение колеблющихся и общественно зависимых граждан.

Онлайн-голосования и опросы по важным проблемам похожи по своим намерениям на референдумы и институты гражданского плебисцита. Тем самым они являются одним из испытанных партисипативных, демократических практик в современной интерпретации с широким использованием всевозможных информационных технологий. Практика подобного участия, как правило, предполагает вовлечение большего круга акторов и привлечение общественно малоактивных групп граждан (молодежи, лиц с ограниченными возможностями жизнедеятельности) к гражданскому присутствию благодаря внедрению более удобных форм участия. Примечательно, что

партиципативные технологии из групп онлайн-голосований референдумов и других процессов, отражающих прямой выбор, более предпочтительны для граждан [35] и пользуются большей популярностью, чем другие, более консультативные технологии.

В отличие от голосований, некоторые партиципативные технологии могут двояко отражать выбор акторов. На наш взгляд, самыми закрытыми технологиями изучения общественного мнения по линии электронной партиципативности являются социологические исследования. Эта логика прослеживается с момента формулировки вопросов до предоставления аргументации общественного выбора и составления отчетов по их итогам. Последние опросы доказывают гипотезу о влиянии руководства на данные исследования общественного мнения [36; 37; 38].

Некоторые исследователи отмечают падение доверия населения по отношению к социологическим исследованиям и предлагают запретить их публикацию с целью предотвращения манипуляций с гражданским сознанием [39].

Принимая во внимание эти моменты, можно сделать предположение о дискредитации подобных технологий в обществе. Их целесообразно было бы использовать для внутренних (закрытых) исследований деятельности органов власти, а от публичного обнародования их результатов воздержаться.

Еще одной возможностью косвенного влияния государства на общественный выбор можно назвать технологии закрытой (непубличной) обратной связи граждан с платформами электронного правительства (частное обсуждение личных вопросов, предложений, претензий и т.д.), которая дает государству возможность изучить вопросы, интересующие акторов, и возможные проблемы, возникающие в процессе их реализации. Здесь кроме обеспечения прямого влияния на граждан посредством предоставления авторитетного государственного мнения образуется возможность собирать и классифицировать важную информацию для дальнейшего выстраивания государственной политики с учетом предпочтений граждан. А это может дать некоторым стейкхолдерам преимущество при формулировке вопросов, выносимых на референдум, и получить общественное одобрение, манипулируя полученными данными.

Другой возможностью влияния государства на электоральный выбор является комплексный анализ пользовательской активности граждан (комментарии, лайки, посещения, обсуждения, опросы, онлайн-голосования, обратная связь и т.д.) на платформах электронного правительства. Сбор данных способен напрямую отражать общественный выбор и предоставлять возможности влияния на него. Этот механизм по сути предполагает сбор и анализ личной информации, — с этически-юридической точки зрения акторы должны быть предупреждены об этом, к тому же необходимо их согласие на обработку личных данных. Сбор и анализ информации, как правило, обходится без ручной обработки и вся их обработка происходит

посредством информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), что, в свою очередь, дает возможность оперативного воздействия на общественный выбор.

Исследования, посвященные значению средств массовой информации для акторов, привели к довольно противоречивым выводам: использование средств массовой информации уменьшает знания и вовлеченность, способствует политическому цинизму и снижению явки избирателей; и в то же время благоприятствует обучению, участию в политической жизни, доверию, эффективности и мобилизации.

Надо сказать, что в большинстве случаев подтверждается гипотеза двойного эффекта: регулярный просмотр телевизионных новостей на государственных каналах оказывает положительное влияние на познавательную способность, эффективность и явку, тогда как предпочтение коммерческих телевизионных новостей может иметь отрицательные последствия [40].

Анализ и классификация данных

Анализ зарубежной и отечественной литературы показывает множество факторов, влияющих на электоральный выбор на референдумах. Данная информация способна представить нам общую картину факторов влияния и помочь разработать авторскую классификацию по наиболее ключевым на наш взгляд факторам.

Растущий уровень внедрения новых технологий и динамично развивающиеся реалии требуют своевременного ответа политических сил на предстоящие вызовы. Важно вовремя и правильно сформировать инструмент, который в дальнейшем окажет необходимое воздействие на электорат. Условно можно классифицировать факторы влияния на электоральный выбор по характеру сбора информации для их формирования: автоматизированные (ИКТ) и традиционные (фокус группы, эксперты, опросы и т.д.).

Политические силы имеют различный уровень общественного одобрения и поддержки. Формирование имиджа требует различную работу для различных организаций, исходя из их нужд и сложившихся реалий. Для граждан важно, кто представляет политическую идею. Исходя из этого они и принимают свое решение. Можно классифицировать факторы влияния по признаку представительства политического курса предлагаемого политической силой («лицо кампании») следующим образом: авторитетные политические деятели; публичные лица, не имеющие отношения к политике; политическая сила как общность.

Опыт показывает, что несмотря на высокий уровень влияния политических сил на принятие гражданами решения по тому или иному вопросу, более образованные акторы выбирают «свой путь», где они руководствуются личным опытом, мироощущениями либо иными факторами, способными повлиять на их выбор. Важной является классификация по признаку расстановки приоритетов актора, где выбор осуществляется, исходя из поддержки

одобряемой политической силы и в соответствии с мироощущениями и предпочтениями акторов.

Международный опыт показывает, что граждане очень чувствительны к политическим решениям и остро воспринимают попытки влияния на их выбор. Отталкиваясь от вышесказанного, можно ввести категоризацию по признаку общественного отношения к средствам влияния на выбор акторов: инструменты, дискредитированные общественностью; инструменты, принимаемые общественностью.

В дальнейшем акторы, которые чувствуют на себе влияние различных политических инструментов или последствия принятия решений под влиянием тех или иных факторов, испытывают «стресс меньшинства» и подвергаются стигматизации или самостигматизации. На этот случай классификация уровня влияния факторов управления общественным выбором на маргинализацию акторов может быть такой: нейтральные; маргинализирующие; демаргинализирующие.

Развитие современных технологий и переход в онлайн-плоскость многих общественно важных каналов коммуникации создали возможности для неэтичных способов влияния на общественный выбор, которые можно классифицировать по уровню публичности инструментов влияния на электоральный выбор: открытые инструменты влияния (митинги, дискуссии и т.д.); закрытые инструменты влияния (обработка личных данных, анализ пользовательской активности и т.д.).

Современные акторы нередко проявляют чувствительность и к социальным изменениям и критично относятся к их последствиям. Политические решения, принимаемые всенародно, но с минимальным учетом интересов меньшинств или вовсе без такового, приводят к маргинализации уязвимых социальных групп. Заметим, что граждане с течением времени и с развитием общественных институтов становятся политически более разборчивыми и склонными к принятию решения в соответствии с собственным опытом и своими интересами, хотя, как правило, преобладающее влияние политических сил в народных массах сохраняется.

Анализируя перечисленные факторы, влияющие на формирование общественного мнения и общественного выбора в электоральных процессах, можно сделать вывод о необходимости усиления работы государства в сфере контроля информации и создания формулировок вопросов, выносимых на народный плебисцит.

Развитие современных технологий и переход многих отношений в электронное пространство приводит к развитию непубличных (закрытых) инструментов влияния на электоральный выбор, что дает правительству или политическим силам дополнительные возможности для манипулирования общественным мнением. Они, в отличие от публичных инструментов, опасны с этической точки зрения и угрожают целостности права акторов на личную жизнь. Данные инструменты сложнее отследить, труднее призвать к

ответственности и политические силы, которые их используют. По нашему мнению, широкое развитие ИКТ и его активное внедрение в политические процессы требуют развития активной государственной политики в этой сфере. Существует необходимость разработки государственной стратегии защиты права граждан на личную информацию, которая всячески ставится под удар.

Политические силы активно используют социальные сети и различные интернет-ресурсы, которые контролируются гражданскими активистами, не имеющими полномочий на применения санкций за возможные нарушения; они могут лишь сообщать об этом в органы власти либо добиваться общественного резонанса. Ситуация может быть исправлена только в том случае, если государство займется активным мониторингом социальных сетей и интернет-ресурсов политического характера. Подобный мониторинг может проводиться на платформе ЦИК России с предоставлением ей соответствующих ресурсов и полномочий.

Нами же предлагается воспользоваться таким партисипативным средством, как публичные гражданские обсуждения, способные дать возможность различным социальным группам высказаться по интересующим их вопросам и вносить различные предложения, которые в дальнейшем могут быть приняты большинством. Такой инструмент способен снизить влияние политических сил на общественное мнение и дать гражданам возможность активно высказываться по интересующим их вопросам.

* * *

Население любой страны сильно подвержено влиянию множества внешних и внутренних факторов, которые могут привести нежелательным результатам на референдумах и, как итог, принятию решений, не отражающих выбор людей. Обычно подобные факторы являются следствием целенаправленных манипулятивных действий со стороны тех или иных стейкхолдеров.

Динамично развивающийся мир и непрерывные социетальные трансформации приводят к постоянному изменению инструментов воздействия на электоральный выбор. Исходя из этого, полагаем, что деятельность в сфере контроля политических сил должна вестись безостановочно и с учетом развития и появления негативных политических технологий, так как манипулятивные процессы напрямую влияют на развитие общества и государства, и в то же время акторы, уверенные в прозрачности политических процессов, более доверительно относятся к государству.

Список литературы

1. Dibra B. Referendum as a constitutional right of citizen participation in Albania // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. № 2. P. 73–78.
2. Toplak C. A complement or a threat to representative democracy // *Teorija in Praksa*. 2012. № 4. P. 733–752.

3. Мартынова С.Э. «Сервисная» модель муниципального управления в социологической интерпретации. СПб.: Социально-гуманитарное знание, 2015. 346 с.
4. Потехин В.А. Развитие взаимодействия государства и гражданского общества как условие модернизации управленческой деятельности // Власть. 2010. № 8. С. 59–64.
5. Martynova S. Modern Russian society in the context of anthroposocietal approach // Annals of Anthropological Practice. 2018. №42. P. 19–28
6. Dyck J. Initiated distrust: Direct democracy and trust in government // American Politics Research. 2009. № 4. P. 539–568.
7. Frost D. Hostile and harmful: Structural stigma and minority stress explain increased anxiety among migrants living in the United Kingdom after the Brexit referendum // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 2020. № 1. P. 75–81.
8. Flores A. Identifying psychological responses of stigmatized groups to referendums // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2018. № 15. P. 3816–3821.
9. Evans-Lacko S., Brohan E., Mojtabai R., Thornicroft G. Association between public views of mental illness and self-stigma among individuals with mental illness in 14 European countries // Psychological Medicine. 2012. № 8. P. 1741–1752.
10. Setälä M. On the problems of responsibility and accountability in referendums // European Journal of Political Research. 2006. № 4. P. 699–721.
11. Qvortrup M. Are referendums controlled and pro-hegemonic? // Political Studies. 2000. № 4. P. 821–826.
12. Gherghina S. Hijacked direct democracy: The instrumental use of referendums in Romania // East European Politics and Societies. 2019. № 3. P. 778–797.
13. Aimer, P., Miller R. Partisanship and principle: Voters and the New Zealand electoral referendum of 1993 // European Journal of Political Research. 2002. № 6. P. 795–809.
14. Blais A., Laslier J., Poinas F., Van Der Straeten K. Citizens preferences about voting rules: self-interest, ideology, and sincerity // Public Choice. 2015. № 3, 4. P. 423–442.
15. Hobolt S. Taking cues on Europe? Voter competence and party endorsements in referendums on European integration // European Journal of Political Research. 2007. № 2. P. 151–182.
16. De Vreese C. Political parties in dire straits?: Consequences of national referendums for political parties // Party Politics. 2006. № 5. P. 581–598.
17. Hobolt S. How parties affect vote choice in European integration referendums // Party Politics. 2006. № 5. P. 623–647.
18. Rimbau G., Stillman S., Boe-Gibson G. What determines preferences for an electoral system? Evidence from a binding referendum // View at Publisher. 2020. DOI: 10.1007/s11127-019-00770-9.
19. Fatke M. Participation and political equality in direct democracy: Educative effect or social bias // Swiss Political Science Review. 2015. № 1. P. 99–118.
20. Goodwin M., Heath O., The 2016 Referendum, Brexit and the Left Behind: An Aggregate-level Analysis of the Result // Political Quarterly. 2016. № 3. P. 323–332.

21. Swami V., Barron D., Weis L., Furnham A. To Brexit or not to Brexit: The roles of Islamophobia, conspiracist beliefs, and integrated threat in voting intentions for the United Kingdom European Union membership referendum // *British Journal of Psychology*. 2018. № 1. P. 156–179.
22. Negri F., Rebesi E. Was Mattarella worth the trouble? Explaining the failure of the 2016 Italian constitutional referendum // *Rivista Italiana di Scienza Politica*. 2018. № 2. P. 177–196.
23. Di Mauro D. Memoli V. Targeting the government in the referendum: The aborted 2016 Italian constitutional reform // *Rivista Italiana di Scienza Politica*. 2018. № 2. P. 133–154.
24. Clarke H., Kornberg A., Stewart M. Referendum Voting as Political Choice: The Case of Quebec // *British Journal of Political Science*. 2004. № 2. P. 345–355.
25. Neijens P., Van Praag P. The dynamics of opinion formation in local popular referendums: Why the dutch always say no // *International Journal of Public Opinion Research*. 2006. № 4. P. 445–462.
26. Bowler S., Donovan T. Do voters have a cue? Television advertisements as a source of information in citizen-initiated referendum campaigns // *European Journal of Political Research*. 2002. № 6. P. 777–793.
27. Lee H. Voters' involvement, attitude, and confidence in the era of new media // *Palgrave Communications*. 2020. № 1. P. 1. [Электронный ресурс] URL: https://ideas.repec.org/a/pal/palcom/v6y2020i1d10.1057_s41599-019-0368-9.html
28. Gil de Zúñiga H., Chen H. Digital Media and Politics: Effects of the Great Information and Communication Divides // *Journal of Broadcasting and Electronic Media*. 2019. № 3. P. 365–373.
29. Rosamond E. From Reputation Capital to Reputation Warfare: Online Ratings, Trolling, and the Logic of Volatility // *Theory, Culture and Society*. 2020. № 2. P. 105–129.
30. Chan M., Chen H., Lee, F. Examining the roles of mobile and social media in political participation: A cross-national analysis of three Asian societies using a communication mediation approach // *New Media and Society*. 2017. № 12. P. 2003–2021.
31. Holt K., Shehata A., Strömbäck J., Ljungberg E. Age and the effects of news media attention and social media use on political interest and participation: Do social media function as leveller? // *European Journal of Communication*. 2013. № 1. P. 19–34.
32. Gil De Zúñiga, H., Puig-I-Abril, E., Rojas H. Weblogs, traditional sources online and political participation: An assessment of how the internet is changing the political environment // *New Media and Society*. 2009. № 4. P. 553–574.
33. Folkestad B., Klausen J., Saglie J., Seggaard S. When do consultative referendums improve democracy? Evidence from local referendums in Norway // *International Political Science Review*. 2019. DOI: 10.1177/0192512119881810
34. Offe C. Referendum vs. Institutionalized Deliberation: What Democratic Theorists Can Learn from the 2016 Brexit Decision // *Daedalus*. 2017. № 3. P. 14–27.
35. Rojon S., Rijken A., Klandermans B. A Survey Experiment on Citizens' Preferences for 'Vote-Centric' vs. 'Talk-Centric' Democratic Innovations with Advisory vs. Binding Outcomes // *Politics and Governance*. 2019. № 2. P. 213–226.

36. SteelFisher G. Including the public perspective in health-related MCDA: ideas from the field of public opinion research and polling // Cost Effectiveness and Recourse Allocation. 2018. Т. 16. Article № 39. [Электронный ресурс] URL: <https://resourceallocation.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12962-018-0123>
37. Ganzer-Ripoll J., Criado N., Lopez-Sanchez M., Parsons S., Rodriguez-Aguilar J. Combining Social Choice Theory and Argumentation: Enabling Collective Decision Making // Group Decision and Negotiation. 2019. № 1. P. 127–173.
38. Li X. Research on the Time, Degree and Effect of Public Opinion Guidance // 2018 International Workshop on Advances in Social Sciences. 2019. DOI: 10.25236/iwass.2018.100
39. Yáñez, J. Reviewing the theory and practice of political surveys. What some masters taught us // Revista Espanola de Sociologia. 2017. № 3. P. 139–146.
40. Aarts K., Semetko H. The divided electorate: Media use and political involvement // Journal of Politics. 2003. № 3. P. 759–784.

А.В. МАНОЙЛО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ В XXI ВЕКЕ: ФОРМЫ И МЕТОДЫ БОРЬБЫ

Баранов В.П., Журавель В.П. 2016. Противодействие терроризму.
Москва: Ред. журнала «На боевом посту». 2018. 408 с.

Аннотация. Настоящая рецензия посвящена монографии сотрудников и экспертов Института Европы РАН В.П. Баранова и В.П. Журавеля «2016. Противодействие терроризму». Авторы монографии на высоком системном уровне, в хронологическом порядке раскрывают проблемы противодействия терроризму в России и мире в 2016 году. При этом подробно анализируется деятельность правоохранительных органов, спецслужб, институтов гражданского общества, Воздушно-космических сил Вооруженных Сил России и антитеррористической коалиции западных стран в Сирии против запрещенной в Российской Федерации международных террористических организаций. Значительное внимание уделяется антитеррористической деятельности Росгвардии. Многочисленные факты, сведения, справочные данные, сопровождающие анализ процессов борьбы с терроризмом, делают монографию интересной и чрезвычайно полезной не только для студенческой и аспирантской аудитории, но и для уже состоявшихся специалистов, имеющих опыт научно-исследовательской и организационно-практической работы в указанной сфере.

Ключевые слова: международный терроризм, борьба с терроризмом, политика, политические конфликты, дипломатия, миротворчество, глобализация, идеология, безопасность.

THE INTERNATIONAL TERRORISM IN XXI CENTURY: FORMS AND METHODS OF FIGHT

[Review of the book: Baranov V.P., Zhuravel V.P. 2016. Countering Terrorism.
Moscow: Ed. of the magazine "At the fighting post", 2018. 408 p. (in Russ.)]

Abstract. This review is devoted to a monograph by V.P. Baranov and V.P. Zhuravel "2016. Countering Terrorism". The authors of the monograph at a high system level, in chronological order, reveal the problems of countering terrorism in Russia and the world in 2016. At the same time, the activities of law enforcement agencies, special services, civil society institutions, the Aerospace Forces of the Russian Armed Forces, the antiterrorist coalition of Western countries in Syria against the Islamic State, an international terrorist organization banned in the Russian Federation, are analyzed in detail. Considerable attention is paid

МАНОЙЛО Андрей Викторович — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН, г. Москва

to the anti-terrorism activities of the Russian Guard. Numerous facts, information, and reference data accompanying the analysis of the processes of combating terrorism make the monograph interesting and extremely useful not only for students and graduate students, but also for already established specialists with experience in research and organizational and practical work in this field.

Keywords: *international terrorism, the fight against terrorism, politics, political conflicts, diplomacy, peacemaking, globalization, ideology, security.*

Монография экспертов Института Европы (ИЕ) РАН В.П. Баранова и В.П. Журавеля [1] выполнена на тему, актуальную как в научно-теоретическом, так и в практическом плане. Терроризм является одной из главных и наиболее опасных угроз безопасности и суверенитету Российской Федерации, а борьба с ним — одним из основных направлений государственной политики по обеспечению национальной безопасности.

За последние несколько десятилетий террористические организации не только вышли на международный уровень и обрели по-настоящему транснациональный характер, но и стали структурно более сложными сетевыми сообществами. В их пространственно-распределенной структуре, помимо множества центров управления, появились конспиративные ячейки, каждая из которых отвечает за террористическую активность в собственном «домашнем» регионе. Ликвидация любой из них теперь не дает гарантии выхода на центр управления террористической деятельностью, о существовании которого главари ячеек знают только из сообщений связников: в случае возникновения опасности для одной из ячеек связи с ней легко рвутся. Террористические организации пятого поколения в дополнение к сетевой структуре формируют на захваченных территориях органы военно-гражданской администрации, превращая эти территории в «провинции» («вилаяты») самопровозглашенных «исламских государств». Такие «провинции» возникают сегодня по всему миру.

Для России в 2000-х годах терроризм стал серьезным испытанием на прочность для всей системы государственной власти и управления включая правоохранительные органы и спецслужбы. Уже тогда он стал приобретать интернационализированный (международный) характер, связанный со сращиванием местных экстремистских группировок с террористическими организациями, действующими за рубежом, и с проникновением на территорию Российской Федерации эмиссаров и агентов международных террористических организаций. Первоначально это были эмиссары «Аль-Каиды» и родственных ей «зонтичных» террористических группировок, а затем и «Исламского государства» (ИГИЛ)¹. Террористические структуры стали предпринимать попытки «влиять на политические процессы в нашей стране, прикрываясь этнополитическими и религиозными лозунгами» [1, с. 3]. Эти процессы, на определенном этапе начавшие угрожать самому

¹ Террористические организации, запрещенные на территории Российской Федерации.

существованию Российской Федерации, «стали для руководства страны, руководителей правоохранительных органов и специальных служб основой для принятия срочных, кардинальных решений по укреплению национальной безопасности государства, созданию общегосударственной системы противодействия терроризму» [1, с. 4].

В организационном плане это нашло свое воплощение в решении об образовании Национального антитеррористического комитета (НАК), созданного в соответствии с Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» и федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Создание НАК обусловили такие фундаментальные факторы, как «расширение географии терроризма и интернациональный характер террористических организаций, повышение уровня организованности террористической деятельности, создание крупных террористических формирований с развитой инфраструктурой, стремление субъектов террористической деятельности завладеть оружием массового поражения, попытки использования терроризма как инструмента вмешательства во внутренние дела государств» [1, с. 4]. Деятельность НАК с самого начала была выстроена с учетом накопленного передового опыта и наиболее эффективных методов борьбы как с проявлениями терроризма и экстремизма, так и с их идеологией. Эффективность именно такого подхода к организации борьбы с терроризмом (координацию антитеррористической деятельности НАК) подтвердила сама жизнь: страна, в 2002–2005 годах буквально содрогавшаяся от множественных терактов (особенно в Северо-Кавказском регионе), в последующие годы практически полностью искоренила терроризм на своей территории (число инцидентов террористического характера на территории Российской Федерации упало в десятки раз) и в 2015 году перенесла борьбу с терроризмом на «дальние рубежи», – в Сирию, Ливию, а на своей периферии – на периметр ШОС (где эффективно действует Региональная антитеррористическая структура – РАТС ШОС) и ОДКБ. Это не сделало российскую землю территорией, абсолютно защищенной от террористических атак (абсолютной защищенности вообще не бывает), но при этом вокруг страны появилось несколько периметров безопасности. Не говоря уже о том, что большое количество боевиков просто не смогли доехать до России, будучи уничтоженными в результате проведения специальных операций в Сирии, Ливии, государствах Центральной Азии и так далее. В этом тоже заслуга НАК и других ведомств, борющихся с терроризмом: по оценке председателя НАК А.В. Бортникова, «ситуация в области противодействия терроризму в стране сохраняет тенденцию к нормализации, но остается сложной в связи с продолжающейся деятельностью бандгрупп на Северном Кавказе, активизацией деятельности международных террористических организаций» [1, с. 18–19]. И это действительно так. Причем в системной организации борьбы с терроризмом огромную роль сыграл опыт,

накопленный отечественными антитеррористическими подразделениями на протяжении всей новейшей истории Российской Федерации.

Именно поэтому книга, написанная В.П. Барановым и В.П. Журавелем, в контексте научно-практического осмысления проблемы борьбы с терроризмом представляет особый интерес. В ней в системном виде и в хронологическом порядке раскрыты особенности, этапы, проблемы и практика противодействия терроризму в России и мире в 2016 году. При этом монография является продолжением ранее изданных книг, в которых раскрывались вопросы борьбы с терроризмом с 2007 по 2015 год.

Особый интерес представляет анализ современного состояния борьбы с терроризмом в странах Европы. Авторами также подробно раскрывается деятельность правоохранительных органов, спецслужб, Воздушно-космических сил России, антитеррористической коалиции западных стран в Сирии против террористических организаций; детально показан процесс расследования террористических актов. Неслучайно директор Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации В.В. Золотов подчеркнул: «Знакомясь с новой книгой доктора исторических наук, профессора, генерал-полковника В.П. Баранова и кандидата педагогических наук, доцента, полковника запаса В.П. Журавеля, ... приходишь к выводу о том, что в нашей стране формируется крепкая научная школа, поставившая перед собой цель системно, достоверно и детально проанализировать проблему безопасности и защиты нашего государства от террористических проявлений»².

В российской и мировой политической науке проблематика международного терроризма разработана достаточно глубоко и всесторонне, в том числе в комплексе с иными глобальными вызовами и угрозами. В числе наиболее значимых трудов можно указать публикации А.М. Арефьева, В.И. Василенко, А.Г. Волеводз, В.Н. Давыдова, В.С. Овчинского, И.А. Сафранчука, И.Ю. Сундиева, М.А. Кочубей [2; 3; 4; 5; 6; 7], а в части, касающейся исследования исламистских террористических организаций, — труды И.А. Дмитриева, И.П. Добаева, В.В. Наумкина, С.Е. Новака [8; 9; 10; 11; 12; 13]. Из иностранных авторов значительный интерес представляют работы А. Джонгмана, С. Линча, М. Креншоу, А. Маска, Ф. Маххадама, Б. Хоффмана, В.З. Лакера, Л. Томпсона, Р. Уайта [14; 15; 16; 17]. Особый интерес в плане изучения новых форм и методов борьбы с терроризмом представляют работы Ф. Уильямса, изучающего связь терроризма с международными криминальными и мафиозными структурами [18]; Дж. Аркуилла, Д. Ронтелда и М. Жанини, анализирующих эволюцию международного терроризма и предлагающих собственную методику противодействия сетевым формам

² См.: Научная школа Росгвардии по изучению проблем противодействия терроризму получила высокую оценку [Электронный ресурс]. / Федеральная служба войск национальной гвардии. Официальный сайт. 2017, 9 марта. URL: <http://rosgvard.ru/RU/news/article/nauchnaya-shkola-rosgvardii-pozhucheniyu-problem-protivodejstviya-terrorizmu-poluchila-vysokuyu-ocenku?print=true>.

терроризма и экстремизма [19]; Б. Хоффмана, посвященные выявлению трендов террористической активности в мире [20]; К.Р. Кларка, исследующего особенности финансирования деятельности террористов, а также их связи с международным криминальным сообществом [21; 22; 23], особенно, с наркокартелями.

* * *

Несмотря на всю глубину научной разработанности данной темы в России и за рубежом, для книги В.П. Журавеля и В.П. Баранова остается своя ниша: их исследование обобщает и систематизирует большой объем эмпирической информации о современном состоянии борьбы с терроризмом в России и в мире. Подходы авторов к систематизации и обобщению этого массива данных уже вносят вклад в развитие науки и имеют самостоятельную ценность и значимость (как в теоретическом, так и в прикладном плане).

Основное содержание книги напоминает по своей структуре справочник: она насыщена конкретной, детальной информацией о событиях, фактах, инцидентах, произошедших в 2016 году и связанных с борьбой с терроризмом не только в России, но и других странах мира, а также — о развитии процессов сотрудничества различных государств в деле обеспечения и укрепления международной безопасности. Эта информация, тщательно отобранная авторами из различных источников (от официальных документов и заявлений до сообщений СМИ), систематизирована и располагается в книге по месяцам (с января по декабрь 2016 г.). Такой подход исследователей к контент-структуре монографии дает возможность читателю получить полную картину состояния безопасности и деятельности по противодействию терроризму на текущий момент. Благодаря этому борьба с терроризмом в России и на дальних рубежах раскрывается в динамике, цифрах, фактах, событиях, выявляя и характеризуя тенденции, ведущие к качественному изменению ситуации в данной области в целом.

Из отдельных заявлений российских официальных лиц и сообщений СМИ в сознании читателей книги формируется целостное представление не только об успехах и неудачах уполномоченных органов и специальных служб, но и создается базовая основа для анализа, применения аналитических методов научного познания, а также для формирования прогнозов на кратко-, средне- и долгосрочную перспективы. Это тем более важно, поскольку борьба с терроризмом (особенно, с международным) — это надолго: не случайно 28 июля 2016 года директор ФСБ России А. Бортников по завершению работы XV Международного совещания спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов заявил, что, «несмотря на предпринимаемые меры, количество террористических атак не сокращается; можно с уверенностью сравнить это с болезнью организма, которому вводится соответствующая прививка, а иммунитет, тем не менее, дает сбой и эта зараза (терроризм) мутирует» [1, с. 228]. При этом, по мнению дирек-

тора ФСБ России, «необходимо работать, не только пресекая деятельность террористических структур, выходцев из опасных регионов, которые этим делом постоянно промышляют, и понимать природу тех явлений, с которыми мы сталкиваемся» [1, с. 228].

Последнее замечание напрямую касается использования в антитеррористической деятельности потенциала науки, научных методов, способных вскрыть природу явлений, с которыми борются российские антитеррористические структуры. А для этого, в свою очередь, должна быть собрана и систематизирована информационная база, содержащая фактические данные и опыт, накопленный в борьбе с терроризмом (массив данных для применения аналитических методов). Большой вклад в создание такой базы и вносит книга В.П. Журавеля и В.П. Баранова.

В работе в достаточной мере раскрываются и актуальные на сегодняшний день проблемы борьбы с международным терроризмом, такие, как проблема контроля и противодействия иностранным боевикам-террористам, перемещающимся в зоны боев, возвращающимся в страны исхода, а также — проблема радикализации населения и вовлечения новых членов в деятельность террористических структур. В отдельном ключе в книге поднимается вопрос организации противодействия идеологии терроризма, для эффективного противодействия которой требуется качественно перестроить всю систему контридеологической борьбы, объединить информационные базы данных о террористах, которые имеются в различных странах и организациях. В книге эта безусловно верная позиция находит свое научное обоснование.

К сожалению, дальше выводов о необходимости реформирования системы борьбы с терроризмом авторы книги не идут: выявляя недостатки уже действующей системы контртеррористической борьбы (причем, делая это на основе всестороннего научного анализа конкретных фактов, тенденций, проявлений), они практически не предлагают конкретных решений по их устранению, в плане рекомендаций по реформированию отечественной системы борьбы с терроризмом занимая весьма осторожную позицию и, видимо, оставляя право делать обобщающие выводы другим исследователям.

Одним из важных выводов, содержащихся в книге, представляется заключение о том, что современный терроризм, реагируя на новые формы и методы, инструменты борьбы с ним, не остается неизменным, и так же быстро и интенсивно «мутирует», стремясь адаптироваться к новым условиям [1, с 181–182]. Сегодня терроризм повсеместно носит международный (интернационализированный и трансграничный) характер, он представлен разветвленными террористическими организациями, имеющими сетевую (ячеистую) структуру и филиалы в различных странах и регионах мира, ведущими с национальными правительствами отдельных государств и глобальным консорциумом в целом сетевую террористическую войну. При этом некоторые международные террористические организации на-

чинают претендовать на создание на подконтрольных им территориях квазигосударственных образований — разнообразных террористических «халифатов» и «вилаятов» со своей военно-гражданской администрацией, налоговой системой и так далее, позволяющей террористам закрепить свою власть на захваченных пространствах. Именно такое квазигосударственное образование возникло в 2012–2013 годах на территории Сирии и Ирака, и для его уничтожения потребовались многолетние колоссальные усилия не только правительств этих двух стран, но и всего международного сообщества. И хотя в Сирии и Ираке ИГИЛ потерпело военное поражение, а сам «халифат», возникший на территории этих двух стран, уничтожен, сама тенденция трансформации международных террористических группировок в движения по созданию собственных квазигосударств вселяет большую, непрерывно растущую тревогу. Ключ к пониманию сущности и содержания этих трансформационных процессов, происходящих с международными террористическими организациями в процессе борьбы с ними (особенно, в части, касающейся усложнения внутренней структуры, степени организации и появления новых форм и методов осуществления преступной деятельности) и дает книга, написанная В.П. Барановым и В.П. Журавелем — специалистами, «проверившими» все особенности этой борьбы на личном опыте.

Большое значение в системной организации работы по противодействию международному терроризму имеет конструктивный опыт, накопленный в этой сфере зарубежными странами. Не случайно 16 октября 2016 года Президент Российской Федерации В.В. Путин на пресс-конференции в индийском городе Гоа заявил, что «Москва выступает за сотрудничество с Вашингтоном в сфере борьбы с терроризмом», «диалог в сфере борьбы с терроризмом всегда есть», «возможен и актуален [1, с. 293].

Опыт взаимодействия различных стран в сфере борьбы с терроризмом также нашел отражение в рецензируемой монографии, причем, в развернуто-панорамном и фактологическом виде, с опорой на серьезные научно-аналитические источники [24; 25; 26]. Так, в книге подчеркивается, что «примеры такого сотрудничества есть». Можно согласиться с авторами книги в том, что сотрудничество в деле борьбы с международным терроризмом — это правильная и единственно верная позиция.

Книга богата по содержательному географическому диапазону, охватывающему проявления терроризма в Африке, странах Ближнего Востока, Афганистане, Индонезии, Филиппинах. На протяжении всей монографии авторы анализируют ход и итоги расследования терактов в Париже и Брюсселе в 2015 года [1, с. 208, 209], в Брюсселе [1, с. 92, 99], Ницце [1, с. 219], прошедших в 2016 году, отмечают недостатки в деятельности правоохранительных органов, которые вскрылись в ходе разбирательства.

Особый интерес представляет анализ террористических угроз и состояния борьбы с ними на Балканах. Действительно, Балканский регион

с давних пор представляет собой «пороховую бочку» Европы, и именно поэтому проникновение в этот регион международных террористических организаций представляется чрезвычайно опасным. Любые резонансные теракты в этом регионе способны нарушить шаткое равновесие и спровоцировать новую большую войну. В регионе масса чрезвычайно нерешенных и болезненных проблем в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, масса обид, накопленных народами и этносами друг на друга, несколько этнических анклавов с накоплениями оружия и в которых находят пристанище боевики с Ближнего Востока. В этой ситуации достаточно серии резонансных терактов, чтобы ситуацию взорвать.

Значительное внимание в рецензируемой работе уделяется анализу антитеррористической деятельности на территории Российской Федерации. В книге можно найти значительное количество примеров по деятельности ФСБ, Росгвардии и МВД по противодействию терроризму, в частности по проведению контртеррористических операций в Кабардино-Балкарии [1, с. 33, 115, 116, 248, 314], Ингушетии [1, с. 83, 158, 174, 194, 321, 322], Чеченской Республике [1, с. 100, 141, 146, 226, 302, 309], Крыму [1, с. 239, 240], Москве [1, с. 317], а также в других районах России. Больше всего таких результативных операций было проведено в Дагестане [1, с. 29, 40, 45, 50, 85, 87, 98, 100, 115, 147, 149, 169, 209, 212, 225, 235, 236, 237, 241, 247, 281, 282, 290, 291, 298, 302, 308, 309, 330, 333, 334]. В книге содержится большое количество примеров по возбуждению уголовных дел и решений судов с обвинительными приговорами против лиц за участие в незаконных вооруженных формированиях против силовых структур, за финансирование терроризма, публичные призывы и оправдание терроризма, незаконное хранение оружие и боеприпасов и т.д.

Интересна представленная в книге динамика выезда граждан России и стран СНГ в районы вооруженных конфликтов в Сирии, Ираке и Афганистане [1, с. 87, 93–95, 100, 106, 111, 166, 171, 256, 286].

С опорой на заявления руководителей спецслужб и правоохранительных органов раскрываются состояние террористической опасности и меры по борьбе с этой угрозой в ряде европейских стран, в том числе в Германии [1, с. 34, 68, 69, 95, 134, 326], Франции [1, с. 24, 41, 79, 89, 90, 146, 147, 179, 180, 188, 234, 259, 260, 261], Бельгии [1, с. 24, 53, 75, 92, 99, 102, 152, 214], Дании [1, с. 79], Испании [1, с. 77, 119], Нидерландах [1, с. 28] и Великобритании [1, с. 67, 310], которые в большинстве своем связаны с наплывом мигрантов и действиями и намерениями граждан этих страны возвратившихся из Сирии и Ирака.

В издании широко представлена информации о законодательных актах, которые были приняты по противодействию терроризмом Россией [1, с. 35, 12, 113, 155, 156, 195, 198, 207], Узбекистаном [1, с. 130], Венгрией [1, с. 178],

Польшей [1, с. 183, 184, 205], Белоруссией [1, с. 187, 188], Бельгией [1, с. 214], Израилем [1, с. 234, 235], Ираном [1, с. 27], Египтом [1, с. 30, 31], Францией [1, с. 57], Европарламентом [1, с. 116], Парламентской ассамблеей ОБСЕ [1, с. 207, 208].

Авторы разместили в книге материал, в котором раскрываются вопросы увековечивания в 2016 году памяти военнослужащих и сотрудников Росгвардии и Российской армии, погибших в ходе служебно-боевой деятельности на Северном Кавказе в разные годы. Читая подвиги героев, понимаешь каким тяжелым трудом и человеческими жизнями молодых людей достигается победа над терроризмом.

Книга не лишена и недостатков, которые являются зеркальным отражением преимуществ избранного авторами стиля и формата изложения материала. Работа представляет колоссальный научный интерес именно как источник уникального, ценного, систематизированного справочного материала, сведений, фактов. Ее содержание — кладезь эмпирического материала, собранного из первоисточников и потому особо ценного для исследования, для работы ученых и специалистов. Высокий уровень структуризации и систематизации материала позволяет к этому массиву сразу применять как качественные, так и количественные методы научного анализа. Между тем, именно этого авторы и не сделали, что придает их работе некоторый вид незавершенности. На странице 360 хронологическое изложение собранного авторами книги эмпирического материала обрывается без каких-либо обобщающих выводов и далее следуют выдержки из Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (от 2016 года) и перечень научных публикаций по избранной авторами тематике. Последний весьма полон и обширен, он содержит срез всего состояния научной публикационной активности соответствующего направления. Но при этом большинство из них в своей работе авторами книги не использовались. Прекрасно подобранная и систематизированная эмпирика явно нуждается в обработке качественными и количественными методами. Но представленные замечания не умаляют общую новизну, важность и высокое качество книги.

В заключение отметим, что В.П. Баранов и В.П. Журавель представили российскому и международному научному сообществу исключительно интересную монографию, выполненную на высоком системно-аналитическом и экспертном уровне. Это — концептуально стройная, целостная, фундированная работа, опирающаяся на солидную источниковую базу, демонстрирующую прекрасное владение авторами методологией политологических исследований, и высокопрофессиональный стиль подачи знаний широкой аудитории. Научное качество выводов и обобщений, дефиниций, представленных в книге, в значительной мере соответствует передовому уровню развития современной политической науки.

Список литературы

1. Баранов В.П., Журавель В.П. 2016. Противодействие терроризму. М.: Институт Европы РАН. 2018. 408 с.
2. Арефьев А.М. От глобального к региональному сотрудничеству в области борьбы с терроризмом: опыт АТЦ СНГ и перспективы развития // Международная жизнь. 2018. № 12. С. 18–23.
3. Василенко В.И. Терроризм как социально-политический феномен. М.: Изд-во РАГС, 2002. 218 с.
4. Веселовский С.С. Многостороннее сотрудничество в борьбе с транснациональным терроризмом. М.: Навона, 2009. 272 с.
5. Волеводз А.Г. Международно-правовые основы противодействия боевикам-террористам и внутригосударственное право // Московский журнал международного права. 2017. № 1. С. 98–109.
6. Давыдов В.Н., Хуссейн Г.А.Б. Вариативная матрица угроз: информационно-критериальный подход // Евразийский Союз 2017. № 4. С. 31–45.
7. Овчинский В.С. Международно-правовые основы борьбы с терроризмом. М.: ИНФРА-М, 2010. 478 с.
8. Дмитриев И.А. Что такое исламистский терроризм // Власть. 2011. № 6. С. 113–115.
9. Добаев И.П. «Новый терроризм»: глобализация и социально-экономическое расслоение // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 5. С. 114–120.
10. Кожушко Е.П. Современный терроризм: анализ основных направлений. Минск: Харвест, 2000. 448 с.
11. Конфликты и войны XXI века: Ближний Восток и Северная Африка / отв. ред. В.В. Наумкин и Д.Б. Малышева. М.: ИВ РАН, 2015. 503 с.
12. Наумкин В.В. Исламизм, этничность и конфликты: о роли символической политики // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 9–27.
13. Новак С.Е. Жестокость в формате современного терроризма // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 5. С. 332–336.
14. Махаддам Ф.М. Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают, и почему обращаются к насилию. М.: Форум, 2015. 288 с.
15. Dershowitz A.M. Why Terrorism Works: Understanding the Threat, Responding to the Challenge. New Haven, CT: Yale University Press, 2003. P. 771–797.
16. International encyclopedia of terrorism / Ed. by M. Crenshaw, J. Pimlott. Routledge, 2015. 1000 p.
17. White R.J. Terrorism and Homeland Security. Belton: Thomson -Wadsworth, 2006. 271 p.
18. Williams Ph. Transnational criminal Networks // Networks and Netwars: the Future of Terror, Crime and Militancy / Eds. J. Arquilla & D. Roniteldt. 2001. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/MR1382/MR1382.ch3.pdf.
19. Arquilla J., Roniteldt D., Zanini M. Networks, Netwar, and Information-Age Terrorism // Countering the New Terrorism. 1999. P. 39–84. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR989.html.

20. Hoffman B. Terrorism Trends and Prospects // Countering the New Terrorism. 1999. P. 7–38. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR989.html.
21. Clark C.P. How Terrorist Groups Learn: Implications for al Qaeda. URL: <https://www.rand.org/blog/2019/03/how-terrorist-groups-learn-implications-for-al-qaeda.html>.
22. Clark C.P. ISIS's New Plans to Get Rich and Wreak Havoc. URL: <https://www.rand.org/blog/2018/10/isiss-new-plans-to-get-rich-and-wreak-havoc.html>.
23. Clark C.P. Crime and Terror in Europe: Where the Nexus Is Alive and Well. URL: <https://www.rand.org/blog/2016/12/crime-and-terror-in-europe-where-the-nexus-is-alive.html>.
24. Сироткин И.Г. О деятельности Национального антитеррористического комитета в 2006–2015 годах // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2015. № 2. С. 30–31.
25. Ильин И.П. Об итогах деятельности федерального оперативного штаба в 2006 – 2016 годах // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2015. № 2. С. 41.
26. Анисимова Н.А. Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе: причины формирования и стратегии противодействия: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов, 2013. 30 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ OUR AUTHORS

БЕРЕЗКИНА Елена Юрьевна, преподаватель кафедры иностранных языков № 2 Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; BEREZKINA Elena Yur'evna, lecturer, Academic Department of Foreign Languages №2, Plekhanov Russian University of Economics; euproskurina@gmail.com

БЫШОК Станислав Олегович, кандидат политических наук, исполнительный директор Автономной некоммерческой организации «Международная организация по наблюдению за выборами «CIS-ЕМО»; BYSHOK Stanislav Olegovich, candidate of political sciences, executive director of Autonomous non-profit organization «International organization for election monitoring «CIS-ЕМО»; sbyshok@gmail.com

ГЕТМАНСКАЯ Ольга Юрьевна, аспирант кафедры конституционного права им. Н.В. Витрука ФБГОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»; GETMANSKAYA Olga Yur'evna, post-graduate student of the department of constitutional law named N.V. Vitruk, Russian State University of Justice; o.getmansk@gmail.com

ДАСКАЛОВА Кристина Росеновна, студент социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; DASKALOVA Kristina Rosenovna, student, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University; krisidaskalova@gmail.com

ЕЖОВ Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, доцент, доцент Департамента политологии Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации; EZHOV Dmitri Aleksandrovich, candidate of political sciences, associate professor, associate professor of the Department of political science, Financial University under the Government of the Russian Federation; president@lenta.ru

ИГНАТОВ Александр Вячеславович, кандидат юридических наук, исполнительный директор Российского общественного института избирательного права; IGNATOV Aleksandr Vyacheslavovich, candidate of law, executive Director of the Russian Public Institute of Electoral Law; ignatov@mosk.ru

КУСТОВ Сергей Сергеевич, старший преподаватель кафедры административного, финансового и корпоративного права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИИХ»; KUSTOV Sergei Sergeevich, senior lecturer of the Administrative, Finance and Corporate Law Department, Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM); sergio2412@yandex.ru

МАНОЙЛО Андрей Викторович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки Центра научно-информационных иссле-

дований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН; MANOILLO Andrei Viktorovich, doctor of political sciences, leading researcher of the Department of Europe and America of the Centre for Academic Research and Informational Studies on Global and Regional Issues, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); cyberhurricane@yandex.ru

ПЫРМА Роман Васильевич, кандидат политических наук, доцент Департамента политологии Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации; PYRMA Roman Vasil'evich, candidate of political sciences, associate professor of the Department of political science, Financial University under the Government of the Russian Federation; rpyrma@gmail.com

РОДИОНОВА Марина Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента политологии Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации, директор по PR и GR Celebrium-Labs; RODIONOVA Marina Evgen'evna, candidate of social sciences, associate professor, associate professor of the Department of political science, Financial University under the Government of the Russian Federation, PR and GR Director of Celebrium-Labs; m.rodionova@mail.ru

ТУМАНЯН Гарник Вагинакович, магистрант Института экономики и менеджмента Национального исследовательского Томского государственного университета; TUMANYAN Garnik Vaginakovich, master of the Institute of economy and management, National Research Tomsk State University; tumangar@mail.ru

ФЕДОРЧЕНКО Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права; заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Московского государственного областного университета, докторант Института философии РАН; FEDORCHENKO Sergei Nikolaevich, candidate of political sciences, associate professor of the Department of Political Science and Law; Deputy Dean of the Faculty of History, Political Science and Law for scientific work, Moscow Region State University, doctoral student RAS Institute of Philosophy; s.n.fedorchenko@mail.ru

ФЕЛЬДМАН Павел Яковлевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии социально-гуманитарного факультета ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», заместитель директора Института стратегических исследований и прогнозов Российского университета дружбы народов; FELDMAN Pavel Yakovlevich, associate professor, associate professor of the Department of Philosophy and Sociology of Social and Humanitarian Faculty, Academy of Labour and Social Relations, Deputy Director of the Institute for Strategic Studies and Predictions, RUDN University; pavelfeld@gmail.com

ШАКУРОВА Наталья Евгеньевна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; SHAKUROVA Natalya Evgen'evna, candidate of political sciences, associate professor, associate professor of the Department of Political Science and Law, Moscow Region State University; natalyapretty@mail.ru

Правила направления, рецензирования и опубликования статей

Направляемые для публикации в журнале «Гражданин. Выборы. Власть» статьи должны соответствовать следующим требованиям.

Тема и содержание статьи должны соответствовать профилю, научному уровню и тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов. Специфика издания — освещение наиболее важных аспектов избирательного процесса, современных достижений юридической и политической науки.

Статьи, ранее опубликованные или переданные в другие издания, в журнале не публикуются.

Объем статьи должен составлять не менее 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), для раздела «Рецензии» — 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Материалы, объем которых превышает 1 авторский лист (40 тыс. знаков), рассматриваются Редколлегией только в порядке исключения. При этом оптимальным вариантом, которому отдается предпочтение, является статья с отклонениями от указанного максимального объема не более 5 тысяч знаков.

Название статьи должно соответствовать ее содержанию. Название печатается заглавными буквами на русском и английском языках, и не должно превышать трех строк.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Microsoft Word for Windows (версии 6.0 и выше, в формате *.doc) с использованием стандартного шрифта Times New Roman размером № 14 через полтора межстрочных (компьютерных) интервала на русском языке для основного текста.

Все фактические данные, а также цитаты, приводимые в статье, должны иметь точные и исчерпывающие ссылки на источник. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначенной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Сноски на литературу размещаются по тексту статьи в ручных квадратных скобках: [1], [2], [3] и т.д.... Номер страницы цитируемого источника или их интервал указываются через запятую при необходимости [1, с. 15]; [1, с. 15–20] ... Библиографическое описание цитируемой литературы размещается в разделе «Литература» в конце текста статьи в порядке ее упоминания в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, с нумерацией без квадратных скобок: 1,2,3 и т.д.... В раздел «Литература» включаются только те публикации (монографии, научные статьи и т.д.), на которые есть ссылки в тексте статьи. Авторам рекомендуется избегать цитирования учебных изданий. Ссылки на нормативные правовые акты, статистические данные и результаты опросов приводятся в подстрочнике (в случае необходимости) или в тексте статьи. В разделе «Литература» указанные источники не упоминаются. Авторские пояснения приводятся в подстрочнике или в тексте статьи. Текст направляемого материала должен соответствовать стилистическим, орфографическим, синтаксическим и другим нормам русского языка. Сокращения слов не допускаются. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены и подтверждены ссылками.

Особые требования предъявляются к иллюстративному материалу. Таблицы должны быть пронумерованы, озаглавлены и иметь сноску на источник, а рисунки, кроме этого, подписаны. Весь графический материал должен быть выполнен в черно-белом цвете, интегрирован в файл формата *.doc и представлен в виде, доступном для редактирования, а также иметь отсылки в тексте. Если диаграмма недоступна для редактирования, то необходимо сопроводить ее таблицей данных. Графический материал должен сопровождаться надписями на русском языке. Авторам рекомендуется избегать интеграции в текст статьи большого количества таблиц, рисунков и диаграмм.

Согласно требованиям ВАК России, к статье обязательно прилагаются: аннотация (не более 5 предложений на русском и английском языках), список ключевых слов (5–8 на русском и английском языках), сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью, официальное место работы, занимаемая должность, ученая степень, звание (аббревиатуры расшифровывать), адрес места работы (или домашний адрес) с указанием почтового индекса, телефон и адрес электронной почты). Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных сносках.

Невыполнение любого из указанных требований является поводом для отказа в приеме материала.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации.

Все статьи, поступившие в редакцию и отвечающие настоящим требованиям, рецензируются. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию журнала соответствующего запроса. Редакция оставляет за собой право редактировать текст публикации (изменять название, сокращать объем, представлять числовые данные в графической форме и пр.).

Перепечатка материалов допускается только при наличии ссылки на журнал «Гражданин. Выборы. Власть».

Электронный вариант статьи необходимо направлять посредством электронной формы отправки статей на странице издания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или по электронному адресу gvv@tcoit.ru с пометкой «статья в журнал».

Направление автором текста статьи в редакцию означает его добровольное согласие и безвозмездное предоставление редакции права на использование его произведения и любой его части в печатной и электронных версиях (в том числе, включение в различные базы данных, информационные системы и системы научного цитирования), а также согласие на обработку персональных данных автора и прочие работы с привлечением третьих лиц в целях популяризации произведения. Редакция рассматривает факт получения статьи как передачу авторами исключительных прав на их использование в соответствии указанными выше условиями.

Плата за публикацию с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Журнал распространяется по подписке и по списку рассылки.

Журнал выходит раз в три месяца.

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**№ 3(17)
2020**

ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 24.08.2020.
Формат 70x100 1/16.
Печать офсетная.
Печ. л. 13.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Тамбовский полиграфический комбинат»
392000, Тамбовская область, г. Тамбов,
Моршанское шоссе, д. 14А